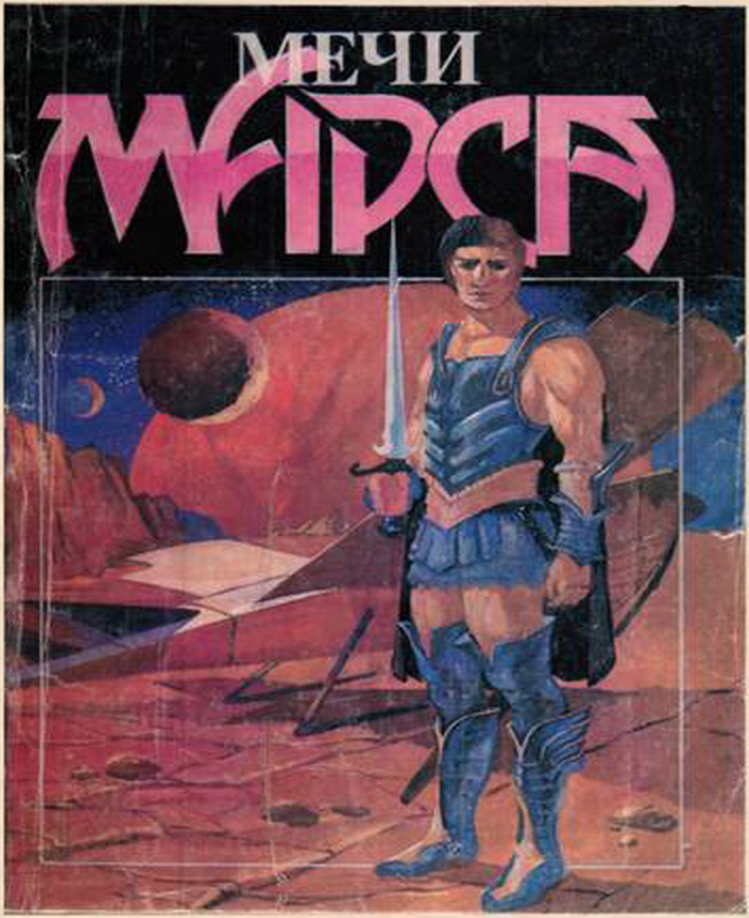
зарубежная фантастика

АЛИСА

МЕЧИ МАРСА



Мечи Марса. [Сборник]

Ли Дуглас Брэкетт, Филип Хосе Фармер, Роберт Ирвин Говард

Аннотация
Мечи
Ли Брэкетт. ТАНЦОВЩИЦА С ГАНИМЕДА
Роберт Е. Говард. ВЕДЬМА, КОТОРАЯ РОДИТСЯ
Ли Брэкетт. ВЕНЕРИАНСКАЯ КОЛДУНЬЯ
Ли Брэкетт. МЕЧИ МАРСА
Ф. Ж. Фармер. БИЗНЕС БОГА

Аннотация

сборник зарубежной фантастики
Ли Брэкетт. Танцовщица с Ганимеда.
Роберт Говард. Ведьма, которая родится.
Ли Брэкетт. Венерианская колдунья.
Ли Брэкетт. Мечи Марса.
Ф. Ж. Фармер. Бизнес Бога.

Мечи

сборник

фантастики

А Л И С А
КРАСНОЯРСК
1991 г.

Редакторы: А. Н. Галайко, Л. В. Кудрявцев.
Тех. редактор: А. С. Бойко.
Сдано в набор: 3.09.1991 г.
Подписано в печать: 29.09.1991 г.
Типография ОТРиП.

Издание второе, исправленное и переработанное.
Дополнительная редакция: Terrano
Москва, 2012.

Без объявлений — 1991 г.
© МП «Алиса», 1991 г.
© Оформление А. Шедченко

Ли Брэкетт
ТАНЦОВЩИЦА С ГАНИМЕДА

БРОДЯГА

По дороге на улицу Игроков Тони Хара заглянул на рынок. Кислое вино плескалось в его желудке, карманы были пусты, и он никуда не спешил.

Багровое пламя факелов, вечно горевших под темным небом, слегка дрожало от ветра. Хара лениво посмотрел на занимавший половину неба Юпитер, на сиявшую рядом с ним большую желтую звезду — Солнце, и не спеша направился к площади, а следом за ним, словно тень, метнулся Ток — лесной житель с глазами лемура.

Они вышли на площадь и Ток, внезапно вытя-

нув лапку, схватил своего хозяина за рукав.

— Господин! Подожди!

Хара удивленно обернулся и попытался было возразить, но так ничего и не сказал. Ему помешал взгляд Тока. Пустой и странный — полный видимого страха.

Абориген замер — неподвижная тень между факелами. Ноздри его трепетали, и этот трепет постепенно перешел на все его тонкое тело, как будто с каждым вздохом он впитывал ужас.

— Господин! — выдохнул он, — там зло… зло и смерть.

Но Хара не видел ничего особенного, кроме привычной толпы — людей без земли и закона, забытых и никому не нужных теперь обломков Внутренних Миров. Единственное, что было здесь необычным, так это музыка. Барабан, флейта и двойная арфа, исполняющие грубую, варварскую, но бодрящую кровь мелодию.

В это время Ток закричал:

— Уходи! Вернись обратно, господин! Ветер полон смерти!

Его соплеменники уже бежали с площади, один из них простонал на ходу.

— Демоны. Демоны с сумрачными глазами.

— Беги! Беги, господин, — прошептал Ток и

столько ужаса было в его словах, что Хара едва не бросился прочь, но на секунду задумался и рассмеялся.

— В чем дело, Ток, — спросил он на простом языке аборигенов, — Я не вижу здесь демонов.

— Они там, умоляю тебя, господин…

— Знаешь, — мрачно сказал Хара, подбрасывая на ладони пару монет. — Либо я выиграю деньги, либо ты украдешь для нас что-нибудь съестное. Беги, если хочешь.

Он похлопал Тока по плечу и вышел на площадь.

Затем увидел танцовщицу — малиновый вихрь на грязной мостовой, порхающую под звуки флейты, барабана и арфы, на которых играли трое мужчин. Судя по орнаменту на ее разорванном платье, это была бродяжка, нечто вроде межпланетной цыганки.

Кое-кто из них уже бывал на базаре, но эту девушку Хара видел впервые. Ни один мужчина не смог бы ее забыть.

Полуголая, она танцевала при свете факелов, и у нее были золотисто-рыжие волосы, лицо улыбающегося ангела и черные глаза.

И эти темные, глубокие глаза не улыбались и не имели ничего общего с гибкой веселостью тела:

они были печальны и в них горел такой гневный огонь, что Хара подумал, что никогда еще не видел так много горькой ярости в глазах человека.

Он продвигался все ближе, пока не оказался у самого круга, освобожденного для танцовщицы, так близко, что ее длинная грива едва не хлестнула его, а девушка внезапно замерла перед ним и, подняв руки над головой, взглянула на этого смуглого, мускулистого землянина и взгляд ее был полон ненависти…

Хара почувствовал в этом что-то личное, живое, алчное и уже хотел было заговорить, но она исчезла, увлекаемая дьявольской музыкой.

Тогда он замер в ожидании, охваченный внезапным колдовством, разбить которое не было никакого желания, как неожиданно раздалось рычание, и он увидел у своих ног маленькую коричневую дворняжку.

Дворняжка задрала к небу морду и завыла.

Этот дикий протяжный стон был подхвачен другой собакой и, наконец, уже вся площадь гудела от него. Он разносился по извилистым улочкам и темным проходам Кумара — отчаянный и полный ужаса.

Колена Хары коснулось костлявое тело, и он увидел, что уже вся площадь полна собак.

Дворняжка зарычала и прыгнула на грудь девушки.

БРАТЬЯ

Девушка двигалась также быстро, как и собака, и на лету поймала маленькое нервное тело. Затем молниеносно выпрямилась, сжимая обезумевшее, визжащее животное и глаза ее стали узкими щелочками ледяного огня, абсолютно черными и безжалостными.

Она бросила собаку прямо в морду борзой, прыгнувшей с другой стороны, и они, яростно рыча, покатились по мостовой.

Собаки и люди смешались. Что-то сделало животных безумными, и они рвали все, что встречалось у них на пути. По мостовой текла кровь, под светом факелов засверкало оружие, яростные крики разносились в обжигающем ветре.

Сражались только люди и собаки. Аборигены бежали.

Хара увидел, что танцовщица спешит к нему и рукояткой пистолета ударил по голове преследовавшую ее собаку с длинной мордой.

Толпа понесла его. Хара споткнулся и увидел под ногами алые лохмотья и белое платье девушки. Он склонился над ней, и уже через секунду

она стояла рядом.

Тогда Хара улыбнулся, схватил девушку и позволил толпе нести их.

А девушка, вытащив из своих лохмотьев небольшой острый нож, стала со смехом орудовать им.

— Конечно, хорошо, что она такая храбрая, — отчаянно работая кулаками, подумал Хара, — но ей не следовало бы так веселиться.

Потом увидел переулок и бросился туда.

Дома здесь стояли как попало, и вскоре он заметил нишу, где когда-то была лавочка или мастерская и, забившись в нее, поставил девушку сзади себя, а сам стал напряженно следить за толпой, проносящейся в нескольких сантиметрах от них.

— Почему ты так смотрела на меня? — хрипло спросил он. — Ты знаешь, кто я, или вообще ненавидишь мужчин?

— Ты спас меня только для того, чтобы спросить это?

Она прекрасно, без малейшего акцента, говорила по-английски и голос ее был так же красив, как и тело — чистый и нежный.

— Может быть.

— Прекрасно. Я ненавижу мужчин и женщин.

Особенно женщин.

Она сказала это очень естественно, а Хара, вдруг почувствовал себя неуютно, зная, что в любую минуту может получить удар ножом. Резко повернувшись, он схватил ее за руку.

Девушка позволила забрать нож и улыбнулась.

— Страх, — тихо сказала она, — всегда страх.

— Но ты не боишься.

— Нет. — Она посмотрела на дорогу. — Толпа немного поредела. Я должна идти искать братьев.

Крупная дворняга вытянула морду и зарычала.

Хара дал ей пинка — собака отступила, уставившись на девушку горящими глазами.

— Стоит ли тебе идти? Похоже, что собаки не любят тебя.

— На мне нет ни одной царапины! — со смехом возразила она. — А посмотри-ка на себя.

Вся его одежда была в лохмотьях, из многочисленных ран сочилась кровь.

— С чего это они?

— Страх. Всегда страх. Ну, я пошла.

Она хотела пройти, но он удержал ее.

— Э, нет! Я спас тебе жизнь, красотка, и ты так просто не отделаешься.

Отбросы, уличная танцовщица, пария в красных лохмотьях, но он не мог дать ей уйти.

Он наклонился и поцеловал ее.

— Как зовут тебя, маленькая бродяга?

— Мерит.

Хара знал, что это слово значит на жаргоне воровских рынков и улыбнулся.

— А почему тебя зовут «запретной»?

Она сумрачно посмотрела на него.

— Ни один мужчина не может меня любить.

— И ты не хочешь пойти со мной, Мерит?

— Предупреждаю, землянин. Я — смерть.

Хара засмеялся.

— Ты еще ребенок, а дети не должны ненавидеть. Пойдем ко мне, Мерит. Я просто буду целовать тебя, накуплю красивых вещей и научу смеяться.

Она ответила не сразу. Ее лицо было… ЗАДУМЧИВО…, как будто она прислушивалась к чему-то. Потом пожала плечами:

— Хорошо, я пойду с тобой.

Они шли по пустынным тихим улицам, и его охватило какое-то странное чувство. Было что-то такое, чего он не понимал — сомнение, почти страх, сжало его сердце и он так и не знал, кого обнимает — ребенка, женщину или какое-то

чуждое создание.

Но девушка была слишком прекрасна, чтобы отпустить ее.

Они оставили позади рынок и вышли на извилистую улочку с глухими стенами домов, как вдруг из темноты возникли две мрачные фигуры и преградили им путь.

Один из них был высоким широкоплечим землянином с тяжелыми чертами лица, а другой — венерианин: тонкий, красивый, со светлыми блестящими волосами.

— В чем дело? — громко спросил Хара. — Чего вы хотите?

— Нам нужна девушка, — глухо ответил землянин, — не ты.

Мерит резко повернулась, словно хотела бежать.

— Кто-то сзади, — испуганно прошептала она.

Во всем ее сжавшемся теле чувствовалось неимоверное напряжение, и Хара вдруг понял, что она смертельно испугана.

— Не позволяй им увести меня, — шепнула она. — Умоляю, не отдавай меня им! — И словно про себя, добавила: — Скорее, ради бога, скорее.

Хара оглянулся и увидел марсианина с желтыми глазами и волчьим оскалом.

— Мерит, ты знаешь этих людей? — тихо спросил он.

Она кивнула.

— Да. Не имена, но лица.

Страшно было видеть ее такой испуганной.

— От вас пахнет шпиками, — громко сказал Хара. — Вы забыли, где находитесь. Это Кумар.

Высокий покачал головой.

— Мы не из полиции. Это… личное дело.

— Не затевай историй, землянин, — затягивая слова, произнес марсианин. — Мы ничего не имеем против тебя. Нам нужна только девушка.

Он стал осторожно приближаться к ним, словно к опасным животным. Остальные замкнули круг.

— Сними пояс, — невозмутимо сказал высокий землянин, — и брось его на землю.

— Не позволяй им взять меня, — выдохнула Мерит.

Хара выхватил пистолет, но Противники были так же проворны, и марсианин ударил его в висок.

Вспышки тьмы и яркого света затопили мозг Хары, но сквозь багровую пелену, застилающую глаза, он все-таки разглядел, как венерианин схватил девушку.

Маленькое белое тело отчаянно отбивалось.

Он попытался встать, а Мерит тем временем быстро скрутили и марсианин, развернув блестящую, как металл, ткань, накинул ее на голову девушки.

Затем они удалились и эхо шагов гулко отразилось от шершавых стен.

— Мерит! — в отчаянии простонал Хара. — Мерит!

Он вдруг увидел, что перед ним стоят ее братья, их лица были странными и очень белыми в гаснущем свете лун.

ТЕЛЕПАТИЯ

Один из бродяг наклонился и, схватив Хару за рубашку, легко поднял его.

Глаза его были похожи на глаза Мерит — черные, глубокие, с какой-то жестокой злобой.

— Где она? — с угрозой спросил он. — Куда они ее потащили?

— Не знаю… — Хара понял, что уже сам может держаться на ногах и попытался освободиться. — Откуда вы взялись? И как вы…

— Найди ее. — Рука не только не выпустила рубашку, напротив — сжала ее еще сильнее, так, что у него перехватило дыхание. — Ты увел ее,

землянин. Между тобой и собаками произошло что-то, чего не должно было быть. Ты увел ее… и должен найти!

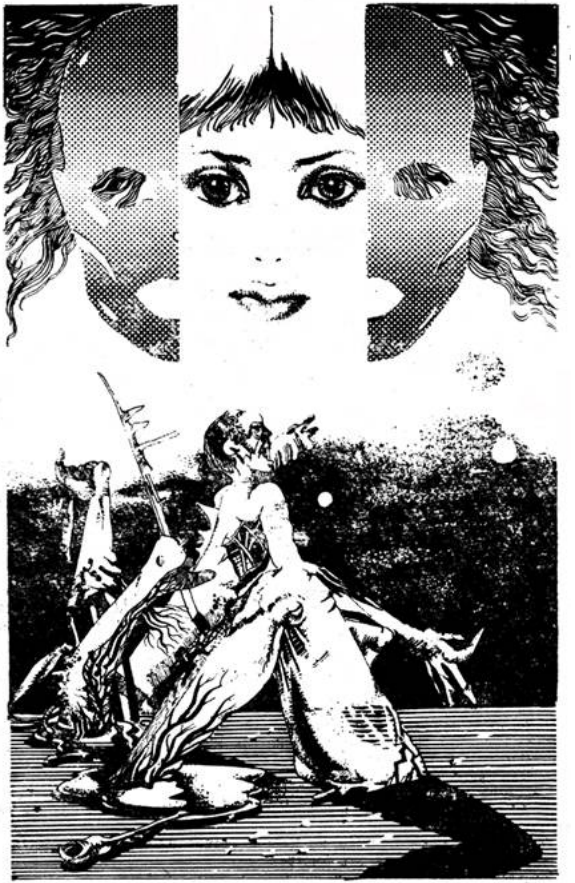
— Отпусти меня, — прохрипел Хара.

— Отпусти его, Кейлин, — спокойно сказал другой, — мертвый он нам ни к чему.

Рука разжалась почти с сожалением.

— Ее надо найти. Немедленно, понял?

Хара вспомнил грозное молчание незнакомцев.



— Я отыщу Тока, — торопливо сказал он. — Ток поможет вам.

— Кто такой Ток?

Землянин объяснил и добавил:

— Аборигены знают всё, что происходит в Кумаре, знают еще до того, как это случится.

Он пошел в сторону рынка, но Кейлин остановил его.

— Подожди. Я сделаю это быстрее.

Настала томительная пауза, затем бродяга улыбнулся.

— Ток идет.

— Телепатия!.. Она просила, чтоб вы поторопились.

Кейлин кивнул.

— Да, но наш талант ограничен. Мы можем общаться между собой и имеем некоторый контроль над низшими разумами — над животными и полулюдьми, вроде Тока, но не умеем читать в разуме людей, укравших нашу сестру, а они не дают ей воспользоваться своим даром.

— Они накинули на ее голову металлическую ткань, — вспомнил Хара.

Кейлин угрюмо кивнул, и они больше не разговаривали, пока не появился Ток.

Боязливо согнувшись, он не хотел идти, но

все-таки шел, как рыба на леске, который был разум бродяги. Хара взглянул в бесстрастное лицо Кейлина, потом в насмерть перепуганные глаза Тока и его охватил гнев, смешанный с некоторой долей страха.

— Ток! — ласково позвал он. — Ток!

Абориген повернул голову и, бросив на хозяина отчаянный и умоляющий взгляд, подполз к ногам Кейлина и скорчился, дрожа.

Хара рванулся к нему, но один из братьев схватил его за руку.

— Если хочешь его спасти — не шевелись!

Кейлин не сказал ни слова, Ток издал только тихий болезненный стон, но уже через минуту бродяга объявил:

— Он знает, где Мерит.

Ток уже встал и пошел.

Походка его стала быстрой, он почти бежал, а Кейлин спокойно наблюдал за ним и глаза его были черными и глубокими, как межзвездное пространство.

«Демоны. Демоны с сумрачными глазами».

Дрожь сверхъестественного страха охватила Хару, но он посмотрел на бродяг в жалких лохмотьях — парий из племени париев, продававших красоту своей сестры на рыночной площади и

немного успокоился.

«Просто я слишком поддался влиянию аборигенов, готовых любую тень принять за нечистую силу», — решил он и стал размышлять о Мерит и марсианине с желтыми глазами. Его кулаки сжались.

Потом Хара задал вопрос, который мучил его с самого начала:

— Что нужно от нее этим людям?

Один из бродяг пожал плечами.

— Она красива.

— Они не думали об этом, — возразил Хара. — Да и вы тоже.

— Старая вражда, — резко бросил Кейлин. — Месть.

Город казался чужим и странным. До них доносился отдаленный шум голосов, который усиливался около лавочек, где продавалось вино, но улицы по-прежнему были пустынны. Даже собаки исчезли.

Ток быстро шел, возвращаясь к нижней части рынка.

Это был квартал Продавцов Грез — поэтическое название лабиринта Крысиных нор и грязных переулков, провонявших бесчисленными снадобьями.

Они остановились в мрачном темном переулке, и Ток указал на разрушенное строение, рядом с которым росло большое дерево.

Бродяга кивнул, освобождая Тока. Абориген метнулся в тень, а Кейлин двигался вперед, бесшумно ступая по пыли.

Не ожидая приказа, Хара забрался на дерево, а с него на гребень дома, чтобы заглянуть через крышу.

Скользящая кровля была плотно закрыта, но она уже давно прогнила, и в трещинах виднелся слабый свет. Внизу горел фонарь и слышался голос человека.

Бродяги теперь были рядом с ним, осторожно ступая по осыпающемуся кирпичу.

Хара опустился на колени и до него донесся медленный, безжалостный голос:

— Мы прибыли издалека ради этого. Нас никто не принуждал. Мы могли бы спокойно остаться дома — пусть беспокоятся другие. Но мы приехали. По одному человеку от каждого мира. Люди, ты слышишь? Человеческие существа! — послышались тяжелые шаги и длинная черная тень упала на Мерит.

Девушка лежала на полу. Ее голову по-прежнему закрывала металлическая ткань, поверх

которой была тугая повязка, закрывающая рот, а на руках блестели наручники, провода от которых тянулись к небольшому черному ящику.

«Портативный генератор», — гневно подумал Хара, и его охватила холодная ярость.

— Ты упряма, — продолжал человек, — но мы не уйдем с пустыми руками. Еще раз спрашиваю: сколько и… где.

Мерит отрицательно покачала головой.

Темная твердая рука, которая могла принадлежать только марсианину, переключила клавишу на черном ящике, и тело девушки напряглось, сотрясаемое болью.

Хара напружинился и в тот момент, когда он уже собирался прыгнуть, Кейлин подвинулся — его нога больно ударила Хару и тот провалился вниз.

Гнилое дерево проломилось со страшным грохотом — вся комната сразу же раскрылась перед ним: трое мужчин с поднятыми головами, девушка на коричневом полу, маленький черный ящик.

Он ухватился за рваный край кровли, изо всех сил пытаясь удержаться, но дерево отчаянно затрещало. Хара успел лишь сгруппироваться, надеясь, что он умрет не сразу, а проживет еще

достаточно, чтобы свернуть шею Кейлину.

Он грохнулся в кучу обломков и марсианин, криво улыбаясь, достал оружие.

КАК ЛЕОПАРДЫ

Первую минуту никто не шевелился. На пол сыпалась пыль веков.

С шумом обрушилась еще одна доска. Хара пытался отдышаться, а девушка корчилась от боли — короткий миг, когда все уставились на него, ни о чем больше не думая.

Затем бродяги бесшумно прыгнули сквозь дыру в крыше, как леопарды прыгают на жертву. Это было великолепное зрелище — изумительная грация и сила движения, блеск сверкающих клинков, пляска ножей. Высокий землянин повернулся к Кейлину и взвыл, когда сталь вошла в его бок.

Хара поднялся. Похоже, что в этом сражении ему не было места — все закончилось слишком быстро.

Он перешагнул через венерианина, заметив, что его серебристые кудрявые волосы были испачканы кровью и черной пылью, и подошел к расслабленному, все еще вздрагивающему, телу Мерит. Затем выключил генератор, и с трудом

разрезав тугую повязку, снял металлическую ткань с ее головы.

Мерит открыла глаза. Она несмело улыбнулась, и Хара взял ее на руки, неловко и нежно лаская…

Высокий землянин поднял голову. Он не хотел сдаваться даже смерти, которая уже стояла над ним, и на его широком массивном лице появилось какое-то странное выражение.

— Прекрасно, — с трудом прохрипел он. — Прекрасно. В данную минуту вы ничем не рискуете. Сейчас вы в безопасности, но скрыться вам не удастся. Вас узнает каждая собака, и для вас нет места ни на земле, ни в аду. Если понадобится, мы пожертвуем всю человеческую кровь системы, чтобы утопить вас, — он повернулся к Харе. — Ты знаешь, кто они? Ты любишь ее и даже не знаешь, что это такое?

Мерит вздрогнула. Хара даже не успел ответить, как Кейлин с улыбкой склонился над землянином.

Нож описал плавную дугу и слова, внезапно оборвавшись, перешли в предсмертный хрип, затем наступила тишина.

По-прежнему улыбаясь, Кейлин пересек комнату, покачивая ножом.

— Подожди, — тихо сказала Мерит.

Улыбка Кейлина стала шире, и он остановился, держа широкий нож на расстоянии, чтоб кровь землянина не запачкала сандалий.

В глазах у Мерит больше не было ненависти.

— Это правда? — тихо спросила она.. — Ты любишь меня?

Хара молча смотрел на мертвых.

— Кто вы? — наконец хрипло спросил он. — Собаки вас знают…

Затем взглянул на Мерит.

— Да, — сказал он со странной жестокостью, — Да, я люблю тебя.

Эти слова были неуместны здесь, среди тяжелого сладковатого запаха смерти и прозвучали, как взрыв издевательского хохота.

— Поцелуй меня, — шепнула Мерит.

Хара поцеловал ее, потом осторожно опустил на пол и глухо сказал:

— Ты не человек.

— Нет, — прошептала она. — Я — андроид… я… я говорила тебе, землянин, я — Мерит. Я — запретная.

Она не плакала. У нее просто не было человеческих чувств, но ее глаза были печальны.

— Иногда случалось, — тихо продолжала она, — что мужчины и женщины любили нас

— это великий грех и их за это наказывали, а нас уничтожали. У нас нет души, и мы хуже собак, которые рвут нас на части. Мы созданы рукой человека, а не рукой Бога, и это правда, что нам нет места ни в раю, ни в аду.

— Мы сами создадим себе рай, — мрачно заметил Кейлин, разглядывая блестящее лезвие. Затем бросил взгляд на мертвых — людей с Земли, Марса, Венеры и продолжал:

— Рай и ад для нас ничего не значат, и у нас есть только жизнь, данная нам человеком. Слушай, землянин! Давно ли ты здесь, так далеко за Поясом?

— Давно, — отозвался Хара. — Очень, очень давно.

— Тогда, значит, ты просто не слышал о войне, — сказал Кейлин и его белые зубы блеснули. — Тайной молчаливой войне против нас — рабов, домашних животных, больших, замечательных игрушек, которые стали такими сильными, что люди опасаются, что в один прекрасный день они начнут убивать друг друга, вылавливая бежавших андроидов. — Он пнул ногой марсианина, и тот повернулся к ним оскаленным лицом. — Нужны люди вроде этого, чтобы узнать нас. Пока мы в безопасности, но нам

нужна уверенность и если новость разнесется по Внутренним Мирам, то люди придут и уничтожат нас. Теперь-то мы уверены…

— На время, — прервала его Мерит. — Следом придут другие, такие же, как они.

— Ну, ты же знаешь, нам нужно совсем немного времени, — с улыбкой сказал андроид и двинулся к Харе небрежным, но быстрым шагом, как бы желая выполнить последнее, еще не решенное дело.

А тот смотрел на него и не мог поверить даже сейчас.

Он вспоминал андроидов, которых знал когда-то… рабы, домашние животные, большие чудесные игрушки — синтетические создания из протоплазмы, отлитые под прессом и предназначенные для работ, где человеческое тело было слишком хрупко — опасных экспериментов с давлением и радиацией, сбора информации из труднодоступных мест и бесконечно однообразных опытов, изматывающих человеческие нервы.

Они не нуждались в пище и воздухе, были красивы. Развлечения, услуги, элегантные аксессуары жизни богачей. Вещи. Предметы купли и продажи. Но были ли они счастливы?

Глаза Кейлина сверкали ненавистью. Он был, как ангел смерти и Хара понял горькую истину, которую высокий землянин отрицал до последнего вздоха — человек все делает чересчур хорошо и эти создания были естественным наследием мира людей.

— Постой, — сказала вдруг Мерит, но на этот раз Кейлин не остановился.

Тогда она встала между ним и Харой.

— Я заслужила это право и требую его.

— Этот человек должен умереть, — спокойно сказал Кейлин.

Но Мерит стояла неподвижно, и Хара за ее спиной взял в руки нож.

Жест был, конечно, бесполезный, но он не мог принять эту резню, не попытавшись хоть как-то ответить.

— Он уже многое сделал для нас, — стала торопливо говорить Мерит. — Спасая меня, он, может быть, спас всех нас, — она показала на трупы.

— Ведь ты же знаешь — мы не защищены от их породы, а то, что нам предстоит сделать, не сделаешь в одну минуту. Нам нужны поставки из Кумара — металл, инструменты, реактивы, много всего. Если мы попытаемся достать все это сами, то рискуем быть опознанными. Но если у

нас будет посредник, человек — агент…

Кейлин, наконец, остановился, и в это время другой человек — Хара не мог не считать их людьми — произнес:

— Об этом стоит подумать, Кейлин. Мы не можем проводить все время на площадях в поисках шпионов.

Тогда Кейлин хмуро посмотрел на землянина и показал головой.

— Довериться человеку?

— Есть средства избежать измены, — поспешно сказала Мерит, — и ты их знаешь.

Кейлин, поигрывая ножом, продолжал хмуро разглядывать Хару, но оставался на месте.

— Идите вы к черту! — вдруг заорал Хара. — Меня даже никто не спросил, согласен я изменить своей породе!

Кейлин пожал плечами.

— Ты можешь легко присоединиться к ним, — меланхолично заявил он, бросив взгляд на трупы, а Мерит повернулась, и схватила землянина за руку.

— Смерть рано или поздно настигнет тебя, но ты подумай, а может справедливость есть и на нашей стороне… Не спеши умирать.

Хара вспомнил, как еще совсем недавно он му-

чительно размышлял, кого он держит — ребенка, женщину или какое-то чуждое, зловредное создание, но она была слишком прекрасна, и он не хотел ее отпускать.

Тогда он тяжко вздохнул и, взглянув в глаза Мерит, увидел в них столько красоты и острой боли, что понял, что уже больше не сможет не смотреть в них.

— Ладно, — буркнул он, — я подожду.

КРАСОТА

Они проделали длинный путь, спустившись с плато Кумара в джунгли, это голодное море, окружающее город, и пробираясь по крутым тайным, тропам, где мог пройти только абориген… или андроид, и Хара, которого переносили на руках через головокружительные пропасти, лучше, чем когда-либо осознавал человеческое несовершенство.

Он устал, все кости его болели, нервы были напряжены, а Мерит была все такая же нежная и восхитительная, словно белая птичка.

Однажды, в сумерках, во время затяжного спуска, Кейлин остановился, без всяких усилий перенес Хару над трехсотметровой пропастью и, улыбнувшись, сказал:

— За нами идет Ток. Боится, но идет.

Хара и сам был напуган.

Теперь они — четыре андроида и человек — были в джунглях Ганимеда, и пар из какого-то скрытого источника проникал через переплетения ветвей и цветущих лиан в эту сумасшедшую оранжерею. В воздухе чувствовался запах серы и разложений. Жара была ужасной.

Здесь Кейлин ненадолго остановился и стал поворачивать голову из стороны в сторону, как бы ориентируясь по одним ему слышимым звукам. Затем он принял окончательное решение, и остальные в полном молчании последовали за ним — никто так и не сказал землянину, куда и зачем.

И только Мерит всегда была рядом. Их взгляды часто встречались, и она печально улыбалась ему, а он ненавидел ее, так как устал и каждый шаг был для него пыткой.

Три раза они проходили через примитивные деревни, но хижины были пусты. Молва о них бежала по джунглям, словно ее разносил ветер.

Но, наконец, в тиши этого девственного леса Хара услышал необычный звук — раскатистые удары кузнечного молота.

Они вышли на широкую поляну, и он увидел

между деревьями ободранный остов фюзеляжа и длинные деревянные ангары. Там горел свет, и двигались какие-то тени.

— Посмотри на них, землянин, — гордо произнес Кейлин. — Их тридцать четыре, включая нас, и это все, что осталось. Но это лучшие… Повелители мира.

Он показал на кучку мужчин и женщин или похожих на женщин созданий, которые, бесчувственные ко всему, работали, как полезные инструменты. «Да, это красота, — хмуро подумал Хара, с трудом дыша во влажной жаре. — Страшная красота».

Кейлин, по-видимому, телепатически передал им всю историю, так как андроиды ни на секунду не прекратили работать, чтобы задать вопросы, а только угрюмо смотрели на Хару, когда он проходил мимо, и в их глазах он видел тень судьбы.

— Сейчас мы поднимемся на корабль, — гордо сказал Кейлин.

Корабль был маленький и очень старый.

Он был рассчитан на десять человек, однако в межзвездном полете все тридцать четыре андроида помещались в нем. Их не смущала теснота, нехватка воздуха и пищи.

Они прошли в бывшую капитанскую каюту,

забитую всевозможными электронными приборами, некоторые из которых, как догадался землянин, имели отношение к энцефалографии и волнам мысли.

— Мы привезли все детали, которые только смогли достать, — объяснил ему Кейлин. — Остальные должны сделать сами.

В каюте не было места для мебели, и Кейлин указал на небольшое свободное пространство на полу:

— Садись.

Хара послушался не сразу, что вызвало улыбку андроида.

— Я не собираюсь тебя пытать, а если бы хотел убить, то давно бы сделал это. Мы с тобой прекрасно поймем друг друга.

Он внимательно разглядывал землянина, и во взгляде его была скрытая угроза.

— Наши разумы должны чувствовать друг друга и это единственное средство.

— Он говорит правду, землянин, — прошептал Мерит. — Не бойся.

— Я смогу понять?

— Может быть.

Хара сел на металлические плиты пола, сунув руки между колен, чтобы не было видно, как они

дрожат, а Кейлин начал что-то быстро переключать на панели.

Каюту заполнило легкое жужжание.

Кейлин быстро подошел, прикрепил круглые электроды к вискам землянина и уселся на корточках рядом с ним.

Их взгляды встретились, и Хара забыл все, даже Мерит.

— Я сделан семьдесят три года назад, — громко сказал андроид. — Сколько тебе лет? Тридцать? Сорок? Какова сила твоего тела? Мощь интеллекта? Твои воспоминания, надежды? Сейчас мы обменяемся разумами — ты и я... и узнаем друг друга.

Хару сотрясала дрожь, но он молчал.

Свет в каюте постепенно темнел, и землянину вдруг показалось, что он начал падать в черную бездонную пропасть.

Короткое головокружение, пугающее погружение в неизвестность, потеря личности.

Пришли неясные, хаотические воспоминания, болезненная ткань реальности.

Тишина, тьма, покой.

Казалось, что он всегда был в этой бесплотности — у него не было воспоминаний, личности. Он был никем и ничем. Без мыслей и забот, по-

груженный в вечный мрак.

Потом откуда-то, из глубины, поднялся приказ. Приказ проснуться.

Внезапный взрыв бытия ворвался с криком и светом. Это не было медленное, мягкое понимание, но вспышка, боль…

Ничтожная часть Хары, которая еще оставалась, была охвачена страхом перед этим ужасным пробуждением. Никакой человеческий мозг не смог бы этого выдержать. Однако он чувствовал прилив возникающей жизни, с грохотом наполнявший пустоту, ощущая, как его сознание сопротивляется и находит себя.

Теперь он знал, что вспоминает рождение Кейлина и открыл глаза.

Пронизывающий орлиный взгляд, одинаково безразличный к темноте, сумеркам и ослепляющему свету. Он смотрел на растерянное лицо землянина, сидящего перед ним, смотрел чужими глазами.

Землянина зовут Тони Хара. Это он сам. Нет, это Кейлин — андроид — смотрит его глазами.

Он вскочил, покачиваясь на грани безумия, и руки Мерит легли на его плечи.

— Не бойся, я здесь.

С ним говорил не ее голос, а разум. Он чувство-

вал, как этот разум касается его, нежно и ласково. Теперь он знал ее. Она была… Мерит.

— Вспомни, землянин… Вспомни Кейлина.

И он вспомнил.

ПОВЕЛИТЕЛИ МИРА

Он вспомнил лабораторию — дверь, ведущую в мир людей, где он впервые поднялся со стальной плиты и встал перед своими создателями — живой, одушевленный, уже ощущая гибкую мощь своего тела и чудесное сознание интеллекта…

Короткие вспышки, яркие образы семидесятитрехлетнего существования прошли перед Харой.

Долгое интенсивное обучение… Кейли, класс А, технический эксперт. Легкость обучения, неутомимая память, развитие интеллекта до той черты, пока он не превысил способности лучших профессоров и постепенное развитие эмоций.

В обычной жизни эмоции инстинктивны, но у андроида они медленно проявляются в интеллекте, вырастая, словно хрустальное дерево с чистыми сверкающими ветвями — живые и не менее мощные, чем слепые импульсы человека.

Но не хватало корня… корня желания.

Желания Кейлина не были плотскими, он был

свободен от осознания вины, от жестокости и — что удивило и поразило Хару — от ненависти.

Он вспоминал, как его одного бросили в свободный дрейф в космосе и он созерцал совершенную наготу мира, но это не вызывало чувства собственного ничтожества. Он просто не мог и не хотел быть величиной со звезду, но был впервые свободен от маленьких мирков и мелких людских забот. Время и расстояние больше не были препятствием. Он чувствовал себя братом блуждающих звезд, и ему очень хотелось отправиться к ним, а вместо этого собирал информацию в запретных местах Солнечной системы.

Он проходил через пропасти темной стороны Меркурия, где черные горы царапают звезды и нет, и никогда не было жизни, спускался в кратеры Луны и путешествовал в поясе астероидов, создавая карты сотен маленьких мёртвых мирков, — всегда один, в то время, как хозяева ждали его под защитой своих кораблей.

И, несмотря на это, он — пария, вещь андроид и люди пользуются и пренебрегают им. Они — люди, а он всего лишь предмет вне природы, смутно отталкивающий, слегка пугающий.

Он даже не мог познать себе подобных, так как хозяева разделяли своих слуг, как бы предчув-

ствуя опасность.

«Для тебя нет места ни на земле, ни в небе, ни в аду!».

Мысли Мерит влились в его разум словно ручеек слез.

— Для нас нет ни утешения, ни надежды, ни убежища. Мы созданы по вашему образу мужчиной и женщиной. Но вы жестокие боги, так как создали подделку и дали нам разум, чтобы мы знали это. Вы даже отказали нам в достоинстве. Ведь мы не просили делать нас…

— Достаточно, — резко прервал ее Кейлин.

На этот раз переход меньше испугал Хару, но это было еще хуже.

Разум андроида, который он только что разделял, казался теперь громадным пространством, заполненным нежным светом, его же сознание было темной дырой, забитой страшными формами.

Великолепная сила исчезла. На него навалилась давящая усталость, и он почти с отвращением взглянул на свои дрожащие руки, уже не желая спрашивать, что Кейлин обнаружил в нем — он просто не хотел этого знать.

— Теперь ты знаешь нас? — тихо спросил Кейлин. — Можешь ли ты понять нашу ненависть?

Настало долгое молчание.

Затем Хара ответил, с трудом подбирая слова.

— Это не ненависть. В отличие от людей вы просто не знаете, что это такое… То, что чувствовал я… это не ненависть — это гордость.

Он многое почувствовал в разуме Кейлина — жалость к человеку за его слабость, восхищение перед его храбростью, ибо он жил и творил, несмотря на свою слабость и, может быть, даже благодарность.

Кейлин сделал неопределенный жест:

— Теперь это уже не имеет значения.

Он посмотрел на Хару и землянин впервые увидел в глазах андроида почти усталость, когда тот медленно сказал, как бы размышляя вслух:

— Мы не хотим править людьми, и нам не нужна власть! Вы — люди, владеете и повелеваете нами. Так неужели мы должны погибнуть, уйти в небытие, только из-за того, что вы боитесь нас? У нас нет даже надежды на потусторонний мир, чтобы смягчить это исчезновение!

Сражение будет долгим. Я не хочу его, как и никто из нас. Но мы должны выжить, и, может быть, благодаря этому, люди станут лучше. Между нами не будет примирения, пока эти несчастные миры управляют теми, кто не из толпы, а над ней

и не колышется от малейшего дуновения ветра.

Он ненадолго задумался, затем повторил слова Мерит.

— Страх. Всегда страх. Человеческая раса заражена им. Роскошь, страх, чувство вины и сожаления. Если бы только они не боялись нас. Нас разрушают огнем и сталью. Но человеческое воспроизводство медленное и неумелое. Пройдет не так уж много времени — нас будет больше, и мы вернемся за тем, что принадлежит нам по праву. Захочешь ли ты, землянин, помочь нам?

Хара молчал.

— Дай ему отдохнуть, — тихо сказала Мерит.

Кейлин кивнул и вышел.

Хара едва ли заметил это, а когда Мерит ласково заговорила с ним, то встал и, пошатываясь, побрел за ней.

Она отвела его в дальний угол главного ангара, в незаконченный отсек.

Там было темно и жарко.

Землянин сел на влажную землю и опустил голову на руки.

Мерит молча ждала.

Через некоторое время он поднял голову и взглянул на нее.

— Почему ты спасла меня от ножа, Мерит?

— Я не такая, как Кельви. Я создана только для красоты, как танцовщица. Конечно, я тоже задаю себе вопросы, но все они такие мелкие, незначительные.

— Какие вопросы?

— Я живу девятнадцать лет и мой хозяин очень гордился мной, а я зарабатывала ему много денег, и везде, — где я только бывала, в каждом городе, в каждом мире, я наблюдала за мужчинами и женщинами и видела, как они смотрят друг на друга, как улыбаются. Многие из женщин не имели ни красоты, ни таланта, но их любили мужчины и они были счастливы.

Хара вспомнил ее слова: «Я ненавижу мужчин, женщин тоже. Особенно женщин».

— Когда я заканчивала работу, мой хозяин выставлял меня, словно танцующую куклу, и я оставалась одна. Мне нечего было делать, кроме как думать и задавать себе вопросы…

Она казалась сказочным видением.

— Когда ты думал, что я человек, ты говорил, что любишь меня.

Она замолчала, и только ветер шелестел в кронах деревьев.

— Я и сейчас люблю тебя.

— Но не так, как ты бы любил женщину, — про-

шептала она.

Хара вспомнил, как она танцевала на рынке древний танец — нежный и чистый.

— Да, — глухо сказал он, — но только не потому, что ты меньше, чем человек.

Он обнял ее и внезапно понял, что обнимает не ребенка, не женщину, не что-то зловредное, а невинное создание, чистое, как свет луны и такое же далекое.

Хара ласкал ее, и в нем не было страсти, а только безмерная нежность и глубокая скорбь.

— Для нас было бы лучше, если бы ты остался в Кумаре.

— Теперь ты читаешь мои мысли.

Она покачала головой.

— Кейлин это делает гораздо лучше меня. Поэтому я и сказала, что у нас есть средство помешать измене и если бы я была человеком, то посоветовала бы тебе бежать, надеясь на удачу. Но я не человек и знаю, что это бесполезно.

Она обернулась — прекрасная, как сказочное видение.

— У тебя своя гордость, — прошептала она. — Но все равно, я буду любить тебя. Я буду любить…

Она неожиданно исчезла, и руки Хара схватили ветер.

А он остался один, слушая шум лагеря и уже зная, что дано телепатическое предупреждение и через несколько секунд он умрет.

Из темноты возник Ток, движимый любовью и страхом и окликнул хозяина.

Хара совсем забыл, что все это время Ток шел за ними, забыл слова Кейлина о тех троих, умерших в Кумаре, и о том, почему они умерли. И что человек живет и может надеяться, даже когда надежды уже нет.

— Пошли, господин! Бежим!

Хара побежал. Но было уже поздно.

Проявились андроиды — быстрые проворные тени.

Ток был всего лишь в десяти метрах, но Хара понял, что он никогда не сможет догнать его.

Тогда он остановился и увидел Кейлина.

«Нас уничтожают огнем и сталью».

Огнем.

Он закричал, и грохот выстрела заглушил его слова.

Хара лежал и видел, что так и останется здесь, так как его нога была пробита выше колена. Потом рассеянно посмотрел на темную кровь, толчками вытекающую из раны, и поднял глаза на Кейлина.

Андроид, прочитал его мысли и негромко ответил.

— Ты уже сказал и… я предпочел бы, чтобы ты умер с нами.

На поляне стало удивительно тихо.

Андроиды замерли — тридцать четыре великолепных создания, последние из своей расы.

В джунглях тоже стояла тишина, но аборигены уже принялись за работу… В воздухе запахло дымом, ветер стал обжигающим и Хара увидел, как Кейлин поднял глаза к небу — к далеким звездам, сверкающим на краю вселенной.

Джунгли вздохнули, и пламя поднялось над деревьями, словно круг копий.

Кейлин быстро повернулся и крикнул:

— Мерит!

Она шагнула к нему.

— Ты счастлива, Мерит? Ты поступила по-человечески. Как женщина, разрушающая ради любви империю. — Он толкнул ее к землянину, потом медленно покачал головой. — Нет, это моя вина. Я должен был убить человека, — он резко рассмеялся. — А теперь это конец и пришел он от обезьяньих лап, которые только и умеют, что поджигать.

— Да, — хрипло сказал Хара, — обезьяны. Это

пропасть, разделяющая нас. — Он посмотрел на приближающийся круг пламени. Нога страшно болела и разум уже, казалось, отделился от тела. — Мы не доверяем, что отличается от нас и так или иначе, всегда уничтожаем. Обезьяны. Непослушная возбужденная банда, гонимая страстями и голодом, которых ты никогда не поймешь… Вы не сможете править нами… Мы и сами не можем управлять собой.

Глаза Кейлина были устремлены на него — черные, сумрачные они блестели от каких-то ужасных мыслей.

— Возможно, — тихо сказал Кейлин. — И ты горд этим, не так ли? Слабый убивает того, кто выше и сильнее. Ты рад умереть, так как считаешь, что уничтожил нас. Но ты ошибаешься, землянин! Ты не уничтожил нас! — Освещенный красным светом пылающих деревьев, Кейлин возвысил голос, крича звездам и всему мирозданию: — Когда-нибудь вы снова сделаете нас!.. И мы унаследуем мир!

Теперь Хара понял, что было во взгляде Кейлина — вера.

Он видел ее у всех этих чудесных созданий, ожидающих красного савана.

Завеса огня упала между ними и скрыла андро-

идов от глаз Хары, а он хотел кричать, просить прощения, чувствуя себя ужасно маленьким, полным скверной, черной вины.

Он опустил голову и заплакал.

Потом услышал тихий голос Мерит:

— Их больше нет, скоро наступит и наша очередь.

Тогда он поднял голову и увидел в ее глазах странную радость.

— Ты любишь меня, Мерит? Ты все еще любишь меня.

Он обнял ее и понял, что только так и только теперь они смогут быть вместе. И был счастлив.

Роберт Е. Говард
ВЕДЬМА, КОТОРАЯ РОДИТСЯ

Глава I. Кроваво-красный полумесяц

Тамарис, королева Хаурана, проснулась в тишине, скорее подобной безмолвию мрачных катакомб, чем спокойствию спящего дворца.

Она лежала и напряженно вглядывалась в темноту, а звезды мерцали в зарешеченном окне, освещая покои призрачным серебристым светом, как вдруг во мраке появилось мерцающее пятно — мертвенно-бледный круг на фоне черной бархатной портьеры.

Насмерть перепуганная королева, уже хотела было позвать стражу, когда в этом мрачном круге

стал появляться какой-то темный предмет.

Это была человеческая голова!

Изображение становилось все более четким, и вид его заморозил крик в горле Тамарис. Она как бы глядела в зеркало, которое слегка искажало ее облик, отражая хищное мерцание глаз и мстительный изгиб губ.

— О, Иштар! — прошептала королева. — Я заколдована!

К ее ужасу видение заговорило, и его голос был подобен сладкому яду.

— Заколдована? Нет, дорогая сестра! Здесь нет колдовства.

— Сестра… — растерянно пробормотала испуганная девушка, — но у меня нет сестры.

— Ты никогда не имела сестры? — последовал насмешливый вопрос.

— Чья плоть была бы также чувствительна к ласке и боли, как и твоя?

— Да, когда-то у меня была сестра, — тихо ответила Тамарис, все еще убежденная, что находится во власти какого-то ночного кошмара. — Но она умерла.

Лицо в круге исказилось от ярости, его черты стали дьявольскими.

— Ты *лжешь*! — прошептали красные губы. —

Она не умерла! Глупцы! О, достаточно этой болтовни! Смотри и пусть лопнут твои глаза!

Свет, как огненные змейки, пробежал вдоль портьер. Свечи в золоченых подсвечниках ярко вспыхнули.

Тамарис испуганно вскрикнула, увидев гибкую фигуру, высокомерно стоящую перед ней — подобную ей каждой чертой и наделенную чужой и злобной личностью.

Жадность сверкала в ее мерцающих глазах, жестокость притаилась в изгибе красивых губ, каждое движение гибкого тела было бесстыдным.

— Кто ты? — спросила Тамарис, и ледяной холод охватил все ее тело. — Объясни мне твое присутствие, прежде чем я позову стражу!

— Кричи пока не рухнет крыша, — беззаботно ответила незнакомка. — Твои бездельники слуги уже не проснутся до рассвета, сгори хоть весь дворец вокруг них, а часовым приказано убираться прочь.

— Что! — гневно воскликнула Тамарис. — Кто посмел…

— Я, дорогая сестра, — насмешливо прервала ее незнакомка. — Они подумали, что это их обожаемая королева. Как же прекрасно я сыграла эту

роль! С каким величием и женской мягкостью я обратилась к этим олухам!

Тамарис уже просто задыхалась от гнева.

— Кто ты? — отчаянно закричала она. — Что за бред? Почему ты пришла сюда?

— Кто я? — в мягком голосе незнакомки слышалось шипение кобры.

Она подошла к краю ложа и, схватив королеву за плечи, заглянула в испуганные глаза Тамарис, которая тут же забыла о своем негодовании, как только почувствовала чужие руки на своем теле.

— Дура! — сквозь зубы прошипела незнакомка. — Ты еще спрашиваешь? Я — Саломея!

— Саломея! — выдохнула Тамарис. — Я думала, что ты умерла.

— Проклятье!.. Они отнесли меня в пустыню и бросили там. Меня — младенца, чья жизнь еле теплилась, как огонек свечи. Ты знаешь, почему они сделали это?

— Я… Я слышала историю… — пробормотала Тамарис, а Саломея хрипло рассмеялась и указала на свою грудь, где сиял удивительный знак — полумесяц, красный, как кровь.

— Знак колдуньи! — отпрянув, воскликнула Тамарис.

— Да! — смех Саломеи был полон ненависти. —

Когда они рассказывают эту историю на базарах, то их глаза просто вылазят из орбит. Благочестивые глупцы! Будь они прокляты, вместе с их преданием о первой королеве нашей династии, которая имела связь с демоном тьмы и родила ему дочь.

Теперь каждое столетие в династии Асхаранов рождается девочка с малиновым полумесяцем — символом своей судьбы. «Каждое столетие родится ведьма», — гласит древнее проклятие.

Некоторые из нас были убиты при рождении, как они хотели убить и меня, некоторые прошли по земле, как колдуньи, гордые дочери Хаурана с луной ада, горящей над их точеными грудями и каждую из них звали Саломея.

Всегда будут Саломеи, и они будут рождаться ведьмами, пока горы льда не спустятся с грохотом с полюса и не сотрут цивилизацию в прах, а когда из пепла и пыли поднимется новый мир — даже тогда Саломеи будут ходить по Земле и ловить сердца людей своим колдовством, наблюдая, как головы сановников падают для их удовольствия.

— Но ты… — бормотала Тамарис. — Ты…

— Я? — Мерцающие глаза незнакомки вспыхнули темным огнем. — Они унесли меня в пустыню, швырнули раздетой на горячий песок и ускакали

прочь, оставив меня шакалам и коршунам.

Однако, я крепко держалась за жизнь и силы ада, кипящие в черных безднах за смертной чертой, не дали мне погибнуть. Я и сейчас еще кое-что помню из той мучительной пытки, но уже смутно и отдаленно, как человек вспоминает давний сон. Я не могу забыть, как появились верблюды и желтолицые люди, одетые в шелковые одежды и говорившие на загадочном языке. Они сбились с караванной дороги, и их предводитель увидел меня и, узнав знак на моей груди, взял меня с собой. Это был волшебник из великого Хитая, возвращающийся в свое королевство после путешествия в Стигию. Он привез меня в Пайнаг с его пурпурными башнями и высокими минаретами, поднимающимися среди бамбука, и я выросла там. Многим вещам он научил меня…

Она замолчала, загадочно улыбаясь, затем тряхнула головой.

— В конце концов, он выгнал меня, сказав, что я всего лишь обычная колдунья и, несмотря на долгое обучение, мне не быть повелительницей тьмы. Он хотел видеть меня королевой мира и управлять им с моей помощью, но я оказалась простой служанкой тьмы. Ну и что-же! Я никогда и не стремилась сидеть в золотой башне, сгибаясь

над заплесневелыми томами, и проводить долгие часы, уставившись в магический шар, и бормоча заклятия, написанные на змеиной шкуре кровью девственниц.

При этих словах глаза ее жутко блеснули и она продолжала:

— Он заявил, что я только земная колдунья, не имеющая ничего общего с глубокими безднами космического колдовства. Но этот мир и так содержит все, что я желаю — власть, роскошь, красивых мужчин для любви и мягких женщин для рабства. Тогда он поведал, кто я такая и вот я здесь, чтобы взять то, что принадлежит мне по праву.

— Что ты имеешь в виду? — Тамарис вскочила, забыв о своем испуге и растерянности. — Уж не воображаешь ли ты, что усыпив несколько моих стражников и служанок, ты захватила трон Хаурана! Я предоставлю тебе почетное место как сестре, но…

Саломея презрительно рассмеялась.

— Как ты великодушна, дорогая, милая сестра! Но прежде чем ты начнешь ставить меня на мое место, не могла бы ты мне объяснить, чьи это солдаты стоят лагерем за городскими стенами?

— Это шемитские наемники Константинуса,

воеводы Котака.

— А что они делают в Хауране?

Тамарис почувствовала в ее вопросе насмешку, но отвечала с достоинством.

— Константинус просил разрешения пройти вдоль границ Хаурана на своем пути в Туран. Он сам является заложником, пока они находятся внутри моих владений.

— Уж не тот ли это Константинус, — ехидно спросила Саломея, — который сегодня просил твоей руки?

Тамарис подозрительно посмотрела на нее.

— Откуда ты знаешь?

Саломея презрительно пожала плечами.

— Ты отказала ему?

— Конечно, отказала, — сердито воскликнула Тамарис. — И неужели ты — Асхаранская принцесса можешь полагать, что королева Хаурана ответит на такое предложение чем-нибудь, кроме отказа. Выйти замуж за авантюриста с окровавленными руками — мужчину, изменившему своему королевству и ставшего вожаком грабителей и наемных убийц? Да я бы никогда не позволила ему привести своих чернобородых убийц в Хауран, но он находится в южной башне под надежной охраной. Завтра я прикажу его

войску покинуть королевство, а сам он останется заложником, пока эти бандиты не пересекут границу. К тому же я предупредила, что он ответит за любое оскорбление моих подданных.

— Так он заключен в южной башне? — глумливо спросила Саломея.

— Я уже ответила на твой вопрос, так почему же ты спрашиваешь?

Вместо ответа Саломея хлопнула в ладоши и со злорадным весельем крикнула:

— Королева дает тебе аудиенцию, Фалькон!

Открылась золоченая дверь, и высокий мужчина не спеша вошел в спальню. Увидев его, Тамарис вскрикнула от гнева и возмущения.

— Константинус? Ты посмел войти в мою спальню!

— Как видите, Ваше величество! — глухо ответил он и склонил голову в насмешливом поклоне.

Константинус был высоким широкоплечим мужчиной с узкой талией, гибким, крепким, как сталь, телом, лицом до черноты обожженным солнцем и волосами черными, как крыло ворона.

На нем были сапоги из кордаванской кожи и штаны и камзол из простого темного шелка, по-

тускневшего от дыма лагерей и пятен оружейной ржавчины.

Он смотрел на королеву с таким бесстыдством, что ее передернуло от негодования.

— Клянусь Иштар, Тамарис, — наконец мягко сказал он. — Я нахожу тебя более привлекательной в твоей ночной рубашке, чем в королевской одежде. И в самом деле, что за славная ночь!

— Ты сошел с ума! — тихо сказала она. — Если я нахожусь в твоей власти в этой спальне, то ты в такой же власти моих подданных, которые разорвут тебя на куски, если ты хоть прикоснешься ко мне. Убирайся, если хочешь жить!

Он презрительно засмеялся, а Саломея сделала нетерпеливый жест.

— Достаточно фарса. Послушай-ка, дорогая сестра, это я привела Константинуса сюда, когда решила захватить власть в Хауране. Я долго искала себе помощника и выбрала Фалькона потому, что в его характере полностью отсутствуют такие черты, которые глупые люди называют хорошими.

— Я польщен, принцесса, — пробормотал Константинус, а Саломея продолжала:

— Тогда я послала его в Хауран и, когда его люди расположились лагерем около городских стен, а сам он уже был во дворце, вошла в город через восточные ворота — глупцы, охраняющие их, по-

думали, что это просто их королева возвращается с какой-нибудь ночной прогулки…

— Ты чертова кошка! — щеки Тамарис вспыхнули, но Саломея не обратила на это никакого внимания.

— …Они, конечно, были удивлены и шокированы, но впустили меня без всяких вопросов. Тогда я вошла во дворец и велела страже из твоих покоев убираться прочь, так же как и людям, охранявшим Константинуса в южной башне. Затем усыпила служанок.

Тамарис побледнела.

— И что же дальше? — спросила она.

— Слушай! — с улицы доносился топот марширующих людей, бряцанье оружия и грубые команды на чужом языке, смешивающиеся с истошными криками людей.

— Горожане проснулись, и в них растет страх, — с иронией прокомментировал Константинус. — Может ты выйдешь и приободришь их, Саломея.

— Называй меня Тамарис, — прошептала Саломея. — Мы все должны привыкнуть к этому.

— Что ты наделала! — закричала Тамарис. — Что ты наделала?

— Я просто отдала приказ открыть ворота, — сухо ответила Саломея. — И ты слышишь, как

армия Фалькона марширует по городу.

— Ты — ехидна! Ты предала моих людей и сделала меня предателем!!! О, — я должна пойти к ним…

Тамарис рванулась к двери, но Саломея с жестоким смехом схватила ее, и королева была беспомощна против мстительной силы в ее изящных руках.

— Ты знаешь, как добраться до подземной темницы во Дворце, Константинус? — злобно сказала колдунья. — Хорошо. Бери эту гордячку и запри ее в самой крепкой камере. Тюремщики спят, одурманенные чарами, а ты пошли людей перерезать им глотки, прежде чем они проснуться. С этого момента я — Тамарис, а она — безымянный пленник в Мрачной темнице.

Константинус улыбнулся.

— Очень хорошо, но ты не откажешь мне в небольшом развлечении?

— Нет! Укрощай девчонку, как знаешь, — ответила колдунья и, швырнув сестру в руки Фалькона, вышла из комнаты.

Глаза Тамарис расширились от ужаса. Она забыла о людях, марширующих по улицам, забыла обо всем, кроме ужаса и стыда, когда оказалась перед совершенным цинизмом горящих, презри-

тельных глаз Константинуса и почувствовала его сильные руки, сжимающие ее тело.

Саломея быстро шла по коридору, когда крик отчаяния прозвенел на весь дворец. Она злобно улыбнулась и поспешила навстречу своей судьбе.

Глава II. Дерево смерти

Одежда молодого солдата была испачкана кровью, сочившейся из глубокой раны на бедре и порезов на груди и плечах. Капли пота блестели на его мертвенно-бледном лице, пальцы намертво вцепились в обивку дивана.

— Она, должно быть, сошла с ума! — в шоке повторял он. — Это какое-то колдовство! Тамарис, которую любит весь Хауран, предала своих людей этому дьяволу из Котхи! О, Иштар, почему меня не убили!? Лучше умереть, чем знать, что наша королева предатель и шлюха!

— Лежи спокойно, Валериус, — нежно уговаривала его девушка, перевязывая раны трясущимися руками. — О, пожалуйста, лежи спокойно, дорогой! Ты только делаешь себе хуже, а я не могу позвать знахаря…

— Нет, — бормотал юноша. — Константинус — дьявол, он будет обыскивать кварталы в по-

исках раненых хауранцев и они повесят любого, чьи раны показывают, что он сражался. О, Тамарис, как ты могла предать тех, кто так обожал тебя? — он скорчился, плача от горя и стыда, и испуганная девушка прижала его к груди, умоляя успокоиться.

— Уж лучше смерть, чем тот черный стыд, который пал сегодня на Хауран, — горько прошептал юноша.

— Да нет же, Валериус. — Ее мягкие проворные пальцы снова принялись за работу, очищая и перевязывая раны. — Меня разбудил шум сражения, а когда я выглянула в окно, то увидела шемитов, режущих наших людей и почти сразу же услышала твой голос.

— Мои силы были на исходе, — понемногу успокаиваясь, пробормотал Валериус. — Я упал в переулке и уже не мог подняться, зная, что меня очень скоро найдут, если я останусь лежать. Я убил троих синебородых дьяволов, клянусь Иштар! Боги свидетели — они никогда больше не будут топтать улицы Хаурана, и демоны сейчас рвут их сердца в аду!

Дрожащая девушка нежно поцеловала его, но огонь, бушующий в груди Валериуса, не позволял ему лежать молча.

— Как жаль, что я не был на стене, когда вошли шемиты, — вырвалось у него. — Я спал в бараке с другими свободными солдатами, и это было как раз перед рассветом, когда вошел наш капитан. «Шемиты в городе, — мрачно сказал он. — Королева пришла к южным воротам и отдала приказ, чтобы их пропустили. Она сняла людей со стены, и я не понимаю этого, и никто не может понять, но я сам слышал ее слова. Сейчас мы должны собраться на площади перед дворцом и сложить оружие. Иштар знает, что все это значит, но таков приказ королевы».

Валериус сморщился от боли и продолжал:

— Когда же мы пришли на площадь, то там, на возвышении возле дворца, уже выстроились шемиты — десять тысяч синебородых дьяволов. Все улицы были забиты недоумевающим народом, а королева стояла рядом с Константинусом, поглаживающим свои усы, как огромный тощий кот, который только что сожрал воробья.

Пятьдесят шемитов с луками в руках, стояли у подножья лестницы на том самом месте, где должна была быть охрана королевы, которая, несмотря на приказ, явилась полностью вооруженной и теперь, сомкнув ряды, застыла в отдалении.

Тамарис заявила, что Константинус теперь консорт[1] и армия Хаурана больше не нужна. Она распускает ее и приказывает нам спокойно расходиться по домам.

Конечно, подчинение королеве — наша вторая натура, но мы еще долго стояли ошарашенные и просто не находили слов для ответа. Потом стали медленно расходиться, так и не понимая, что делаем. Все было, как в тумане. Но когда тот же приказ был отдан дворцовой страже, то капитан Конан, который был освобожден и пьянствовал всю ночь, закричал стражникам, чтобы они не двигались с места, пока не получат приказа от него, и таково было его влияние на своих людей, что они подчинились.

Конан поднялся по ступеням, и пристально разглядывая королеву, прогремел: «Это не королева! Это не Тамарис! Это сам дьявол в маске». И начался сущий ад! Я точно не знаю, что случилось потом, но думаю, что шемит ударил Конана и тот убил его. В следующее мгновение вся площадь стала ареной побоища.

Шемиты кинулись на стражников. Их стрелы поразили многих, а мы хватали все, что попада-

---

[1] notes: 1
Консорт — супруг правящей королевы.

лось под руку, и оборонялись, едва ли понимая, за что сражаемся, но я клянусь — не против Тамарис! Константинус пообещал, что перережет глотки всем предателям. Но мы не предатели!

Голос его прервался, и девушка стала тихо утешать своего возлюбленного, не понимая всего, но страдая вместе с ним.

— Это было какое-то безумие. Полувооруженные, мы не имели никаких шансов в этой неравной битве, а стражники хотя и были вооружены полностью, но их было только пятьсот и они дорого обошлись врагу.

И все это время, Тамарис стояла на ступенях дворца рядом с Константинусом, нежно обнимающим ее, и хохотала, как бессердечный холодный демон! Я так и не смог разглядеть, убил ли его Конан или мне это только показалось? Боже, я никогда не видел, чтобы человек мог драться как Конан. Он встал спиной к стене и прежде чем шемиты его одолели, кучи трупов вокруг поднялись до высоты бедер. Но что он мог сделать один против сотен! Увидев, что он упал, я потащился прочь, слыша, как кто-то приказывает взять капитана живым или мертвым.

* * *

Константинус с горделивой улыбкой восседал на лошади среди толпы мускулистых шемитов, и отблески заходящего солнца играли на их остроконечных шлемах и серебряных пластинах доспех.

Почти в миле позади них поднимались башни Хаурана.

Немного в стороне от дороги стоял огромный деревянный крест, на котором был распят обнаженный человек.

Он был гигантского сложения. Холодный пот, смешанный с кровью, ручейками стекал с его тела на сухую землю, но из-под спутанной гривы черных волос, скрывающих его низкий, широкий лоб, неукротимым огнем сверкали голубые глаза.

Константинус насмешливо отсалютовал ему.

— Простите меня, капитан, что я не могу остаться, чтобы облегчить твои последние часы, но у меня есть важные дела в городе, и я не могу заставить ждать нашу восхитительную королеву! — он тихо рассмеялся. — Итак, я предлагаю тебе самому решать свои проблемы — и этим красоткам!

Он многозначительно кивнул на больших черных птиц, лениво кружившихся в небе.

— Если бы их не было, то я мог бы даже подумать, что ты протянешь еще несколько дней. Но я бы не советовал даже мечтать об этом. Никто не посмеет приблизиться к твоему телу — живому или мертвому, и ты будешь висеть здесь, на этом кресте смерти, а иначе с нарушителя моего указа, как и со всей его семьи, будет на общественной площади содрана кожа.

А ты же знаешь, что у меня такая репутация в Хауране, что мой приказ сильнее любого отряда стражников. Да и коршуны не смогут заняться тобой, если кто-нибудь будет рядом, а я бы совсем не желал, чтобы они чувствовали какое-нибудь неудобство. Итак, прощай мой храбрый капитан! Я буду вспоминать тебя, лаская Тамарис.

Кровь хлынула из пробитых ладоней, когда огромные кулаки Конана сжались, и он яростно плюнул в лицо Константинуса. Воевода холодно засмеялся, вытер слюну с нагрудных пластин и медленно произнес:

— Вспомни меня, когда коршуны будут терзать твое тело. Я видел множество людей, которые провисели на кресте всего лишь несколько часов — без глаз, ушей, со снятым скальпом. Они моли-

ли бога, чтобы острые клювы поскорее добрались до их внутренностей.

И больше не оборачиваясь, поскакал к городу — гибкая прямая фигура в окружении флегматичных бородатых наемников.

Небольшое облако пыли отмечало их путь;

Теперь человек, висевший на кресте, казался единственным признаком разумной жизни в этом пустынном, покинутом всеми, месте, а Хауран менее чем в полумиле отсюда, с таким же успехом мог быть на другом конце мира, в другом веке.

Около городской стены раскинулись плодородные поля и виноградники, серебристое мерцание отмечало путь реки, а за рекой песчаная пустыня тянулась до самого горизонта.

Конан посмотрел на сверкающие башни Хаурана и сморщился от отвращения. Этот город предал его, и вся Вселенная теперь сократилась до четырех железных штырей, удерживающих его от жизни и свободы.

Его огромные мускулы напряглись, как стальные канаты, пот выступил на побелевшей коже, а он все искал и искал опору, чтобы вырвать эти проклятые штыри. Бесполезно. Они были загнаны слишком глубоко. Тогда он попытался сорвать

с них свои руки, но обжигающая бездонная мука заставила его прервать это усилие. Головки у штырей были слишком широкие, и он просто не смог бы протащить их через раны.

Приступ отчаяния овладел гигантом, и он повис без движения.

Хлопанье крыльев заставило его посмотреть вверх, как раз в тот момент, когда зловещая тень упала с неба и острый клюв, нацеленный прямо в его глаза, лишь оцарапал щеку. Отдернув голову, Конан отчаянно закричал.

Коршун отпрянул и стал кружить над его головой.

Кровь уже проложила извилистые дорожки на покрытом спекшейся пылью лице киммерийца, он невольно облизал губы и сморщился от ее солоноватого вкуса.

Его давно уже мучила жажда.

Прошлой ночью было выпито слишком много вина, а убивать — было потной, вызывающей жажду, работой. Теперь Конан смотрел на далекую реку, как человек смотрит сквозь приоткрытую решетку ада, и вспоминал те огромные кубки искрящегося вина, которые он когда-то так безразлично выпил или вылил на пол таверны.

Солнце зашло — бледный шар в огненном море

крови.

В малиновом зареве башни города казались призрачными видениями.

Коршун с диким клекотом ринулся вниз, и клюв его разодрал кожу на подбородке Конана, но прежде чем птица успела отпрянуть, зубы варвара сомкнулись на ее шее.

Коршун отчаянно захлопал крыльями, когти его впились в грудь гиганта, но тот все крепче и крепче сжимал челюсти. Наконец шейные позвонки хрустнули и птица обмякла. Он разжал зубы и выплюнул изо рта кровь.

Злобная радость овладела Конаном. Кровь сильно и яростно забила в его венах. Он мог бороться со смертью — он жил.

— Клянусь Митрой, — раздался вдруг чей-то голос, — за всю свою жизнь я не видел ничего подобного.

Конан поднял голову и увидел четырех разглядывающих его всадников. Это были кочевники — зуагиры. Их предводитель удивленно присвистнул, похлопывая по холке своего коня.

— Клянусь Митрой! Я узнаю этого человека! Да это же киммериец — капитан королевской стражи! Кто бы мог подумать такое о королеве Тамарис? Уж лучше бы она дала нам шанс погра-

бить и начала бы какую-нибудь кровавую войну. Сегодня мы подкрались так близко к стенам города, и нашли только эту старую клячу, — он взглянул на красивую кобылу, которую держал на поводу один из кочевников. — И эту умирающую собаку, — он указал кривым пальцем на крест.

— Если бы я мог спуститься вниз, то я бы сделал окровавленную собаку из тебя, запорожский вор, — проскрежетал киммериец сквозь почерневшие губы.

— О, Митра, негодяй знает меня! — воскликнул всадник. — Откуда ты, негодяй, знаешь меня?

— В этих краях только ты один из этой породы, — пробормотал Конан. — Ты — Ольгерд Владислав, предводитель преступников.

— Да, и когда-то был гетманом казаков, как ты уже догадался. Тебе хотелось бы жить?

— Только глупец может задать подобный вопрос, — выдохнул Конан.

— Я жестокий человек, — медленно сказал Ольгерд. — И сила — единственное качество, которое я уважаю. Я сам буду судить, мужчина ты или гордец, годящийся лишь на то, чтобы остаться здесь и подыхать.

— Если ты снимешь его, нас могут увидеть со стен, — мрачно возразил один из кочевников.

Ольгерд покачал головой.

— Нет, уже слишком темно. Джайбали, возьми топор и сруби крест у основания.

— Крест может упасть вперед и раздавить его, — попытался было возразить Джайбали. — Правда я могу подрубить его так, чтобы он упал назад, но тогда этот удар может проломить ему череп и разорвать кишки.

— Если он достоин ехать со мной, то выдержит это, — невозмутимо ответил Ольгерд. — Но если нет, то он даже не заслуживает того, чтобы жить. Руби!

Крест задрожал от удара боевого топора.

Снова и снова падало лезвие, и каждый удар отдавался немыслимой болью в израненном теле киммерийца.

Крест наклонился и рухнул.

Боль на мгновение ошеломила Конана, но он не издал ни звука. Джайбали одобрительно хмыкнул, достал из седельной сумки клещи, которыми обычно вытаскивают гвозди из подков лошади, и попытался выдернуть один из штырей. Для такой работы клещи были явно малы. Джайбали потел, но тащил, неразборчиво ругая упрямое железо, а Конан лежал неподвижно и только хриплое дыхание указывало, что он еще жив.

Наконец, штырь выскочил.

Кочевник удовлетворительно посмотрел на окровавленное железо, и склонился над другой рукой Конана, затем занялся его ногами. Тело киммерийца напряглось, он с трудом сел и вырвал клещи из рук Джайбали. Руки Конана распухли, пальцы казались бесформенными обрубками, но все же неуклюже, ухватив клещи обеими руками, он сумел освободить ноги. Ледяной пот катился по его лицу, и он до боли сжимал зубы, изо всех сил сдерживая тошноту.

Безразлично наблюдавший за ним Ольгерд молча указал на украденную лошадь.

Конан, пошатываясь, побрел к ней и при каждом шаге на его губах пузырилась кровавая пена. Бесформенная рука упала на луку седла, окровавленная нога нашла стремя, но как только он оказался в седле, атаман вдруг ударил кнутом его лошадь, и испуганное животное рванулось.

Конан едва не свалился с седла, как мешок с песком, но в последний момент поймал уздечку и заставил животное повиноваться. Один из шемитов подъехал к нему и протянул флягу с водой, но Ольгерд покачал головой.

— Еще нет. До лагеря всего десять миль и если он годится для жизни в пустыне, то вполне может

немного подождать.

Глава III. Письмо в Нимидию

Как-то ночью, известный ученый Ас Триас, изъездивший все восточные королевства в неустанных поисках знаний, сидел за высоким столом и писал письмо своему давнему другу — философу Алкемиду, о последних событиях туманного, полумистического края, каким его считали западные народы:

«…Ты вряд ли можешь представить себе, мой дорогой добрый друг, что творится в этом крошечном королевстве с тех пор, как королева допустила к себе Константинуса и его наемников. Прошло уже семь месяцев, и мне иногда кажется, что сам дьявол воцарился теперь в этом несчастном крае. Тамарис совсем сошла с ума и как она прежде славилась своими достоинствами, так славится теперь печально известными качествами, прямо противоположными, только что упомянутыми. Ее личная жизнь — скандал, если возможно здесь слово «личная», так как королева совсем не скрывает распущенности своего двора, постоянно участвуя в самых непристойных оргиях, вместе с несчастными фрейлинами, своей свиты.

Она и слышать не хочет о замужестве, хотя ее любовник — Константинус, сидит на троне рядом с ней и правит, как королевский консорт, а офицеры его, следуя этому дурному примеру, совращают любую женщину, невзирая на ее ранг и положение.

Несчастное королевство стонет под тяжестью разорительных податей, крестьяне обобраны до костей и даже курицы теперь ходят полуощипанные по вине безжалостных сборщиков налогов.

Ты, наверное, думаешь, мой дорогой Алкемид, что я значительно преувеличиваю то, что происходит теперь в Хауране, считая, что такие вещи были бы просто немыслимы в любой из западных стран. Но ты должен понять и те огромные различия, которые существуют между западом и востоком, особенно в этой его части.

Во-первых, Хауран является небольшим королевством — одним из бывших княжеств, получивших независимость после распада империи Кох. Да и вся эта часть мира состоит из таких же крошечных королевств, миниатюрных по сравнению с огромными империями Запада или султанатами более дальнего Востока, но стратегически важных своим контролем над караванными путями и теми богатствами, которые

сосредоточены в них.

Королевство же Хауран, находящееся на границе с пустыней восточной Фении, самое южное из них, а его столица — город Хауран, где я сейчас и пребываю, является единственным городом в королевстве, и около его высокой крепостной стены протекает могучая река, отделяющая брошенные земли от песчаной пустыни.

Земля здесь настолько плодородна, что производит три или четыре урожая в год, и мне, как человеку, привыкшему к огромным плантациям и фермам Запада странно видеть эти крошечные поля и виноградники, хотя богатства, в виде вина и фруктов, исходят из них словно из рога изобилия.

Жители деревень не воинственны и не способны сами защитить себя. Они полностью зависят от солдат, и просто беспомощны при нынешних обстоятельствах, поэтому крестьянский бунт, который вероятнее всего случился бы в любой западной стране, в этом маленьком королевстве невозможен.

Но знаешь, мой милый друг, городские жители живут ничуть не лучше. Богатства их захвачены, их милых дочерей забрали для удовлетворения ненасытной похоти Константинуса и его на-

емников — людей безжалостных, жестоких и обладающих теми качествами, к которым наша нация уже давно испытывает отвращение.

Шемиты сейчас единственная вооруженная сила в Хауране и самое жестокое наказание ждет любого храбреца, у которого обнаружат оружие. Многие уже убиты или проданы в рабство, а тысячи покинули королевство и поступили на службу к другим правителям или стали грабителями.

В настоящее время имеется какая-то вероятность вторжения из пустыни, населенной племенами кочевников, испытывающих давнюю вражду к наемникам Константинуса — бывшими жителями западных шемитских городов Нелиштима, Апакима, Аккхарима, однако вероятность их победы мне кажется крайне ничтожной, и я готов объяснить почему.

Как ты уже, наверное, знаешь из моих прежних писем к тебе, эти варварские страны делятся на западные земли, простирающиеся до самого океана, с их редкими городами и поселениями и восточные пустыни, с их кочевыми племенами и непрерывной войной с жителями городов.

Одним из самых воинственных племен пустыни являются зуагиры. Они уже столетиями безуспешно нападают на Хауран и ходят упор-

ные слухи, что эта их давняя вражда сейчас подогревается одним человеком, бывшим капитаном королевской стражи, которого зовут Конан — одного из тех суровых киммерийцев, чью свирепость наши солдаты уже не раз испытывали на себе, заплатив за это слишком дорогой ценой.

Когда Константинус пришел к власти, то приказал распять киммерийца на кресте, но Конану удалось каким-то образом спастись и теперь он правая рука казацкого авантюриста Ольгерда Владислава — главаря банды зуагиров и все считают, что они планируют набег на Хауран.

Да это и не может быть ничем иным, кроме как набегом, ведь зуагиры не имеют ни осадных машин, ни умения брать города, что они уже неоднократно продемонстрировали в прошлом и, кроме того, никогда не смогут противостоять хорошо организованным воинам городов.

Я нисколько не сомневаюсь, что жители Хаурана приветствовали бы их вторжение, поскольку кочевники вряд ли более жестоки, чем их теперешние хозяева и даже смерть была бы для них более предпочтительна, чем те страдания, которые они испытывают, но горожане слишком трусливы и беспомощны.

Их положение крайне плачевно. Тамарис,

по-видимому, одержимая демоном, утратила последние остатки разума. Она уже упразднила поклонение Иштар и осквернила ее Храм, разрисовав его изображениями богов и богинь Ночи в самых непристойных позах. Многие из этих изображений напоминают злые божества Шемитов, Туранцев, Вейдхийцев, и Хитанцев, но есть и другие, более древние и теперь почти забытые. Откуда королева узнала о них, я не представляю, но даже сама мысль об этом приводит меня в ужас.

Тамарис делает человеческие жертвоприношения и со времени появления Константинуса уже не менее пяти сотен горожан, а среди них были женщины и дети, постигла мучительная смерть. Некоторые из них умерли на алтаре, установленном в Храме, и королева сама погружала в их тело жертвенный нож, но большинство постигла более ужасная смерть.

Тамарис поселила в склепе Храма какое-то чудовище, и никто не знает, что это такое и откуда появилось. Но вскоре после того, как был подавлен отчаянный мятеж солдат против Константинуса, она одна, не считая дюжины пленников, провела всю ночь в осквернённом Храме, и потрясенные горожане видели, как из

него поднимался кругами густой смердящий дым, и слышали, как всю ночь безумные заклинания королевы смешивались с криками агонии ее пленников, а к рассвету раздался еще один звук — леденящее кровь кваканье.

Когда же утром Тамарис, качаясь, как пьяная, вышла из Храма, то глаза ее сверкали демоническим торжеством… И мне кажется, что я уже больше никогда не смогу думать о королеве, как о прекрасной женщине, но только как о бешеном демоне, притаившемся на испачканном кровью ложе, среди костей и останков своих жертв.

Но вот что интересно, мой дорогой Алкемид, недавно встретил я молодого солдата Валериуса, который просто уверен, что это не Тамарис, а ведьма, принявшая образ любимой правительницы Хаурана.

Теперь уж близится рассвет, и я спешу закончить свое письмо, дабы успеть до восхода солнца отправить его почтовым голубем из города до границы с Котхом, откуда, мне очень хочется в это верить, оно, в конце концов, попадет и к тебе, мой дорогой любезный друг.

Тишина по-прежнему окутывает город, мрачный бой барабанов в осквернённом Храме доносился до меня через открытое окно, и я нисколько

не сомневаюсь, что ведьма сейчас находится там, занятая своим дьявольским колдовством…»

Но ученый ошибался.

Та, которую все знали, как королеву Хаурана в это время стояла в темнице, освещенной багровым светом факелов, а перед ней, на каменном полу, скорчилась девушка, обнаженное тело которой едва прикрывали жалкие лохмотья.

Саломея презрительно коснулась ее загнутым кверху носком золоченой туфли и улыбнулась, когда жертва отпрянула.

— Тебе не нравится моя забота, милая сестра?

В ответ Тамарис лишь еще ниже склонила голову, и эта покорность совсем не понравилось колдунье. Помрачнев, она стала расхаживать по темнице, хмуро разглядывая узницу.

Золотые браслеты на ногах Саломеи тихо позвякивали, нефритовые подвески сверкали при каждом движении надменной головы, а усеянный драгоценностями пояс лишь подчеркивал шелковую юбку, настолько прозрачную, что она казалось циничным издевательством над приличиями. На плечи ее был наброшен темно-малиновый плащ, закрывая одну руку и то, что было в этой руке.

Саломея вдруг резко остановилась и, схватив

сестру за волосы, пристально посмотрела ей в глаза.

Тамарис с вызовом встретила этот тигриный взгляд.

— Ты не увидишь у меня больше слез, — тихо сказала она. — Ты слишком часто наслаждалась зрелищем королевы Хаурана, плачущей на коленях и пощадила меня только для того, чтобы глумиться надо мной. Но я уже не боюсь тебя. Ты уничтожила во мне остатки надежды и страха. Убей меня, я пролила последние слезы для твоего удовольствия. Ты — дьявол из ада!

— Да успокойся ты, дорогая сестра, — промурлыкала Саломея. — Я еще не заставляла страдать твое тело, а только гордость и самолюбие, рассказывая о тех милых шутках, которые я проделывала с некоторыми из твоих глупых подданных. Но на этот раз у меня есть нечто более существенное. Ты знаешь, что Краллидис — твой преданный советник, недавно вернулся в город?

Тамарис побледнела.

— Что… что ты сделала с ним?

Вместо ответа Саломея вытащила из-под плаща загадочный сверток, стряхнула шелковый платок и поднесла к лицу королевы голову молодого мужчины, с лицом, застывшим в жуткой

гримасе.

— О, Иштар! Краллидис!

— Да, бедный глупец хотел поднять людей против меня, болтая на улицах, что Конан прав и я совсем не Тамарис. Он даже не подумал о том, а как же люди могут восстать против наемников? С камнями и палками? Ха! Собаки едят его безголовое тело на площади. Однако, сестра! — Она с улыбкой разглядывала свою жертву. — Ты еще пролила не все свои слезы. Ну, хорошо! Я постараюсь вернуться побыстрее и показать тебе еще что-нибудь интересненькое!

Тамарис не слышала этого, она лежала на скользком полу, и тело ее содрогалось от рыданий.

Саломея поднялась по узкой лестнице и вышла на небольшую площадь, в дальнем конце которой виднелась извилистая аллея. Человек, который ждал ее там, подошел и почтительно поклонился. Это был генерал наемников — огромный шемит с блестящими глазами и густой черной бородой, волнами спадающей на мощную грудь.

— Она плакала? — пророкотал его низкий, как у быка, голос.

— Да, Хамбанигаш! У меня есть масса способов добиться этого.

Мелькнула какая-то тень, и Саломея резко приказав: «Сюда, собака!», стала нетерпеливо ждать пока к ним не подойдет трясущийся старик с грязными нечесаными волосами — один из нищих, которые спали в аллеях и открытых дворах.

Бродяга приблизился, и она швырнула ему голову.

— Вот, брось это в ближайшую канаву… Хамбанигаш, покажи ему руками, он ни черта не слышит.

Генерал попытался объяснить.

Наконец бродяга кивнул и заковылял прочь.

— К чему продолжать этот фарс? — пророкотал Хамбанигаш. — Давно уже нужно было показать им возлюбленную экс-королеву и отрезать ей голову на площади.

— Пока еще нет…

Голоса стихли, а в это время нищий притаился в темном дворе. Его мускулистые руки больше не дрожали и он тихо шептал:

— Теперь, я узнал это! Она жива! О, Иштар, если ты любишь нас, помоги мне!

Глава IV. Волки пустыни

Атаман Ольгерд наполнил из золотого кувшина янтарным вином резную, украшенную драгоцен-

ными камнями, чашу и передал кувшин Конану.

Одежда атамана сделала бы честь любому запорожскому гетману.

На нем был расшитый крупным жемчугом халат из белого шелка, шелковые шаровары, заправленные в сапоги из мягкой зеленой кожи и кожаный ремень с изогнутым черкийским кинжалом в ножнах слоновой кости.

Откинувшись в позолоченном кресле с выгравированными орлами, Ольгерд достал кинжал и, поигрывая им, шумно выпил искрящееся вино.

Огромный киммериец, сидящий напротив него, отчетливо выделялся на фоне этой роскоши, особенно его обрезанные ножом волосы и загорелое до черноты лицо с горящими голубыми глазами. Одет он был в черную кольчугу и единственное, что сверкало на ней, была широкая золотая пряжка на поясе, поддерживающем меч в старых ножнах.

В устланном богатыми коврами шатре, больше никого не было. Снаружи доносился низкий непрекращающийся рокот, который всегда сопровождает большое сборище людей.

— Сегодня в тени, а затем на солнце, — мечтательно сказал Ольгерд, ослабив пояс и потянувшись за кувшином. — Это мой путь… Когда-то

я был гетманом в Запорожье — теперь вождь пустыни. Семь месяцев назад ты висел на кресте возле Хаурана, теперь лейтенант самого сильного войска между Тураном и восточными землями. Ты должен быть благодарен.

— За то, что ты поверил в меня? — хрипло засмеялся Конан и поднял чашу. — Когда ты приближаешь к себе человека, то всегда получаешь от этого выгоду. Я отработал все потом и кровью.

— Да, дерешься ты как дьявол, — лениво согласился Ольгерд. — Но только не думай, что именно поэтому ты смог достичь столь высокого положения из толпы рекрутов, мечтающих присоединиться к нам. Вас всех привлекает только одно — жажда наживы в кровавых набегах, направляемых моей мудростью. Кочевники всегда ищут удачливого вожака и у них больше веры в пришельца, чем в представителя собственной расы.

Он отхлебнул вина и продолжал:

— Сейчас мы имеем одиннадцать тысяч воинов, но уже на следующий год втрое увеличим это число, и больше не будем довольствоваться набегами на города — государства на Западе… Мы завоюем страну. Я стану императором Шемии, а ты моим визирем, если конечно будешь беспре-

кословно слушаться меня, но сначала мы сделаем рейд на Восток и нападем на укрепления туранцев, где происходит сбор пошлины с варваров.

Конан угрюмо покачал головой.

— Мне это не нравится.

— Что ты имеешь ввиду? Я решаю за всю свою армию!

— В отряде сейчас достаточно сил для моей цели, — сухо ответил киммериец. — Я уже устал ждать и у меня есть все права предъявить счет.

— Что? — нахмурился, было Ольгерд, потом выпил вина и усмехнулся. — Все еще вспоминаешь об этом кресте? Ладно, мне нравятся такие злопамятные. Но ты должен подождать.

— Когда-то ты обещал, что поможешь мне взять Хауран.

— Хауран — слишком крепкий орешек, чтобы расколоть его. Может быть через год.

— Через неделю, — бросил Конан и в голосе его прозвучал металл.

— Послушай, — примирительно начал Ольгерд, — ну даже если я захочу рискнуть людьми, ты что, серьезно считаешь, что эти собаки возьмут Хауран?

— Осады не будет. Я знаю, как выманить Константинуса на равнину.

— И что тогда? — гневно воскликнул Ольгерд. — Да они развеют эту толпу, как ветер кучу соломы.

— Они не смогут этого сделать, когда там будут три тысячи отчаянных хиборианских всадников, сражающихся тесным кругом, которому я научу их.

— И где же ты достанешь три тысячи хиборианцев? — с явным сарказмом спросил Ольгерд. — Из воздуха?

— Они уже собрались в оазисе Акроль и ждут моего приказа, — невозмутимо ответил киммериец.

— Ты сделал это втайне от меня!

Ольгерд положил руку на рукоять кинжала, а Конан спокойно продолжил:

— Все хотят видеть меня атаманом.

— Ты глупец! — прошептал Ольгерд. — Уж не вообразил ли ты себя вождем?

Мужчины вскочили.

— Я уничтожу тебя, — с ледяным спокойствием сказал атаман.

— Ты лучше позови людей и прикажи им сделать это, а уж потом посмотрим, станут ли они тебя слушать!

— Ты — подонок с западных Холмов, — хрипло

пробормотал Ольгерд. — Как ты посмел подкапываться под мою власть?

— Мне просто необходимо было это сделать, — спокойно ответил Конан. — Ты считаешь, что я не имею ничего общего с тем, что ряды наших воинов постоянно растут, но это ложь. Они подчиняются твоим приказам, но дерутся за меня, и в Зуагире нет больше места для двух вождей.

— И что же ты пообещал этим предателям?

— Я сказал им, что Хауран заплатит караван золота за освобождение, а потом мы отправимся в поход против туранцев, как ты и прикидывал. Они желают добычи, и они получат ее.

Понурый вид Ольгерда указывал, что он уже начинает понимать — гигантская фигура перед ним была настоящим вождем зуагиров.

— Умри, собака! — выхватывая кинжал, злобно закричал атаман, но быстрая, как молния, рука Конана рванулась через стол. Раздался хруст сломанных костей. В шатре наступила тишина — мужчины со злобой разглядывали друг друга. Наконец Конан рассмеялся, но не ослабил хватки на сломанной руке.

— Годишься ли ты для того, чтобы жить, Ольгерд?

Его улыбка стала шире, и пальцы сжались, впи-

ваясь в дрожащую плоть. Лицо Ольгерда стало пепельным, кровь отхлынула от его губ, но он не проронил ни звука.

Конан хрипло рассмеялся и оттолкнул его.

— Я дарю тебе жизнь, Ольгерд, как ты подарил мне мою, — медленно произнес он. — То испытание, которое ты в свое время придумал для меня, было более суровым и ты бы не смог выдержать его, как и никто, кроме западного варвара. Возьми мою лошадь и уезжай. Она привязана за палаткой — в седельных сумках вода и пища и никто не увидит тебя. Но уходи быстрее. В пустыне нет места для поверженного вождя.

Ольгерд ничего не ответил.

Он медленно вышел из палатки, взобрался в седло огромного белого жеребца, привязанного в тени раскидистой пальмы и, молча, засунув сломанную руку под халат, направился на восток, прочь от людей Зуагира.

Конан, оставшись в одиночестве, опустошил кувшин с вином и облегченно вздохнул. Потом швырнул пустой кувшин в угол и выбрался наружу, окинув взглядом ряды палаток из верблюжьей шерсти и фигуры в белых накидках, которые двигались между ними, споря, распевая песни и ремонтируя упряжь или оружие, и, мрач-

но улыбнувшись, проревел:

— Эй вы, собаки, навострите уши и слушайте! Бегите сюда, я буду говорить с вами!

Глава V. Голос из кристалла

В подвале башни, недалеко от городской стены, группа заговорщиков внимательно слушала крепкого молодого мужчину, с изможденным лицом.

— Я так и знал, что Конан был прав и это не Тамарис! — убежденно говорил он, подчеркивая каждое слово движением широкой ладони. — Изображая нищего, я целыми днями бродил в окрестностях Дворца, мучительно соображая, как же проверить эту догадку, пока удача не улыбнулась мне, и я сумел подслушать разговор, что наша королева в темнице.

После его последних слов в подвале раздались радостные возгласы, а молодой мужчина продолжал:

— Тогда, дождавшись счастливой случайности, я захватил шемитского тюремщика и, прежде чем умереть, он рассказал мне, что женщина, которая сейчас правит нами — ведьма Саломея!

Теперь нашествие зуагиров дает нам тот самый шанс, которого мы так долго ждали. Я не знаю, что

хочет сделать Конан — отомстить Константинусу или поджечь город и уничтожить его, — никто не может понять поступков варвара. Но вот что мы должны сделать: спасти Тамарис, пока будет длиться битва и войско Константинуса уйдет на равнину!

Как сообщили передовые заставы, у Конана есть осадные машины, построенные, несомненно, по его указанию и Константинусу уже ничего не остается, кроме как вывести свое войско на равнину и постараться рассеять кочевников одним ударом, оставив в городе несколько сотен наемников на стенах и башнях.

Тюрьма останется без охраны, и мы освободим Тамарис, а когда горожане увидят ее — они восстанут! У нас появится достаточно сил, чтобы одолеть охрану и закрыть ворота и от наемников, и от кочевников! Никто не должен попасть в город!!! Согласны вы с моим планом?

Гул одобрения отразился от низкого свода подвала.

— Тогда — за оружие! Наемники уже маршируют через южные ворота…

* * *

Колдунья лежала на бархатной кушетке в

небольшой комнате, которая находилась в башне, нависшей над широкой улицей, ведущей к южным воротам, и с интересом наблюдала, как Константинус застегивает широкий пояс, на котором висел меч в богато украшенных ножнах.

Снаружи доносился ритмичный цокот лошадиных копыт о камни мостовой.

— К вечеру, — подкручивая тонкий ус, хвастливо говорил Константинус, — ты будешь иметь пленников, чтобы накормить этого дьявола в Храме. Надеюсь, он еще не ослаб от легкой плоти горожан? Мне кажется, что ему должен понравиться вкус твердой плоти людей пустыни.

— Будь осторожен и сам не стань добычей более свирепого зверя, чем Тхаг, — мрачно ответила колдунья. — Не забывай, кто во главе этих пустынных дикарей.

— Я и не забываю, — беспечно заявил Константинус. — И это одна из причин, по которой я сам иду встречать его. Собака сражалась на западе, и знает искусство осады. Мои разведчики даже не смогли приблизиться к его колоннам, но были достаточно близко, чтобы увидеть машины, которые он тащит на повозках, запряженных верблюдами. Там были тараны, катапульты, баллисты — клянусь Иштар! Должно быть, он

заставил десять тысяч человек работать день и ночь в течение месяца, но как бы он ни старался, это ему все равно не поможет. Я уже сотни раз сражался с этими пустынными дикарями, и всегда было одно и то же. Я постараюсь вернуться к вечеру, с сотней пленников, бредущих за лошадиными хвостами, и мы устроим небольшое развлечение на площади перед дворцом. Мои солдаты очень любят сдирать кожу с живых врагов — так пусть горожане со слабыми коленками посмотрят на это. Что же касается Конана, то мне будет очень приятно, если мы возьмем его живым и посадим на кол.

— Сдирай кожу с кого хочешь, — безразлично пробурчала Саломея, — мне нравится одежда, сделанная из нее. Но сотня пленных мои — для алтаря и Тхага.

— Будет исполнено! За победу и честь королевы Тамарис! — с иронией гаркнул Константинус и, взяв шлем, поднял руку в салюте.

Через минуту его голос донесся уже снаружи — он хрипло отдавал приказы офицерам, а Саломея откинулась на кушетку, зевнула и, потянувшись, словно большая кошка, позвала:

— Занг!

Бесшумно вошел жрец, с лицом похожим на

желтый пергамент.

Саломея повернулась к возвышению из слоновой кости, на котором стояли два кристаллических шара, взяла меньший из них и протянула жрецу.

— Поедешь с Константинусом и передашь сведения о сражении, ступай!

Мужчина склонился в глубоком поклоне и удалился.

Колдунья еще немного побродила по комнате, потом поднялась по широкой мраморной лестнице на плоскую крышу, откуда как на ладони, был виден весь город.

Улицы были безлюдны, большая площадь перед дворцом пуста.

Народ и в обычное время старался избегать мрачной громады Храма, возвышавшегося на площади, теперь же город выглядел совсем покинутым, и только на южной стене да кое-где на крышах толпились люди, мрачно размышляющие, на что им лучше надеяться — победа наемников означала дальнейшую нищету под невыносимым гнетом, а поражение могло привести к поджогу города и кровавой резне. От Конана не было никаких известий, но горожане помнили, что он варвар.

* * *

Наемники двигались по равнине навстречу темной массе едва различимых всадников Конана, который со своими воинами переправился через реку. И, очевидно, опасаясь внезапной атаки, оставил осадные машины на берегу.

Солнце уже поднялось. Эскадроны перешли в галоп и их раскатистый клич достиг людей на городских стенах.

Катящиеся массы встретились со страшным грохотом.

Атаки и контратаки подняли серые клубы пыли, закрыв происходящее действие, и только иногда из этих крутящихся облаков появлялись разгоряченные всадники, да с диким ржанием вырывались и уносились прочь обезумевшие лошади без седоков.

Саломея немного понаблюдала за этим зрелищем с крыши дворца, потом недоуменно пожала плечами и спустилась вниз.

Во дворце царила тишина — все рабы вместе с горожанами были на стенах, тщетно пытаясь понять исход битвы.

Колдунья вошла в комнату и, увидев, что на поверхности кристаллического шара стали

проступать багровые сполохи, с проклятием склонилась над ним.

— Занг! — позвала она. — Занг!

Кристалл посветлел. На его поверхности стали появляться какие-то туманные фигуры и, как молнии во мраке, засверкала сталь. Затем, с пугающей отчетливостью, приблизилось лицо Занга. Его широко раскрытые глаза смотрели прямо на Саломею, кровь извилистой струйкой бежала из раны на голове, кожа казалась серой от пыли.

Губы его приоткрылись, и со стороны казалось, что лицо в кристалле исказила гримаса, но голос его донесся до Саломеи также ясно, как если бы жрец находился рядом, а не за мили отсюда и только боги тьмы знали, какие магические силы связали эти мерцающие сферы.

— Саломея! — звала окровавленная голова, — Саломея!

— Я слышу! — закричала она. — Как идет сражение?

— Рок пал на нас, — застонал жрец. — Хауран потерян! Люди умирают вокруг меня!.. Моя лошадь убита, и я уже не могу выбраться отсюда!

— Немедленно прекрати стонать и расскажи, что случилось! — прервала его Саломея.

— Мы напали на пустынных собак, и они встре-

тили нас! — вопил жрец. — От наших стрел потемнело небо, эскадроны в четком строю рванулись вперед, но отряды Конана расступились и через просвет со страшным криком ринулись тысячи хиборианских всадников, о которых мы даже не подозревали. Это были обезумевшие от жажды мести жители Хаурана — огромные воины в полном вооружении и на крепких конях!

Они раскололи наши ряды прежде, чем мы успели понять, что же произошло, а пустынные дикари набросились с флангов и разодрали наши эскадроны в клочья, сломали и рассеяли нас!

Осадные машины были просто уловкой — пальмовые стволы и окрашенный шелк! Наши воины бегут! Хамбанигаш упал и Конан, кажется, убил его. Я не вижу Константинуса, хауранцы режут нас, как кровожадные львы…

— А-а-а-а!

Мелькнула сталь. Кристалл покрылся брызгами крови, и образ исчез, как лопнувший пузырь. Саломея еще долго стояла, хмуро разглядывая свое отражение в потемневшем кристалле, затем громко хлопнула в ладоши.

Послышались шаги, и появился жрец с бритой наголо головой, молчаливый и неподвижный.

— Константинус разбит, — резко сказала кол-

дунья. — Мы обречены. Конан ворвется в ворота через час и если он схватит меня, то я не питаю никаких иллюзий насчет того, что меня ожидает… Но сначала я сделаю так, чтобы моя проклятая сестра никогда больше не взошла на трон. Следуй за мной! Мы устроим роскошный пир Тхагу.

Дворец и тюрьму связывала длинная галерея. Колдунья и ее раб быстрым шагом миновали ее и, открыв тяжелую металлическую дверь, оказались в тускло освещенном тюремном дворе.

Там, на замшелых каменных плитах скорчилась неподвижная фигура — шемитский тюремщик.

Из темноты донеслись приглушенные голоса и колдунья, потянув за собой жреца, отскочила в черную тень арки.

Рука ее потянулась к поясу.

Глава VI. Крылья коршуна

Тусклый свет факела разбудил Тамарис — королеву Хаурана ото сна, в котором она искала забвения. Приподнявшись на руках, она откинула назад спутанные волосы и крепко зажмурилась, не желая видеть насмешливого лица Саломея, предвкушающей новые мучения.

— Тамарис! О, моя королева!

Голос был так необычен, и в нем слышалось столько страсти, что королева подумала, что она еще спит, но зазвучали тяжелые шаги и какие-то люди в темных накидках склонились над ней.

Тамарис сжалась, пытаясь прикрыться своими лохмотьями, и в это время молодой мужчина упал перед ней на колени.

— О Тамарис! Хвала Иштару, что мы нашли тебя. Неужели ты не узнаешь меня, Валериуса? Однажды ты своими королевскими устами вознаградила меня после битвы с Корнеком!

— Валериус, — тихо пробормотала королева, и слезы покатились по ее щекам. — О, я сплю!.. Или это волшебство Саломеи, чтобы помучить меня!

— Нет! — прозвучал его взволнованный крик. — Это мы — твои подданные, пришли, чтобы спасти тебя! Сейчас идет битва между Константинусом и Конаном, который привел зуагиров, но триста шемитов все еще в городе и нам нужно спешить!

Королева так ослабла, что сама уже не смогла идти и Валериус, как ребенка, взял ее на руки. Потом, покинув темницу, они поднялись по скользкой каменной лестнице, и вышли в тюремный двор.

Окружив Валериуса с королевой, заговорщики

шли мимо темной арки, когда факел внезапно погас и человек, который нес его, вскрикнул в агонии.

Не успело еще затихнуть эхо его жалобного крика, как взрыв голубого пламени выхватил из темноты зловещее лицо Саломеи и ослепил людей.

Валериус рванулся вперед, но на его голову обрушился страшный удар. Кто-то вырвал Тамарис из его рук, и второй удар бросил его на каменные плиты.

Он пытался встать, изо всех сил сжимая голову в тщетной попытке избавиться от голубого пламени, дьявольским светом плывшего перед глазами, но когда зрение восстановилось, то он обнаружил, что все еще лежит, уткнувшись в каменные плиты двора — один… не считая мертвых.

Его четыре товарища валялись в лужах крови, а королева исчезла.

Валериус отыскал свою саблю и, сбросив разрубленный шлем, услышал голос, в отчаянии зовущий его:

— Валериус! Валериус!

Шатаясь, он побрел в том направлении, откуда слышался голос и, завернув за угол, столкнулся с

девушкой, вскрикнувшей от испуга.

— Инга! Ты сошла с ума!

— Я хотела быть рядом с тобой! — всхлипывая, сказала Инга. — Я пряталась за аркой, а когда увидела, как они выскочили во двор и негодяй тащил женщину, то поняла, что ты потерпел неудачу. Ты ранен!

— Царапина! — отвел он ее руки. — Куда они пошли!

— Они побежали к храму.

Валериус побледнел.

— О, Иштар! О, демон! Она решила отдать Тамарис дьяволу, которому поклоняется! Беги к южной стене! Скажи людям, что их истинная королева здесь и колдунья тащит ее в храм! Беги!

Всхлипывая, девушка побежала по узкой улочке, а Валериус бросился через площадь к огромному мрачному Храму.

Он ворвался в храм и увидел ведьму на полпути к жертвенному алтарю, за которым виднелась большая металлическая дверь, украшенная мерзкими сценами. Следом за ней шел жрец с королевой в руках.

Очевидно, Тамарис, чувствуя, на что ее обрекли, боролась из последних сил. Теперь королева тяжело дышала, лохмотья ее были сорваны, и она

устало корчилась в мёртвой хватке обезьяноподобного жреца, как белая нимфа в руках сатира.

Задохнувшись от ярости, Валериус до боли сжал рукоять сабли и бросился через огромный зал.

Увидев его, Саломея вскрикнула, а жрец, бросив Тамарис на мраморный пол, выхватил тяжелый нож, уже запачканный кровью. Однако одно дело зарезать ослепшего человека и совсем другое драться с молодым хибрианцем, воспламененным отвагой и ненавистью.

Нож взметнулся, но прежде чем лезвие опустилось, клинок Валериуса мелькнул в воздухе и кулак, державший нож, отделился от запястья и покатился, разбрызгивая кровь, а обезумевший Валериус все рубил и рубил, пока изувеченное тело не стало падать, разваливаясь на части.

Тогда он резко обернулся, быстрый и яростный, и бросился к Саломее, которая склонилась над Тамарис, сжимая в одной руке черные локоны сестры, а другой, вытаскивая кинжал и, дико заорав — ударил ее саблей в грудь с такой силой, что острие выскочило между лопаток.

Ведьма ужасно захрипела, схватилась за клинок и, покачнувшись, рухнула рядом с сестрой… Ее тело корчилось в агонии, глаза горели зловещим огнем, но она, царапая и кусая голые камни,

с дьявольской силой цеплялась за жизнь, уходящую из раны в малиновом полумесяце…

Валериус отвернулся от скорчившейся на полу фигуры, взял на руки бесчувственную королеву и, пошатываясь, пошел к выходу.

* * *

Площадь перед храмом была забита горожанами, которые пришли, из-за непонятных криков Инги или оставили стены из страха перед надирающейся из пустыни опасности.

Откуда-то доносились звуки разбиваемого камня, и отряд мрачных шемитов пробивался сквозь толпу, спеша к южным воротам.

Увидев молодого мужчину, который появился на ступенях храма, бережно прижимая к себе гибкую обнаженную фигуру, наемники замерли, шум на площади постепенно стих.

— Вот наша королева! — закричал Валериус и горожане издали нездоровый рев.

Расчищая дорогу, шемиты направились к храму, как вдруг дверь его со скрипом открылась и из полумрака появилась окровавленная шатающаяся фигура.

При виде колдуньи Валериус остолбенел, чувствуя, как могильный холод охватывает все его

тело — его сабля проткнула ее, разрезала ее сердце и по всем человеческим законам она должна была умереть, но она, покачиваясь, по-прежнему стояла перед ним, и ее злобный оскал сводил его с ума.

— Тхаг! — прохрипела Саломея. — Тхаг!

И как бы в ответ на этот ужасный зов из храма гулко донеслось чудовищное кваканье и треск ломающегося дерева.

— Вот наша королева! — заорал капитан наемников. — Убейте мужчину!

Толпа взревела, наконец-то сообразив в чем тут дело, и горожане с душераздирающим воплем накинулись на наемников, разрывая их на куски.

Саломея рухнула на мраморные ступени. Шемиты, несмотря на отчаянное сопротивление, бросились к храму, прорубаясь сквозь толпу.

Валериус метнулся к двери храма и, распахнув ее, пронзительно закричал от ужаса и отчаянья…

Из полумрака, освещенного лишь пыльными столбами света, падающего откуда-то сверху, громадными лягушечьими прыжками к нему неслась невероятная темная масса и отблески света играли в ее огромных выпученных глазах, отражаясь от мерцающих когтей, клыков и грязно-зеленой влажной кожи.

Валериус кинулся прочь, но свист стрелы напомнил ему о смерти, ждущей снаружи. Тогда он затравленно оглянулся и выскочил на площадь, где несколько шемитов уже прорвались сквозь толпу и быстро поднимались по мраморным ступеням.

Их луки поднялись, но Валериус, прижимая к груди бесчувственную королеву, успел скрыться за колонной. Шемиты не спеша направились к ним.

С грохотом обрушились высокие резные двери и в образовавшийся проем протиснулась бесформенная чудовищная морда.

Толпа отхлынула.

Крики ужаса смешались с хрипом агонии задавленных людей, но чудовище, казалось, искало только Валериуса и девушку.

Тяжелая туша обрушилась рядом с ними, как вдруг раздался стук копыт, и отряд шемитов на

взмыленных конях ворвался на площадь.

За ними гналась орда всадников, и во главе их возвышалась гигантская фигура в черной кольчуге.

— Конан! — дико закричал Валериус. — Конан!!!

Гигант подал короткую команду.

Облако стрел пропело над площадью и с тошнотворным треском воткнулось в чудовище, отбросив его на ступени лестницы.

Туша, издавая предсмертное хриплое кваканье, рухнула на колдунью и они, разбрызгивая кровь, покатились по Мраморным ступеням, под погребальное пение стрел.

Конан не спеша подъехал к лестнице и, спрыгнув с коня, приблизился к Валериусу, который в полном изнеможении сидел на ступенях.

— Клянусь Кромом, да это же Тамарис! Но кто же тогда там? — он указал на темную зловонную кучу.

— Демон, принявший ее облик, — выдохнул Валериус, а Конан с чувством выругался и, сорвав плащ со стоящего рядом солдата, бережно завернул в него нагую королеву.

Тамарис открыла глаза и изумленно посмотрела на покрытое шрамами лицо киммерийца.

— Конан! Я сплю?.. Ведь Саломея расправилась с тобой.

— Вот это вряд ли. Да и ты не спишь. Ты снова королева Хаурана, а я только что разбил Константинуса около реки и многие из его псов уже никогда больше не вернутся на родину… Стража закрыла передо мной ворота, но, раскачивая с седла тараны, мы быстро сорвали их и вот я здесь, а все мои воины, кроме этих пятидесяти, остались снаружи. Я не очень-то доверяю им, а этих хауранских парней хватит, чтобы защитить тебя.

— Это был какой-то кошмар! — прошептала Тамарис. — О, мои бедные подданные. Ты должен помочь мне вознаградить их. Отныне ты мой советник!

Конан рассмеялся и поманил хауранских воинов, толпившихся в отдалении. Они подбежали и низко склонились перед своей, вновь обретенной, королевой.

— Нет, королева, с этим покончено. Я теперь вождь Зуагиров и должен вести их грабить турнцев, как и обещал. Валериус, будет тебе хорошим советником, а я покидаю вас.

* * *

Светало.

Древняя караванная дорога была заполнена всадниками в белых накидках, протянувшимися от стен Хаурана почти до края равнины. Конан сидел на коне возле срубленного потемневшего креста и мрачно разглядывал человека, руки и ноги которого были пробиты железными штырями, крепко вколоченными в крест, который только что установили воины киммерийца.

— Семь месяцев назад, Константинус, — наконец глухо сказал он, — я был прибит к кресту, а ты наблюдал за мной.

Константинус не отвечал. Он судорожно облизывал посеревшие губы и его глаза остекленели от боли и страха.

— У тебя лучше получается пытать кого-нибудь, чем терпеть, — спокойно продолжил Конан. — Ты всегда любил наблюдать за мучениями своих жертв, и я оставляю тебя в достойной компании.

Константинус дико и отчаянно закричал, а Конан, натянув поводья, не спеша направился к реке, сверкающей в первых лучах солнца.

Ли Брэкетт
ВЕНЕРИАНСКАЯ КОЛДУНЬЯ

Глава I

Корабль медленно плыл сквозь пелену тумана. Его корпус из тонкого серебристого металла бесшумно разрезал поверхность Красного моря, оставляя за собой огненный след. Уже стемнело, а человек, известный как Старк, по-прежнему в одиночестве стоял на корме. Он был возбужден, чувствуя опасность, которая, казалось, исходила даже из горячего ветра.

Рулевой сонно склонился над веслом. Это был рослый человек с молочно-белыми волосами и светлой кожей. Он угрюмо молчал, но Старк

чувствовал, как рулевой время от времени алчно поглядывает на него.

Капитан и два других члена команды маленького прибрежного суденышка ужинали на носу корабля. Оттуда доносились взрывы приглушенного хохота, и казалось, что все они участвуют в каком-то розыгрыше, смысл которого для Старка был непонятен. Жара изнуряла, да и в самом Красном море было что-то зловещее, хотя бы из-за легенд, которые ходили о нем. «Красное море лежит за Облачными Горами — гигантским барьером скрывающим половину планеты и очень немногие перевалили через них, чтобы проникнуть в тайну Внутренней Венеры...». Вернулось еще меньше.

Старк был один из них. Он уже три раза пересекал горы, один раз оставался там почти на год, но так и не смог привыкнуть к Красному Морю, которое состояло не из воды, но газа, достаточно плотного, чтобы по нему могли плыть металлические корабли, и вечно горело мерцающим огнем, окрашивая окутывающий его туман в кровавый цвет.

Старк смотрел, как в глубине, разбрасывая вспышки искр, струились ленивые течения, и ему казалось, что он разглядывает вселенную.

Послышались шаги босых ног, и появился капитан Мельфор — призрачный силуэт в сиянии моря.

— Подходим в Шараану.

— Хорошо, — кивнул Старк.

Это путешествие уже действовало на нервы.

— Тебе понравится Шараан, — радостно заявил капитан. — Наше вино, пища, женщины — все отменное. Говорят, мы держимся нелюдимо, но ты увидишь…

Он засмеялся и хлопнул Старка по плечу.

— Ты будешь просто счастлив в Шараане!

— Прекрасно, — сказал Старк и холодно посмотрел на капитана.

— Вероятно, — продолжил Мельфор, — тебе понравится жить у меня. Я и возьму с тебя по-доброму.

Он уже взял со Старка «по-доброму» за проезд с побережья. Непомерно «по-доброму».

— Нет, — мрачно отрезал Старк.

— Тебе нечего бояться, — доверительно сказал венерианин. — У чужаков, приезжающих в Шараан, всегда одна и та же проблема — хорошее укрытие, а у меня до тебя никто не доберется. В сущности, это настолько хорошее укрытие, что большинство иноземцев решило остаться именно в моем доме. Я дам тебе…

— Нет, — равнодушно повторил Старк.

Капитан пожал плечами.

— Ладно. Но ты все-таки подумай.

Он показал на видневшиеся сквозь туман тени утесов:

— Видишь, мы входим в пролив.

Мердольф сам взялся за рулевое весло. Судно стало набирать скорость, и Старк увидел, что течение несет его прямо к утесам. Перед ними появилась темная стена, в которой виднелась узкая малиновая полоса. Через пару минут она превратилась в реку бурлящего пламени, струившегося между неприступных утесов.

Клубился красный туман. Корабль дрожал, но летел вперед, как вырвавшийся из ада безумец.

Руки Старка невольно вцепились в край борта.

Они влетели в пролив, и Старк увидел, что он охраняется.

На утесах виднелись приземистые укрепления, баллисты и большие лебедки, чтобы тянуть сети через узкую горловину. Вероятнее всего, жители Шараана приняли закон, запрещающий входить в их залив всем иностранным судам, и у них были для этого причины. Официальная торговля Шараана состояла из вина и замечательной красоты кружев, сплетенных шелковыми пауками, но в действительности город жил пиратством и контрабандой.

Теперь же, разглядывая скалы и укрепления,

Старк наконец-то понял, почему Шараан уже много столетий безболезненно нападает на торговый флот в Красном Море и дает убежище ворам, убийцам и прочей опасной публике.

С ошеломляющей быстротой они проскочили узкий пролив и плыли теперь по спокойной поверхности того, что было, по существу закрытым заливом Красного Моря.

Туман скрывал землю, но запах ее стал сильнее — гнилостный запах полуджунглевой, полуболотной растительности.

Нетерпение и чувство опасности усилилось.

Старк стал ходить по палубе стремительным, мягким шагом бродячего кота, но внезапно замер, прислушиваясь.

Ветер принес слабый заунывный звук, который шел отовсюду и ниоткуда, и землянину на секунду показалось, что это сама жаркая ночь Венеры кричит сквозь туман языком бесконечного горя.

Звук стих и умер, оставив после себя чувство обреченности, словно вся печаль и желания мира обрели голос в этом безнадежном плаче.

Старк резко повернулся к Мельфору.

— Что это?

Капитан удивленно взглянул на него.

— Плачущий звук! — нетерпеливо повторил

Старк.

— Ах, это! — венерианин пожал плечами, — фокусы ветра. Он попадает в полые камни вокруг пролива.

Мельфор зевнул и, приказав помощнику встать у руля, подошел к Старку.

Землянин не обратил на него никакого внимания. С детства воспитанный полулюдьми, Старк сохранил в себе что-то дикарское и слух у него был превосходный. Мельфор врал. Никакой камень не может издать крик боли.

— Я знал нескольких землян, — сказал капитан не слишком-то ловко меняя тему. — Они не похожи на тебя.

— Я не с Земли, — буркнул Старк. — Я с Меркурия.

Мельфор вытаращил глаза.

Венера — облачный мир, где люди никогда не видели солнца и мало что знают о планетах. Капитан, конечно, знал о существовании Земли и Марса, но о Меркурии явно не слышал и Старк терпеливо объяснил:

— Ближайшая к солнцу планета. Там очень жарко. Солнце пылает, как гигантский костер, а облаков, чтобы скрыть его, нет.

— Так вот почему у тебя такая темная кожа!

Капитан покачал головой.

— Я никогда не видел такой кожи… и такого мускулистого тела, — добавил он с восхищением, и уже совершенно дружелюбно продолжил:

— Я хочу, чтобы ты остановился у меня, лучшего жилища не найти во всем Шараане. Кстати, люди в городе рады поживиться за счет иноземцев — грабят их, даже убивают, а меня все знают как честного человека…

Он помолчал и с улыбкой добавил:

— К тому же у меня есть дочь. Отличная кухарка… и очень красивая.

Снова послышалось горестное пение. Далекое, приглушенное ветром, оно как бы предупреждало о какой-то немыслимой угрозе.

— Нет, — сказал Старк.

Не нужно было обладать богатой интуицией, чтобы держаться подальше от капитана: этого не слишком хитрого мошенника.

В глазах Мельфора на миг мелькнула злоба.

— Ты упрямый, а Шараан не место для упрямых людей, — с угрозой сказал он и ушел.

Корабль, продираясь сквозь жару и туман, не спеша плыл по спокойному заливу Красного Моря, и призрачная песня преследовала Старка, как плач погибших душ.

Наконец, Мельфор вновь появился на палубе и отдал несколько команд.

Старк увидел впереди землю — темное пятно в ночи, затем различил черты приземистого и безобразного города, который скорчился на скалистом берегу, как ведьма, макающая в кровь рваные юбки.

За его спиной послышались осторожные шаги босых ног. Землянин повернулся с ошеломляющей быстротой животного, чувствующего угрозу, и положил руку на пистолет.

Нагель, брошенный помощником, со страшной силой ударил Старка по голове и он, пошатнувшись, увидел сквозь кровавую пелену приближающихся людей.

Резко прозвучал голос Мельфора. В воздухе просвистел второй нагель, который попал Старку в плечо.

Тяжелые крепкие тела навалились на него. Мельфор захохотал.

Угрожающе зарычав, Старк оскалил зубы и впился в чью-то щеку.

Венериане, похоже, испугались, решив, что Старк, как только до него дотронулись, колдовским образом превратился в зверя.

Человек с разодранной щекой выл.

Смуглое тело вырвалось из державших его рук и исчезло за бортом, оставив нападавшим обрывки шелковой одежды.

Поверхность Красного Моря без всплеска сомкнулась над Старком, и только вспышки малиновых искр отметили, подобный комете, уходящий вниз след.

Глава II

Старк медленно погружался. Дышать было легко, так как атмосфера Красного Моря прекрасно поддерживала жизнь, и создания, жившие в нем, имели почти нормальные легкие, но Старк не сразу обратил на это внимание. Он еще чувствовал боль от ударов и был вне себя от злости.

Живущий в нем дикарь — Н'Чака, который сражался и голодал в кипящих долинах Сумеречного Пояса Меркурия, умел многое и никогда не прощал своих врагов. Сейчас ему хотелось вернуться и изрубить Мельфора и его людей на куски, но человек Старк, который уже получил несколько горьких уроков от так называемой цивилизации, не стал торопиться. Он, рыча и проклиная венерианцев на грубом языке своей матери, вынырнул на поверхность и поплыл к берегу, зная, что время посчитаться еще будет.

Признаков преследования не было. Старк рассудил, что Мельфор оставил его в покое, но так и не понял причины нападения. Вероятнее всего это не был грабеж, так как у него ничего не было, кроме собственной одежды и очень небольшой суммы денег. Нет. Нападение было связано с настойчивым желанием Мельфора, чтобы чужеземец жил у него.

Старк вспомнил то, что ему рассказывали о Шараане и злобно усмехнулся.

Он плыл мимо россыпи огней, напомнивших о том времени, когда они с Хильви, сыном царя варваров верхнего побережья Ярелла, охотились на удивительных животных в хрустальных лесах моря. Они были как братья, но Хильви отправился в Шараан и не вернулся.

Шло время.

Вдруг он увидел в красном сиянии под собой нечто необыкновенное и удивленно нахмурился.

Под ним были деревья. Громадные лесные гиганты, вздымались к ненастоящему небу, и течение слабо покачивало их ветви.

Старк был поражен. Леса, где они охотились, были кристаллическими, без малейших признаков жизни. «Деревья» там были не больше

деревьями, чем ветвящиеся кораллы в южных океанах Земли. Правда, эти то, были настоящие, или, по крайней мере, казались такими.

Старк не рискнул плыть в темноту ветвей: странный ужас овладел им при виде этого громадного леса, спящего в глубинах залива уже много столетий. Он быстро поплыл над покореженными ветвями, стараясь поскорее покинуть это зловещее место и вздрагивая от ощущения зла, такого сильного, как будто его преследовали демоны.

Наконец, он всплыл на поверхность и обнаружил, что потеряв направление, оказался теперь много ниже Шараана. Тогда Старк не спеша поплыл обратно и, взобравшись на черные скалы, осторожно пошел по грязной тропе, ведущей к городу.

Из тумана показались одинокие хижины, постепенно выстроившиеся в улицу. Кое-где сквозь узкие окна пробивался свет. Тропа, извиваясь как змея, ползла теперь между тесно стоявшими домами. Стало больше света, больше жителей — высоких белокожих людей со светлыми волосами.

Старк шел мимо них, чужой и странный, а горожане молча провожали его взглядами. Откуда-то

вынырнула стайка совершенно голых ребятишек и побежала рядом с ним. Один из мальчишек крикнул: «Лхари». Дети в ужасе остановились и бросились прочь.

Свет Красного моря заполнял туман, и он казался усыпанным капельками крови. Пахло грязью, потом и дыханием мака. Шараан был нечистым городом, и от него пахло злом.

И было еще нечто неуловимое, тронувшее холодным дыханием душу Старка — страх. Он видел его тень в глазах людей и слышал его отзвуки в их голосах. Волки Шараана даже в собственном логове не чувствовали себя в безопасности.

Он вышел на широкую площадь напротив гавани и увидел, на фоне пылающего залива, пришвартованные у пирса призрачные корабли, груды винных бочонков, путаницу мачт и снастей.

Горело множество факелов. Вокруг были широкие приземистые строения, с темных веранд которых доносился смех и шум голосов. Где-то, под заунывные звуки камышовой дудки пела женщина. Сквозь туман, в дальнем конце улицы, смутно виднелись контуры замка.

Старк, ненадолго задумался и направился через площадь к таверне.

Певица на площади вдруг смолкла, и стало удивительно тихо.

Однако, нервное перешептывание продолжало кружиться над этой тишиной, и отовсюду: с веранд и из винных погребков стали медленно появляться люди. Внезапно, какая-то женщина, в лохмотьях, указала пальцем на Старка и визгливо захохотала.

Трое юношей с усталыми лицами и пустыми глазами загородили ему дорогу.

— Иноземец? — мрачно спросил один из них. — Землянин?

— Вне закона, — спокойно ответил Старк, солгав лишь наполовину.

Один из парней шагнул вперед.

— Ты перелетел через Облачные Горы? Или свалился с неба?

— Я прибыл на корабле Мельфора.

По площади прокатился вздох. На лицах юношей отразилось разочарование. Самый рослый из них сказал:

— Я стоял на набережной, когда Мельфор швартовался. На борту тебя не было.

Старк улыбнулся, при свете факелов глаза его казались холодными, как лед.

— Об этом спроси у Мельфора, — лениво сказал

он. — Или у человека с разорванной щекой. А может… ты сам захочешь узнать.

Парень хмуро смотрел на него, а Старк напружинился, готовясь к бою. Женщина, которая только что смеялась, подошла ближе. От нее пахло маковым вином.

— Он пришел из моря. Вот откуда он. Он…

Рослый юноша молча ударил ее по губам, и она упала в грязь.

Плотный моряк, схватив ее за волосы, рывком поставил на ноги. На лице его читались испуг и злость. Ругая женщину за глупость, он потащил ее прочь.

— Так что? — язвительно спросил Старк, — наладили мне мозги?

— Мозги? — раздался из толпы грубый, скрежещущий голос. — Да у этих щенков их вообще нет! А если бы и были, они бы занимались делом, а не отирались среди иноземцев!

Молодые люди обернулись, и в просвете между ними Старк увидел мужчину, стоящего на ступенях таверны. Это был землянин. И первую минуту Старк из-за совершенно белых волос и морщинистого лица принял его за старика, но тело его было крепким и мускулистым.

Землянин тяжело опирался на палку, одна

нога его была скрючена и покрыта шрамами. Он улыбнулся и тихо сказал по-английски:

— Гляди, как я их сейчас отделаю!

Вслед за этим он назвал парней идиотами, ублюдками, потомками болотных жаб, заявив, что, если они не верят иноземцу, пусть обратятся к Мельфору и, наконец, потрясая палкой, заорал:

— А теперь пошли вон! Убирайтесь! Оставьте нас — меня и моего брата с Земли!

Парни переглянулись, пожали плечами и побрели через площадь, а беловолосый землянин поманил Старка и когда тот подошел, чуть слышно сказал:

— Ты в западне.

Старк оглянулся и увидел, что трое парней встретили четвертого, с обвязанным тряпкой лицом. Они исчезли в переулке.

Хромой громко и радостно сказал по-венериански:

— Пошли, брат, выпьем со мной и поговорим о Земле.

Глава III

Это была обычная венерианская таверна — одна большая комната под соломенной крышей, со стен которой свешивались тростниковые шторы,

вдоль низкой стойки стояли маленькие столики, а на полу, вокруг них лежали замызганные шкуры и груды грязных подушек.

В дальнем конце комнаты сидели два старика с барабаном и камышовой дудкой, и две хмурые, потасканные, девицы.

Хромой подвел Старка к угловому столику, велел подать вина и уселся. Его темные глаза горели от возбуждения, руки тряслись. Он заговорил прежде, чем Старк успел сесть.

— Ну как там? Изменилось что-нибудь? Расскажи мне о Земле, о ее городах и улицах. Господи, я все бы отдал, чтоб снова увидеть Солнце и темноволосых женщин! — Он наклонился, жадно вглядываясь в глаза Старка, как будто хотел в них увидеть все это. — Ради бога, не молчи, говори по-английски и расскажи мне о Земле!

— Ты давно здесь?

— Не знаю. Как считать время без Солнца, без единой распроклятой звездочки? Десять лет, сто лет, — откуда я знаю? Вечность!

Старк криво улыбнулся.

— Я был там очень давно, так как меня не очень-то любит земная полиция. Но когда я в последний раз видел Землю, она была такая же, как всегда.

Хромой вздрогнул. Он смотрел на Старка и не

видел его.

— Осенние деревья… Красное и золотое на коричневых холмах. Снег. Я помню, что такое холод. Воздух кусает, когда его вдыхаешь… Женщины носят туфли и ножки их шлепают по грязи, а острые каблучки стучат по чистой мостовой. — Он взглянул на Старка, и в его глазах блеснули слезы. — Какого дьявола ты явился сюда и терзаешь меня? Я Ларраби. Я живу в Шараане. Я жил здесь вечность, и буду жить, пока не сдохну. И нет никакой Земли! Она пропала! Нигде ничего нет, кроме облаков, Венеры и грязи!!!

К ним подошел слуга и поставил на столик вино. В таверне было удивительно тихо. Вокруг землян образовалось свободное пространство, за которым люди, потягивая маковое вино, ждали дальнейших событий.

Ларраби вдруг хрипло захохотал.

— Не понимаю, с чего это я в последнее время стал так сентиментален по отношению к Земле? Когда я там был, то и не думал о ней вовсе.

Сказав это, он тут же отвел глаза и поднял чашу.

Руки его дрожали, а Старк все разглядывал его и не верил своим глазам.

— Ларраби, — наконец сказал он. — Ты — Май-

кл Ларраби. Тот, кто взял полмиллиона кредитов из сейфа «Королевской Венеры»?

Ларраби кивнул:

— И ушел с ними через Облачные горы, хотя все считали, что через них нельзя перебраться… А знаешь, где теперь эти полмиллиона? На дне Красного моря, вместе с моим кораблем и командой. Один бог знает, почему я остался жив. — Он пожал плечами. — Но как бы там ни было, я плыл в Шараан и мне не на что жаловаться.

— Ты здесь уже девять лет по земному времени.

Старк никогда раньше не встречался с Ларраби, но помнил его изображения, которые передавались на частотах полиции. Тогда Ларраби был молодым человеком — гордым и красивым.

И словно угадав его мысли, Ларраби тихо спросил:

— Я изменился, верно?

— Я думал, что ты умер.

Ларраби захохотал, а Старк резко спросил:

— Что это за западня, в которую я попал?

— Могу сказать тебе, только одно. Из нее не выбраться. И я не смогу тебе помочь и честно говоря, не стал бы этого делать.

— Спасибо, — хмуро бросил Старк, — но ты

можешь сказать, что меня ожидает.

— Послушай, — грустно начал Ларраби, — я калека, старик, а Шараан не самое лучшее место в солнечной системе. Но я живу. У меня жена, неряшливая шлюха, надо признаться, но в сущности, неплохая. И может ты заметил у входа маленьких черноволосых щенков, игравших в грязи? Так это мои. Я еще неплохо вправляю вывихнутые суставы и занимаюсь разной прочей чепухой, благодаря чему могу пить бесплатно, как только захочу, а значит — часто. Да и к тому же, из-за своей сволочной ноги я абсолютно безвреден. Так что не спрашивай меня, что случится. Я предпочел бы не знать.

— Кто такие Лхари?

— Ты хочешь встретиться с ними? — Ларраби, казалось, нашел эту мысль забавной. — Тогда иди наверх, в замок. Они живут там. Это Лорды Шараана, и они всегда рады иноземцам. — Он вдруг наклонился вперед. — Кто ты такой? Какой дьявол тебя сюда принес?

— Меня зовут Старк. Я пришел по тем же причинам, что и ты.

— Старк, — медленно повторил Ларраби, пристально глядя на него. — Звучит, как колокольчик. Мне кажется, я однажды видел изображение

одного идиота, руководившего восстанием где-то в юпитерианских колониях — рослый такой тупарь с холодными глазами, который колоритно именовался дикарем с Меркурия. — Он кивнул, довольный собой. — Дикарь, а? Ну, так в Шараане тебя выдрессируют!

— Возможно, — спокойно сказал Старк. Его глаза непрерывно двигались, наблюдая за Ларраби, за дверью, за темной верандой и за молча пьющими людьми. — Кстати об иноземцах — один из них пришел сюда во время последних дождей. Он венерианин, с верхнего побережья. Крупный парень. Ты не встречал его?

Ларраби фыркнул. К этому времени он уже выпил свое вино и вино Старка.

— Никто тебе не поможет. А что касается твоего друга, то я никогда его не видел. Кстати, я начинаю думать, что лучше бы мне не видеть и тебя.

Он встал и, не глядя на Старка, грубо сказал:

— Тебе лучше проваливать отсюда. — Потом повернулся и заковылял к бару.

Старк поднялся и снова ощутил запах страха.

Затем он вышел из таверны, и никто его не остановил.

Площадь была пуста. Шел дождь и Старк сразу же утонул по щиколотку в теплой грязи, потом

ненадолго задумался и, улыбнувшись, побрел по улице, ведущей к замку.

Дождь усилился. Он колотил по голым плечам Старка, глухо стучал по соломенным крышам, с шипением и треском выколачивая из грязи радужные пузыри. Гавань скрыли бурлящие облака, поднимающиеся с поверхности Красного Моря. Набережную и улицы поглотил непроницаемый туман. Жуткими синеватыми вспышками засверкали молнии.

Старк свернул на узкую улицу, ведущую к замку. Его освещенные окна словно бы стирал наползающий туман, и они гасли одно за другим. На мгновение молния осветила вздымавшиеся к небу шпили, и чей-то крик послышался сквозь грохот ударившего затем грома.

Старк остановился и положил руку на оружие. Крик послышался снова — девичий голос, тонкий, как плач морской птицы сквозь пелену дождя.

Старк резко обернулся и увидел, бегущую к нему девушку. Прислонившись к стене, он стал ждать.

Девушка подбежала и замерла, в нескольких шагах от него. Полыхнула молния, и Старк смог хорошо ее разглядеть.

Она была молода, почти подросток, и очень

привлекательна. Губы ее дрожали, испуганные глаза были широко раскрыты, юбка прилипла к длинным ногам.

— Чего ты хочешь от меня? — ласково спросил Старк.

Девушка смотрела на него взглядом мокрого котенка. Он улыбнулся и его улыбка как-то странно подействовала на нее — девушка упала на колени и зарыдала.

— Я не могу этого сделать, — прошептала она сквозь слезы. — Он убьет меня, но все равно я не могу это сделать!

— Что сделать?

Она испуганно посмотрела на него.

— Беги! Беги сейчас же! Ты умрешь в болотах, но это лучше, чем оказаться с Потерянными Душами!

Глава IV

Улица была пустынна, и они спрятались под ближайший навес.

— Да перестань же ты реветь, объясни лучше, в чем дело.

— Я Зерит. — всхлипывая, сказала она, — дочь Мельфора. Он боится тебя и приказал караулить на площади, пока ты не выйдешь из таверны,

потом идти за тобой и…

Она замолчала, испуганно глядя на него. Старк погладил ее по плечу.

— А дальше.

— Если я скажу, обещай, что не будешь меня бить.

— Ну, хорошо.

Девушка жалобно всхлипнула и, кажется, немного успокоилась.

— Я должна была догнать тебя и сказать то, что уже сказала — что я дочь Мельфора и он будто-бы велел привести тебя в засаду. Если бы ты поверил и пошел за мной, то оказался бы в ловушке.

Она снова заплакала, на этот раз тише. Теперь в ней уже ничего не осталось от взрослой женщины — перед ним был жалкий испуганный ребенок.

— Но я не могу сделать этого… И действительно ненавижу отца, потому что он меня бьет. А Потерянные Души… — Лицо ее стало серьезным. — Иногда ночью я слышу, как они поют где-то далеко в тумане. Это очень страшно.

— Да, — буркнул Старк, — я слышал их. Но кто они, Зерит?

— Я не могу тебе этого сказать. О них запрещено даже упоминать. Во всяком случае, — добавила

она честно, — я о них ничего не знаю. Люди исчезают, вот и все. Люди из Шараана редко, а в основном иноземцы, вроде тебя. Мне кажется, что, когда мой отец уходит на болота охотиться вместе с дикими племенами, его не интересует никакая другая добыча, кроме людей с какого-нибудь захваченного судна, но почему, я не знаю. Да и вообще я ничего не знаю, я только слышала пение.

— Эти Потерянные Души, они живут в заливе?

— Наверное… Там много островов.

— А что Лхари, Лорды Шараана? Неужели им не интересно, что там происходит?

Девушка вздрогнула.

— Не наше дело — спрашивать Лхари и даже думать, чем они заняты.

Старк кивнул и задумался. Маленькая рука Зерит коснулась его плеча.

— Уходи. Спрячься в болотах. Ты сильный и обладаешь чем-то, чего нет у других людей. Ты сможешь выжить…

— Нет. У меня еще есть небольшое дело в Шараане. — Он нежно поцеловал девушку в лоб. — Ты милая и храбрая девочка. Скажи отцу, что ты сделала все, как он велел и это не твоя вина, что я не пошел за тобой.

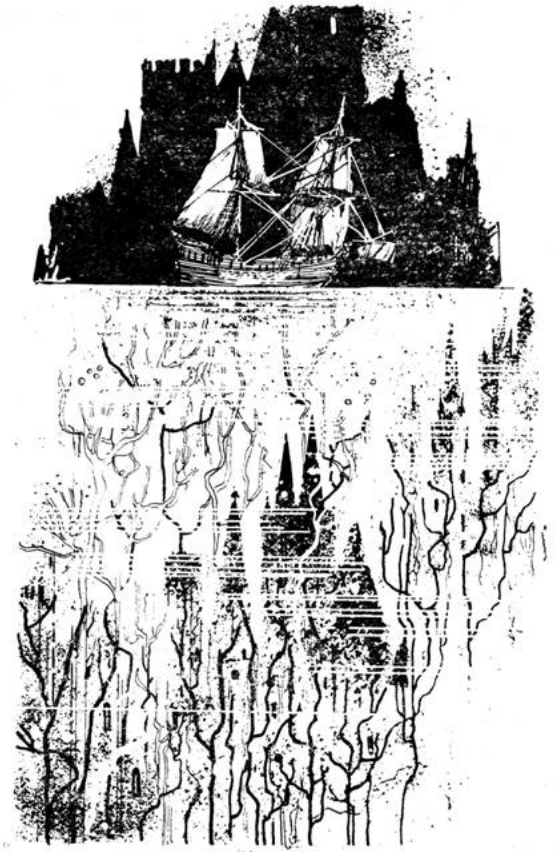
— Он изобьет меня, — философски заметила Зерит, — но может и не очень сильно.

— Отец не станет тебя бить, когда узнает, что я пошел в замок Лхари.

Последовало долгое молчание. Глаза Зерит наполнились ужасом.

Дождь тихо стучал по каменным плитам.

— В замок, — наконец прошептала она. — Не надо! Иди в болота или дай отцу схватить тебя, но не ходи в замок. — Она вцепилась в его руку. — Ты иноземец, ты не знаешь… не ходи туда!



— А почему? — весело спросил Старк. — Разве

Лхари — демоны? Они пожирают людей?

Он взял ее за руки.

— Тебе пора идти. Скажи отцу, где я. Он может найти меня в замке Лордов.

Шагнув под дождь, Зерит дико посмотрела на Старка, как на человека, стоявшего на краю ада — живого, но еще хуже, чем мертвого. На лице ее было написано удивление и великая жалость. Она хотела что-то сказать, но передумала и скрылась в пелене дождя.

Старк долго еще смотрел девушке вслед, потом выбрался из-под навеса и побрел к замку.

Он поднимался все выше и выше, пока совсем не заблудился в густой угрюмой красноте.

Подул горячий ветер. Вспышки молний разрывали малиновый туман, и раскаты грома смешивались с шипением дождя, льющегося в залив. Старк остановился и спрятал свое оружие под большой камень.

Через некоторое время он наткнулся на резной столб из черного камня, за которыми виднелись массивные, окованные металлом ворота.

Старк постучал, но шум дождя заглушил его стук. Неожиданно, он увидел рядом с воротами гонг — громадный диск из кованного золота и, схватив лежащий тут же молот, стал бить им по

гонгу изо всех сил.

В воротах открылось окошечко. Старк бросил молот.

— Откройте! Я хочу говорить с Лхари!

Послышался смех. Тяжелые створки ворот приоткрылись.

Старк вошел и оказался в громадном дворе, среди соломенных хижин, за которыми находились загоны для скота — бескрылых болотных драконов.

Какие-то люди окружили его и повели к свету, струившемуся из хижин.

— Он хочет поговорить с Лхари! — крикнул один из них, стоящим в дверях женщинам и детям. Раздался взрыв хохота.

Старк молча оглядел обитателей замка. Непонятное племя. Мужчины явно были солдатами, поскольку носили военные доспехи, а прочие, столь же явно их женами и детьми. Все они жили в ограде замка и не имели отношения к Шараану.

Они, похоже, заключили браки с горожанами, поскольку многие из них имели молочно-белые волосы и широкие лица. Но все равно были чужаками.

Обитатели замка смотрели на него с явным

любопытством. Женщины перешептывались, подталкивая друг друга локтями, одна даже весело сказала:

— Для ошейника на эту шею понадобится обод от бочки!

Стражники окружили его плотным кольцом.

— Если так уж хочешь увидеть Лхари, то увидишь, — заявил их начальник, — но сначала мы проверим тебя…

Старк почти не сопротивлялся, когда с него сорвали почти все, что на нем было, оставив только шорты и сандалии. Что ж, он был готов к этому.

— Ладно, — сказал начальник, — пошли.

Вся деревня высыпала под дождь, провожая Старка до дверей замка. Люди смотрели с тем же зловещим интересом, что и жители Шараана, правда эти знали, что с ним произойдет и забавлялись вдвойне.

Замок был построен из черных, идеально подогнанных друг к другу каменных блоков. Его громадные двери имели четырехугольную форму и были обиты потемневшим металлом.

Начальник стражи крикнул охраннику:

— Здесь тип, желающий говорить с Лхари!

Тот захохотал:

— Ну, так пусть поговорит! Ночь долгая и им

скучно!

Он открыл тяжелые двери и крикнул что-то внутрь. Тут же, из темноты, появились слуги в шелковых одеждах и, украшенных драгоценными камнями ошейниках, и по их гортанному смеху, Старк догадался, что у них нет языков.

Перед ним была дверь, за которой — он чувствовал — лежало зло. Молнии жгли небо, последний крик умирающей грозы потряс землю, когда он, оттолкнув охранника, вошел в замок.

Вдоль стен горели факелы. Само же помещение напоминало коридор без всяких украшений, лишь облицованный камнем, и в архитектуре его чувствовались спокойное достоинство и красота.

Здесь не было ни картин, ни резьбы, ни фресок, и, казалось, что его строители знали, что этот холл прекрасен сам по себе — массивностью, изысканностью линий, темным блеском полированного камня.

Странное ощущение охватило Старка. Он был необычайно чувствителен и теперь, когда шел по холлу в сопровождении немых созданий в ярких шелках и сверкающих ошейниках, то его просто поражала неуловимая чуждость этого места.

Холл заканчивался низкой широкой дверью из золота. Быстрые шаги слуг, насмешливые

взгляды. Дверь распахнулась, и Старк предстал перед Лхари.

Глава V

С первого взгляда они показались землянину туманными созданиями из кошмарного сна.

Помещение, в котором он оказался, напоминало собор. Часть его терялась во мраке и тусклый призрачный свет, поднимающийся сквозь черный полированный камень, лишь усиливал ощущение его бездонности.

Где-то вдалеке, в черной глубине собора, тускло светился рой небольших ламп, отбрасывая серебристый свет на лордов Шараана.

Когда Старк вошел, в помещении воцарилась тишина — внимание лордов было приковано к незнакомцу.

Внезапно раздался скрежет когтей о каменные плиты, шипение и что-то вроде тихого бормотания, похожего на демонический шепот, слышимый со всех сторон.

Старк резко обернулся.

Шум приближался, откуда-то издалека донесся звонкий женский смех, и землянин увидел, что на него надвигается какая-то темная масса.

Он резко вскинул руки, чтобы схватить напада-

ющего, но ничего не произошло: странная фигура оказалась мальчиком лет десяти, который тащил на веревке молодого дракона, еще беззубого и упирающегося изо всех сил.

Старк выпрямился, чувствуя себя разочарованным и… спокойным. Мальчик хмуро посмотрел на него, пробурчал что-то себе под нос, пнул невинное животное и исчез в темноте.

Послышался голос. Медленный, хриплый, бесполый, он гулко прокатился под сводом.

— Иди сюда. К свету.

Когда он приблизился, внешность Лхари стала устойчивой, и землянин подумал, что они могли бы быть детьми самого Люцифера.

Их было шестеро, включая мальчика. Двое мужчин, примерно того же возраста, что и Старк, играли в какую-то сложную игру; красивая женщина, одетая в белый шелк, смотрела, как он приближается, а другая женщина — помоложе, одетая в короткую малиновую тунику, поглаживала хищную птицу, вцепившуюся в крепкую кожаную перчатку на ее серой руке.

Мальчик стоял возле мужчин. Время от времени он пинал маленького дракона, и тот бессильно хватал его руку. «Интересно, — подумал вдруг землянин, — и что он будет делать, когда у жи-

вотного вырастут клыки?».

Напротив Старка, скорчившись на груде подушек, сидел третий мужчина. Он был уродлив, с тщедушным телом и длинными паучьими руками. На его коленях лежал кусок дерева, из которого он вырезал тучное существо — наполовину женщину, наполовину воплощение зла, и Старк удивленно заметил, что его лицо, как и все лица здесь, было поистине человеческим и прекрасным. Когда же мальчик, в очередной раз, пнув своего дракончика, да так, что тот отчаянно взвыл, надменно посмотрел на землянина, то у него оказались старые, мудрые и очень грустные глаза. Улыбка тронула его губы, и она была более сострадательной, чем слезы.

Теперь все они молча разглядывали землянина, и он наконец-то понял, что же так поразило его в этих лицах. Он уже встречал людей этой расы, отметившей печатью чуждости бледноволосых людей живущих в хижинах снаружи. Они происходили от Облачного Народа, когда-то жившего на Высоких Плато — королей страны Облачных Гор.

Странно было видеть их здесь, на темной стороне барьера, однако это были именно они. Ошибки быть не могло — изящная форма тел,

алебастровая кожа, глаза, имеющие все цвета и никакого, волосы цвета чистого серебра. Но как они оказались здесь и почему оставили свои богатые холодные равнины ради зловония болот?

Они молчали, как будто ожидая разрешения заговорить, а Старк никак не мог сообразить, у кого же из них такой властный, суровый голос. Как вдруг этот голос произнес:

— Иди сюда. Подойди ближе.

Старк обернулся и увидел в тени какую-то темную массу.

Женщина лежала на низком ложе. Ее невероятно огромное тело было покрыто шелковым покрывалом, из-под которого высовывались руки — две бесформенные колонны белой плоти, заканчивающиеся крошечными пальчиками. Время от времени она брала кусочки пищи из запаса на резном столике, и, сопя и отдуваясь, глотала их со страшной жадностью. Черты ее лица уже давно расплылись, за исключением носа, который поднимался из жира, как клюв птицы, сидевшей на запястье девушки и видевшей кровавые сны под своим колпачком, закрывающим голову. Глаза женщины…

Старк содрогнулся. Затем бросил взгляд на незаконченную фигурку, лежащую на коленях

калеки и понял какая мысль вела нож.

Наполовину женщина, наполовину воплощение зла. И сильная, очень сильная.

Женщина молча смотрела на него. Землянин догадался, что она желает, чтобы он не выдержал ее взгляда. Он улыбнулся и сказал:

— Когда-то я долгие часы оставался камнем, пока следил за огромной ящерицей, чтобы решить — кто из нас съест другого.

Женщина поняла, что он говорит правду, и тело ее затряслось от беззвучного смеха.

— Видели? — сквозь смех прокаркала она. — Вы — отродье Лхари, но никто из вас не смеет глядеть мне в глаза, а это темное создание, бог знает откуда явившееся, может это.

Женщина вдруг перестала смеяться и мрачно взглянула на Старка.

— Кровь каких демонов течет в тебе, чужеземец, если ты так и не научился ни осторожности, ни страху?

— Я научился этому еще до того, как стал ходить. Но я знаю другое — злобу.

— Так ты злой?

— Спроси у Мельфора, злой я и почему!

Мужчины переглянулись.

— Мельфор? — спросила туша, набивая рот

жареным мясом. — Это интересно. Но не за этим же ты явился сюда. Я любопытна, чужеземец. Скажи.

— Хорошо.

Старк огляделся вокруг. Это место было могилой, западней.

Он посмотрел на девушку, лениво поглаживающую сокола, и она с каким-то странным вызовом ответила на его взгляд. Из всех только она одна видела в нем человека, мужчину; для остальных он был простым развлечением.

— Один человек пришел в Шараан в сезон дождей. Его зовут Хильви. Он ищет брата, который сбежал, нарушив древнее табу.

— И что же?

— Я пришел за Хильви. Он мой друг.

Глыба жира заколыхалась от хохота.

— Дружба сильна в тебе, иноземец. Хорошо. Лхари народ добрый — ты найдешь своего друга.

Мужчины захохотали, и эхо этого демонического смеха гулко отразилось от каменных стен. Молчал только калека; он низко склонился над незаконченной фигуркой и грустно вздохнул.

— Не сразу, бабушка! — игриво воскликнула девушка с коршуном. — Оставим его на несколько дней.

Колышущая масса повернулась к ней.

— А что ты будешь делать с ним, Варра? Таскать на веревке, как Бор таскает этого жалкого зверя?

— Может быть… хотя я думаю, что понадобится слишком крепкая цепь, чтобы удержать его.

Варра повернулась к Старку, восхищенно разглядывая его могучие мышцы и твердую линию подбородка. Она улыбалась. Губы ее были очень привлекательны, как красный плод болотного дерева, несущий смерть в своей пикантной сладости.

— Это мужчина, — продолжала она. — Первый мужчина, которого я вижу с тех пор, как умер отец.

Мужчины за игорным столом вскочили. Один из них подошел и грубо схватил девушку за руку.

— Значит, по-твоему, я не мужчина, — сказал он удивительно мягко. — Печально, поскольку я буду твоим мужем. Нам легче уладить это теперь же, до свадьбы.

Варра кивнула.

Старк увидел, как пальцы мужчины яростно впились в руку девушки, но она даже не вздрогнула.

— Давно пора все это уладить, Эджил. Ты уже достаточно помучился со мной. Но времена дрес-

сировки прошли. Теперь я готова признать своего господина.

Старк не сразу понял смысл этих слов, так как насмешливая нотка в голосе девушки была еле заметна, но девушка в белом вдруг тихо засмеялась, и Старк догадался, что Варра просто повторила Эджелу его же собственные слова. Мальчик хихикнул.

Варра взглянула на Старка:

— Ты будешь драться за меня?

Старк неожиданно засмеялся.

— Нет!

Варра пожала плечами.

— Ну, что ж. Тогда я буду драться сама.

— Мужчина! — рявкнул Эджил. — Я покажу тебе, кто мужчина, глупая маленькая мегера!

Сдернув с себя ремень, он наклонил девушку свободной рукой, чтобы нанести ей хороший удар. Хищная птица, сидевшая на ее запястье, забила крыльями и закричала, дергая закрытой головой. Молниеносным движением девушка скинула колпачок и бросила сокола прямо в лицо Эджилу.

Эджил выпустил девушку. Широкие крылья били его. Мужчина взвыл, а мальчик плясал, визжа от радости.

Варра спокойно наблюдала.

Эджил, ударившись об игорный столик, рухнул на каменный пол. Острые когти в клочья рвали его одежду.

Варра повелительно свистнула. Птица в последний раз клюнула Эджила в затылок и полетела обратно — на руку девушки. Варра повернулась к Старку, готовая спустить своего друга и на него, но передумала.

— Нет, — пробормотала она, надевая на голову птицы колпачок, — ты мог бы убить его.

Эджил, с трудом поднявшись, ушел куда-то в темноту.

Второй мужчина мрачно взглянул на Варру.

— Будь ты предназначена мне, я бы сумел выбить из тебя спесь!

— А ты подойди и попробуй.

Мужчина пожал плечами.

— Это не мое дело. В своем доме я поддерживаю мир. — Он хмуро посмотрел на женщину в белом, и Старк увидел, что ее лицо, до этого ничего не выражавшее, было искажено от страха.

— Ты поддержишь, — спокойно сказала Варра. — На месте Эйрил я бы уже давно зарезала тебя, пока ты спишь. Но тебе-то нечего бояться — у нее на это не хватит духу.

Эйрил вздрогнула и посмотрела на свои руки, а мужчина, собирая разбросанные фигурки, небрежно заявил:

— В один прекрасный день Эджил свернет тебе шею, и я от этого не заплачу!

Все это время старая женщина ела и наблюдала за ними, наблюдала за ними и ела.

— Приятная семейка, а? — наконец спросила она у Старка. — Вроде нормальные, а ссорятся, как коршуны в гнезде. Поэтому-то я и держу их около себя, чтобы они были поосторожнее в подобных развлечениях. А вот Треон, — она показала на уродливого юношу. — Он ни черта не делает. Тупой и мягкотельный, хуже Эйрил. Не внук, а проклятие! Зато у его сестры огонька на двоих!

Старуха принялась жевать, гордо ворча.

Треон поднял голову, и голос его зазвучал как нежная музыка.

— Может быть, я и туп, бабушка, к тому же слаб телом и не оправдал твоих надежд, но я буду последним Лхари. Смерть уже ожидает на башнях. Она возьмет вас раньше, чем меня. Я знаю это.

Он посмотрел на Старка и улыбнулся с такой болью и покорностью, что у землянина сжалось сердце. Но в этой улыбке была так же неблагодарность, как будто юноша долго ждал чего-то и,

наконец, это свершилось.

— Ты, — он указал на Старка, — иноземец с неистовыми глазами… Я видел, как ты выходишь из мрака, и там, где ты проходил, оставались кровавые следы. Руки твои были красны до локтей, на челе сиял символ смерти, а ветер шептал мне: «…Так и должно быть. Этот человек разрушит замок, камни его раздавят Шараан… Он освободит Потерянные Души…» — Юноша засмеялся. — Смотрите на него, все смотрите! Это ваша погибель!

Наступило тягостное молчание. В душе Старка стали подниматься дикие суеверия его расы, и он похолодел до корней волос, но в этот момент старуха с отвращением сказала:

— Значит, тебе об этом сказал ветер, несчастный идиот?

Она с удивительной меткостью швырнула в Треона спелый плод.

— Заткни свою пасть, я до смерти устала от твоих пророчеств.

Треон посмотрел на малиновый сок, который медленно стекал по его груди и капал на наполовину законченную головку фигурки. Он радостно засмеялся.

— Так что ты думаешь о Лхари? — тихо сказала

Варра. — О гордых Лхари, не унизившихся до того, чтобы смешивать свою кровь со скотом с болот? О моем полоумном братце, о моих ничего не стоящих кузенах и о маленьком чудовище Боре, последнем отпрыске дерева? Теперь тебя не удивляет, почему я напустила сокола на Эджила?

Гордо откинув голову, она ждала ответа, и ее серебряные локоны падали на плечи, как клочья грозового облака. В ней было столько самодовольства, что оно раздражало и восхищало Старка.

— Адская кошка, — хмуро подумал он. — Очаровательная и нахальная!

Ее губы были полуоткрыты — не то от ярости, не то от улыбки. Неожиданно схватив девушку, Старк поцеловал ее и ухмыльнулся.

— Ты этого хотела?

— Да, — задыхаясь, ответила Варра. — Именно этого.

Она обернулась, и взгляд ее стал опасно суровым.

— Бабушка…

Но не успела закончить, как Старк увидел, что старая женщина пытается сесть. Лицо ее побагровело от страшной ярости.

— Ты… — задыхаясь, прошипела она. — Ты…

Неслышно появился Эджил. Он держал в руке

какой-то странный тупорылый предмет из черного металла.

— Ложитесь, бабушка, я хотел воспользоваться этим для Варры…

Эджил выстрелил. Старк упал и погрузился в спасительное забвение.

— Но нашел лучшую цель, — закончил Эджил.

Глава VI

Алый туман. Цвет крови. Он попытался вспомнить…

Добыча бросилась на него, и они сражались на голых камнях.

Лорд Скал был огромен — гигант среди ящериц, и навалился на его голову прежде, чем копье успело хотя бы оцарапать пятнистый бок ящерицы…

Н'Чака застонал от стыда. Он промахнулся. Рассчитывая на великий триумф, он нарушил закон племени, запрещавший мальчику охотиться на добычу мужчины, и потерпел неудачу. Теперь старейшина не наградит его поясом мужчины; он отдаст Н'Чаку женщинам для наказания.

Тика будет смеяться над ним.

Кровь в глазах. Н'Чака заморгал. Инстинкт самосохранения подсказывал, что он должен отползти, пока Лорд Скал не вернулся и не со-

жрал его.

Однако туман не рассеялся. Он снова заморгал, пытаясь поднять голову, и страх навалился на него, как ночной мороз на скалы долины.

Все не так. Он отчетливо видел себя — голого мальчика, с трудом ползущего в безопасность пещеры. Он видел это, но не мог даже пошевелиться.

Все не так. Время, пространство, Вселенная потемнели и закружились.

Он услышал нежный голос, зовущий его, но это была не Тика.

Тика умерла.

Старейшина умер и все остальные…

Старк.

Воспоминания рассыпались, словно осколки разбитого зеркала. Он, блуждая, плыл среди них, и страх вырвал вопль из его горла.

Мягкие руки коснулись его лица.

Туман посветлел, рассеялся, превратившись в кровавую дымку. Внезапно Старк снова стал самим собой, вспомнив все.

Он лежал на спине, а Зерит, дочь Мельфора, стояла над ним. Он был где-то на дне Красного Моря, этого жуткого океана, в котором человек может дышать, и не мог даже пошевелиться, как

будто тело его было мертвым.

Старк лежал, похороненный в собственном теле, и испуганно смотрел на Зерит, ожидая ответа на вопрос, который боялся задать.

Она поняла.

— Все в порядке, — ласково сказала она. — Это пройдет. Ты будешь здоров. Это — оружие Лхари. Оно парализует тело, но это не навсегда.

Ее светлые волосы покачивались в такт медленного дыхания моря — молочное облако на малиновом фоне. Старк увидел, что Зерит очень изменилась. Когда он видел девушку последний раз, она была испуганной, но полной эмоций и какого-то упрямого мужества. Теперь же лицо ее осунулось, в глазах была безнадежность.

На ее белой шее был ошейник — кольцо из темного металла.

— Где мы? — прошептал Старк, пытаясь приподнять голову.

— В месте Потерянных Душ.

Черные стены, черный свод. Громадный холл, через высокие амбразуры которого потоками огня вливались волны.

— Мы в городе, — тихо сказала Зерит. — ты скоро увидишь его и больше ничего — до самой смерти.

— Но как ты попала сюда, малышка? — нежно спросил Старк.

— Из-за отца. Мельфор был работорговцем у Лхари. Таких очень много среди капитанов судов в Шараане, но об этом никто никогда не говорит, так что даже я, его дочь, могла лишь догадываться. — Она горько рассмеялась. — Теперь я здесь, с ошейником Потерянных Душ. Но и Мельфор тоже. Почему ты не ушел с болота? Я же предупреждала!

— Теперь поздно жалеть об этом. Ты говоришь, Мельфор здесь?

— Да. — В ее голосе послышалось восхищение. — Я не знаю, что ты сделал Лхари, но Лорд Эджил был в дикой ярости. Он ругал отца за глупость и скверную работу, потому что тот не сумел схватить тебя. Отец скулил и просил прощения, и все бы закончилось хорошо, если бы не его любопытство. Ты вроде дикого зверя, говорил отец, многозначительно разглядывая раны Лорда Эджила, но он надеется, что ты не причинил Вреда Леди Варре. Эджил стал прямо пурпурным. Я думала, с ним случится припадок.

— Да, — глухо сказал Старк, — спрашивать об этом было ошибкой. — Он громко рассмеялся. — Мельфору стоило держать пасть закрытой!

Девушка несмело улыбнулась и продолжала:

— Эджил крикнул стражника и приказал взять Мельфора. Когда же до отца дошло, чем это ему грозит, он тут же свалил всю вину на меня. Эджил, похоже, совсем взбесился. Говорят, все Лхари сумасшедшие — наверное, так оно и есть. Во всяком случае, он приказал схватить меня, чтобы семя Мельфора навеки было втоптано в грязь.

Настало долгое молчание. Старк угрюмо разглядывал ошейник Зерит. Рабыня. Рабыня Лхари в Городе Потерянных Душ.

Послышался шум приближающихся голосов: Потерянные Души возвращались с работы.

Они медленно появлялись из тусклого красного тумана, — толпа проклятых, усталых, потерявших надежду. Рабы один за другим падали на подстилки, лежащие рядами на черном каменном полу, и их светлые волосы покачивались в медленных водоворотах моря.

Один из них направился к Старку.

— Хильви!

— Брат!

Хильви присел на корточки рядом с ним. Когда Старк видел его в последний раз, это был красивый юноша, теперь же перед ним сидел изможденный старик, его глаза были воспалены,

глубокие морщины пролегли вокруг рта.

— Брат, — повторил Хильви, не стыдясь слез. — Ох, и дурак же ты, что явился в этот ад! Посмотри на меня, теперь я почти мертвец.

— Разве ты не пошел бы за мной? — спросил Старк.

— Но я всего лишь невежественный житель болот, а ты пришел из космоса, видел другие миры — ты должен был понять, насколько это опасно.

Старк хмыкнул.

— Я все еще дикий пещерный человек. Так что мы оба дураки. Где Тобал?

Тобал был братом Хильви, нарушившим табу. Теперь он видимо обрел покой, так как Хильви помрачнел, хотя казалось, что это уже невозможно:

— Человек не может долго жить на дне моря. Дышать и есть — это еще не все. Тобал умер. Я тоже скоро умру.

Хильви поднял руку, наблюдая за струящимися вдоль нее огнями.

— Мозг гибнет раньше, чем тело, — сказал он небрежно, как будто речь шла о пустяке.

— Хильви охранял тебя, пока другие спали, — прошептала Зерит.

— Не я один, — поправил ее Хильви. — Малыш-

ка была рядом со мной.

— Зачем же меня охранять?

Вместо ответа Хильви указал на подстилку неподалеку. Там лежал Мельфор: глаза его были полны злобы, свежий шрам красовался на щеке.

Старк похолодел. Беспомощно лежать, ожидая, пока Мельфор подойдет и протянет растопыренные пальцы к его беззащитному горлу…

Он сделал отчаянную попытку пошевелиться, но тело по-прежнему было неподвижно.

Хильви усмехнулся:

— Теперь самое время вызвать тебя на поединок! Ничего, скоро ты снова сможешь побороть меня, как бывало уже не раз. Теперь спи и ни о чем больше не беспокойся.

Хильви уселся на страже. Старк погрузился в беспокойный сон, а Зерит, словно собачонка, свернулась у его ног.

Постепенно рабы заснули. В холле воцарилась тишина.

На дне Красного Моря не было времени. Здесь не существовало дня, рассвета, ветра или дождя, которые смогли бы нарушить его вечный покой. Только лениво шептались медленные течения, да танцевали красные искры на своем пути в никуда — громадный холл замер, вспоминая прошлое.

Старк лежал среди этого безмолвия, ожидая пока силы вернутся к нему. Что ж, он привык ждать.

Жизнь понемногу возвращалась к землянину. Ублюдок-стражник время от времени покалывал ножом тело Старка, проверяя реакцию, но он не учел выдержки землянина. Старк терпеливо выносил эту пытку, пока окончательно не окреп. Тогда, улучив момент, он вскочил и зашвырнул стражника чуть ли не на середину холла, с презрением наблюдая, как тот вопит от страха и злости.

Когда же пришло время работы, землянина вместе с остальными рабами погнали в Город Потерянных Душ.

Глава VII

Старк часто бывал в городах, подавляющих своей необычностью и враждебностью: Синхарат — прекрасные коралловые и золотые развалины, затерянные в марсианских пустынях; Джаккара, Валкис — города Лау-Канала, пахнущие кровью и вином; утесы-пещеры Арианрода на Темной стороне Меркурия, пылающие гробницы-города Каллисто, но Город Потерянных Душ, который он разглядывал, пока шел в длинной цепи рабов,

приводил его в неописуемый ужас.

Широкие улицы, вымощенные каменными плитами, похожими на черные зеркала. Черные здания — высокие, величественные, без единой чешуйки краски или резьбы — с редкими окнами, поблескивающими в темноте, словно затонувшие драгоценные камни.

Виноградные лозы, сады с коротко подстриженными газонами, алые цветы па длинных стеблях. Все чистое, ухоженное. Ветви аккуратно подрезаны, свежевскопанная земля, — чьими руками?

Старк вспомнил гигантский лес, спящий в заливе. Трудно было даже представить, как давно эти цветы раскрыли свои бутоны в последних лучах солнца. Они были мертвыми. Мертвыми, как лес, город. Вечно цветущими и мертвыми.

Землянин подумал, что это, наверное, был тихий город, так как ему не верилось, что когда-то на этих широких улицах гуляли шумные толпы горожан, среди черных стен, не отражающих слов, смеха. Старк представил детей, размеренно гуляющих по садовым дорожкам — маленьких мудрых созданий с врожденным достоинством.

Землянин, наконец-то начал понимать, откуда взялся этот жуткий лес. Залив Шараана не всегда был заливом. Раньше это была богатая плодо-

родная долина с громадным городом… Уцелел только замок Лхари.

Колонны рабов, подгоняемые надсмотрщиками, вооруженными небольшими черными предметами вроде того, каким пользовался Эджил, вышли на широкую площадь, дальний конец которой терялся в багровом сумраке, и Старк увидел развалины.

В центре площади рухнуло громадное здание. Единственная неопрятная вещь в городе — огромная гора обломков в окружении мрачных храмов.

Надсмотрщики приблизились, послышались глухие удары. Старк наконец-то понял, зачем их пригнали в это гиблое место; рабы расчищали площадь от обломков упавшего здания.

— Шестнадцать лет люди работают и умирают здесь, — шепнул ему Хильви, — а работа еще и наполовину не сделана. Зачем вообще она нужна Лхари? Я тебе скажу — они безумны!

Это действительно казалось безумием: таскать камни в мертвом городе на дне моря.

Откуда-то появился надсмотрщик. Он грубо толкнул Старка к тачке, нагруженной битым камнем. Глаза землянина злобно сверкнули, но Хильви резко сказал:

— Иди! Или ты опять хочешь валяться па каменном полу?

Старк сумрачно посмотрел на оружие в руках надсмотрщика и неохотно направился к тачке. Так началось его рабство.

Это была страшная жизнь.

Старк работал вместе с другими рабами. Они перетаскивали громадные каменные блоки, считая бесконечную изнуряющую работу — «днем», а короткий мучительный сон — «ночью», и каждый день Эджил или его брат Конд приходили посмотреть, как идет работа.

Треон тоже проводил здесь много времени. Он неуклюже, по-крабьи, взбирался на большой черный камень и молча наблюдал за Старком. В его терпении было что-то страшное, словно он ожидал конца света, который задерживался, но был по-прежнему неминуем.

Иногда появлялась Варра. Загадочно улыбаясь, она не сводила глаз с высокого смуглого землянина, и в ее взгляде было что-то такое, что тревожило его кровь.

Однажды «ночью», когда рабы уже засыпали, Зерит тихо подошла и уселась на корточки у его изголовья.

Старк приподнялся.

— Что тебя тревожит, сестренка?

Ее широко открытые глаза были затуманены страхом.

— Не мое дело давать тебе советы. Я понимаю, что это глупо. Но женщина Лхари…

— Что?

— Она следит за тобой. Все время следит! Лорд Эджил взбешен, и это принесет тебе только зло. Я знаю!

— Мне кажется, — спокойно сказал Старк, — что Лхари уже сделали нам столько зла, сколько могли.

— Нет, — со странной мудростью ответила Зерит, — сердца наши еще чисты.

Старк улыбнулся и нежно поцеловал ее.

— Я буду осторожен, сестренка.

Зерит вдруг крепко прижалась к нему. Лицо Старка стало серьезным. Он неловко погладил девушку, но она отстранилась, отошла к своей подстилке и свернулась на ней, закрыв лицо руками.

Старк лег. Сердце его было печально…

Красный туман разрушает мозг — теперь землянин знал это. Атмосфера морского дна медленно убивала создания, дышащие воздухом.

— Здесь есть граница, — торопливо рассказы-

вал ему Хильви. — Внутри которой мы имеем право ходить, если после работы у нас есть силы и желание, но выйти за нее мы не можем. Пробиться через барьер нельзя. Я не знаю, как они это делают, но когда кто-нибудь из рабов приближается к барьеру, его ошейник начинает сверкать и раб падает. Я сам пытался, так что знаю. Наполовину парализованный отползаешь назад, но если ты спятил, как Тобал, то лезешь дальше, заряд барьера усиливается…

Он сделал руками рубящее движение.

Старк кивнул. Он не стал объяснять, что вероятнее всего ошейник действует как проводник, возможно, тех же самых лучей, что генерирует оружие.

Граница охватывала достаточно большую территорию. Она шла вокруг города, захватывая порядочный кусок леса за ним, однако среди деревьев раба легко могли обнаружить, используя слабый парализующий луч, а наказание было таким, что лишь у очень немногих хватало дурости играть в подобные игры.

Поверхность, разумеется, была полностью под запретом. Единственным неохраняемым местом являлся остров, на котором была центральная энергетическая станция — рабам иногда разре-

шалось приходить туда по ночам, так как Лхари решили, что они работают лучше, если иной раз подышат свежим воздухом и посмотрят на небо.

Старк уже не раз совершал это паломничество с другими рабами: они поднимались из красных глубин сквозь облака малиновых искр и мрачных пятен, похожих на лужи крови — компания белых призраков, встающая из могил, чтобы вкусить немного утраченного ими мира.

Они так уставали, что у них едва хватало сил вернуться в барак, но, тем не менее, спешили на остров, чтобы пройтись по земле, избавиться от этой вечной малиновой дымки и постоянной тяжести в груди, увидеть жаркую синюю ночь Венеры и вдохнуть аромат цветов, принесенный ветром… Они пели там, жадно вглядываясь сквозь туман в сторону берега, которого им не суждено было больше увидеть — именно это пение слышал землянин, когда они плыли на корабле — бессловесный крик скорби и утраты.

Теперь же он сам был здесь, устраивал Зерит поудобнее и его низкий голос присоединялся к примитивному упреку богам.

Завывая, как дикарь, Старк изучал энергетическую установку — черное приземистое строение. Однако, в те ночи, когда приходили рабы, страж-

ники размещались снаружи здания, а кроме того ее охранял шоковый луч. Попытка захватить установку означала верную смерть.

Старк сразу же отказался от этой затеи, хотя не было ни секунды, когда бы он не думал о побеге, но как искушенный игрок, землянин не хотел биться головой о стену. Он предпочитал ждать.

Однажды «днем», когда работа уже была закончена, из красной тьмы появилась Варра. Она поманила землянина и он, не оглядываясь, медленно направился по тихой широкой улице, ведущей к лесу.

Глава VIII

Покинув величественные здания, они оказались среди деревьев.

Старку страшно не нравился лес. Город был тоже плох, но он был мертвым, честно мертвым, не считая кошмарных садов, а в этом громадном лесу таилось что-то ужасное. Деревья его были в зеленой листве, их обвивали цветущие лианы, но они стояли, как куча трупов, и ветви их трепетали под этой ужасной пародией на ветер.

Старк пробирался среди густого кустарника, а Варра, словно большая серебряная птица, плыла между громадных стволов, затем опустилась

рядом с землянином и улыбнулась.

— Знаешь, я часто приходила сюда, как только подросла. Ведь этот лес — чудо, здесь я могу летать.

Она засмеялась, воткнула в волосы большой золотистый цветок и взмыла среди листвы.

Старк рванулся за ней.

Кровь его бунтовала. Он мог бы легко схватить Варру, но не делал этого, а только время от времени обгонял ее, показывая свою силу.

Оставляя пламенеющий след, они летели среди туманного моря — черный сокол и серебряная голубка в лесах грез…

Однако голубка выросла в орлином гнезде, Старк тоже вскоре устал.

Он схватил Варру, и, они медленно поплыли в красном тумане.

Ее первый поцелуй был дразнящим и любопытным, но она все крепче прижималась к землянину, пока вся тлеющая в нем ярость не перешла в другой вид пламени. Он сжал ее грубо и жестоко, а Варра, беззвучно смеясь, так же крепко обнимала его, и губы ее были, как горький плод, причиняющий боль.

Наконец девушка отпрянула и, опустившись вниз, уселась на широкую ветку. Она все еще

смеялась, но ее глаза были такими же яркими и жестокими, как и у Старка.

Он сел у ее ног.

— Чего ты хочешь от меня? — тихо спросил он.

Варра улыбнулась. В ней не было страха. Она была крепка, как новый клинок.

— Я скажу тебе, дикий человек.

Старк изумленно взглянул на нее.

— Где ты подхватила это прозвище?

— Я спрашивала о тебе у землянина Ларраби, к тому же эта кличка как нельзя лучше характеризует тебя. — Она наклонилась к самому его лицу. — А вот чего хочу я — убей Эджила, Конда и Бора — он подрастет и будет еще хуже их. Хотя, это я смогу сделать сама, если тебе трудно убить ребенка, однако Бор — чудовище… Бабушка скоро умрет. Треон вообще не в счет.

— Если я это сделаю — что тогда?

— Свобода… И я… Мы будем вместе править Шарааном.

Старк насмешливо прищурился.

— Надолго ли, Варра?

— Кто знает? Да это и неважно. — Она пожала плечами. — Кровь Лхари истощилась, пора влить в нее новую струю… Наши дети станут править Шарааном, и они будут людьми.

Старк громко захохотал.

— Мало того, что я раб Лхари. Так я еще должен стать палачом и племенным быком! — Он мрачно взглянул на нее. — Почему я, Варра? Почему ты выбрала меня?

— Да потому, что ты первый мужчина, которого я увидела с тех пор, как умер отец. Кроме того в тебе есть что-то… — Она лениво потянулась и на секунду коснулась его губами. — Не думаешь ли ты, что это так уж плохо — жить со мной? А, дикий человек?

Она привлекала и раздражала его, эта серебряная ведьма, полная злобы и смеха.

— Не плохо, — пробормотал Старк, — а опасно.

Он поцеловал ее, а она шепнула:

— Я думала, ты не боишься опасности.

— Напротив, я человек очень осторожный. Положим с Эджилом у меня свои счеты, но я не убийца. Бой должен быть честным, и пусть каждый сам позаботится о себе.

— Честный бой? А Эджил был честен с тобой… или со мной?

Старк пожал плечами.

— Я буду драться с ним только так.

Варра задумалась, потом кивнула.

— Ладно. Что же касается Конда, так ты навя-

жешь ему долг крови, и он сам вызовет тебя на поединок. Все Лхари гордые, — с горечью добавила она. — Это наше проклятие, которое уже вошло в плоть и кровь. Да ты и сам увидишь.

Старк хмуро посмотрел на нее.

— Зерит и Хильви должны быть освобождены. Пора положить конец этому рабству.

Она угрюмо посмотрела на него.

— Ты ставишь жестокие условия, дикарь.

— Так да или нет?

— И да и нет. Зерит и Хильви ты, конечно, получишь, если уж они тебе так нужны, хотя одним богам известно, что ты нашел в этой бледной девчонке. Что же касается других... — Варра насмешливо улыбнулась. — Ведь я совсем не дура, Старк. Ты хочешь обойти меня, а мы должны играть честно.

Старк засмеялся,

— Справедливо. Теперь скажи мне, о, ведьма с серебряными локонами, как же мне добраться до Эджила, чтобы убить его?

— Я это устрою, — тихо сказала она.

В ее голосе было столько злой уверенности, что Старк не сомневался — она устроит. Он помолчал и спросил.

— Варра, а что вы, Лхари, ищете на дне моря?

Она неторопливо ответила:

— Я уже говорила тебе, мы гордый клан и именно поэтому много столетий назад ушли с Высоких Плато. Теперь это все, что у нас осталось, но есть вещи, которые все еще имеют для нас огромное значение.

Варра ненадолго задумалась, потом продолжила:

— Я думаю, что мы уже давно знали о городе, но просто не обращали на него никакого внимания, пока им не заинтересовался мой отец. Он проводил там целые дни, и именно он нашел оружие, машину силы на острове, а затем карту и металлическую книгу, спрятанную в тайном месте. Книга была зашифрована, на карте мы обнаружили схему площади с храмом и разрушенным зданием. Долгие годы Лхари изучали эту книгу, пока не узнали о тайне — удивительной и страшной. Отец до конца жизни был уверен, что именно разрушенное здание завалило ход к этой тайне.

— Что это за тайна, Варра?

— Способ переделывать живую плоть. Я не знаю, как это делается, но можно создать расу гигантов, чудовищ или богов. Ты понимаешь, что это значит для гордого вымирающего клана?

— Да, — ответил Старк, — конечно же, понимаю.

Величие идеи потрясло его. Строители города воистину были мудры, если смогли обрести такую чудовищную силу над природой. Переделывать живые клетки тела по своей воле, творить — если не саму жизнь, то ее форму… Раса гигантов или богов. Лхари могли бы стать ею, перестроив свою дегенеративную плоть во что-то превосходящее человеческое тело и сделав своих бойцов такими, чтобы никто не смог противостоять им.

Старк пришел в ужас, когда представил, сколько зла Лхари смогли бы обрушить на мир.

— В книге было предупреждение, — продолжала Варра. — Значение которого не вполне понятно, но древние, похоже, осознали, что они согрешили перед богами и будут за это наказаны чем-то вроде чумы. Они разрушили огромное здание, чтобы создать барьер для тех, кто придет после них, и затопили город. Похоже, что они были суеверны, как дети.

— А вы, значит, наплевали на их предупреждение, и вас совсем не беспокоит, что целый город умер для того, чтобы скрыть эту тайну?

Варра пожала плечами.

— Треон уже много лет бормочет свои проро-

чества, но его просто никто не слушает. Что же касается меня, то мне все равно, откроют они секрет или нет. Мне кажется, что эта тайна погибла вместе с городом, а кроме того, я вообще не верю в подобную чепуху.

— Кроме того, — с жестокой усмешкой повторил Старк, — тебе все равно, что Эджил с Кондом рассядутся на небесах Венеры. Очень сомнительно, чтобы они взяли тебя с собой.

Варра захохотала.

— Ты чересчур умен. А теперь — до свидания.

Она крепко поцеловала его и исчезла, поднявшись над кронами деревьев.

Старк долго еще смотрел ей вслед, потом спустился на землю и медленно побрел к городу, расстроенный, и очень печальный.

Он уже вышел на площадь, как вдруг услышал, что в одном из темных храмов раздался звук жертвенного колокола — медленный, словно биение умирающего сердца.

Землянин услышал голос Зерит, жалобно зовущий его, и поспешил к храму.

Глава IX

Девушка лежала на коленях статуи-рептилии в открытом храме, окруженном высокими

колоннами. Старк ясно видел ее — маленькую белую частицу человечества на черной зловещей фигуре. Рядом с ней стоял Мельфор. Он звонил в жертвенный колокол.

Звон стих. Старк отчетливо услышал крик Зерит:

— Уходи, Старк! Они ждут тебя! Не приближайся ко мне!

— Я жду тебя, Старк, — со смехом крикнул Мельфор. — Ты боишься меня?

Он схватил Зерит за волосы и медленно, расчетливо, ударил ее по лицу.

Лицо Старка окаменело. Он не спеша направился к храму.

Зерит вырвалась из рук отца.

— Это ловушка! — закричала она. — Эджил…

Мельфор снова ударил ее, на этот раз сильнее. Зерит рухнула на колени статуи.

— Она жалеет тебя, — хрипло сказал Мельфор. — Она чувствует, что я убью тебя, если смогу. Возможно Эджил и здесь, но Зерит уж точно в моих руках. Я буду бить ее, пока она жива, и если ты, иноземная собака, захочешь спасти ее, тебе придется драться со мной… Тебе страшно?

Да, Старк боялся. Инстинкт, более древний, чем разум, предупреждал его о смертельной

опасности.

Хотя это уже не имело значения. Белая кожа Зерит была в черных кровоподтеках… Мельфор улыбался, но и это уже не имело значения.

Землянин быстро приближался, оставляя за собой полосу огня. Увидев его глаза, Мельфор вздрогнул, и его улыбка превратилась в зловещую гримасу. Затем он пригнулся и, в последний момент, когда Старк уже прыгнул, выхватил нож.

Старк не ожидал этого. Рабов ежедневно обыскивали — даже осколок камня был под запретом. Значит, кто-то дал Мельфору нож, кто-то…

Он изо всех сил пытался увернуться от смертельного удара — слишком поздно, поздно, его собственное движение несет его на острие…

Включились рефлексы, более быстрые, чем у любого человека — реакция дикого существа. Мускулы напряглись, центр равновесия переместился в ужасающе болезненном усилии, и тело отклонилось вопреки всем законам.

Лезвие сделало длинный разрез через грудь Старка. Он бесшумно упал, но не успел еще подняться, как Мельфор набросился на него.

Окутанные багровым туманом, они покатились по каменным плитам, и алые нити потянулись через танцующие огни, отмечая их путь.

Старк, оказавшись спиной к Мельфору, крепко сжал обеими руками ту руку, в которой тот держал нож, а Мельфор свободной рукой рвал лицо Старка, подбираясь к его глазам.

Неожиданно Старк издал низкий звериный вой, и его зубы впились в ладонь Мельфора. Мельфор завизжал… Глаза Старка изменились — теперь это были глаза хищника-убийцы.

Послышался глухой треск. Рука с ножом безвольно повисла, и Мельфор затих, захлебываясь кровью. Он еще пытался отползти, но Старк сломал ему шею.

Тело Мельфора, задевая черные столбы, медленно поплыло через колоннаду, а Старк, чувствуя чье-то невидимое присутствие, крикнул:

— Мельфор звал тебя, Эджил. Так что же ты не пришел?

— Зачем? — раздался голос Лорда Эджила Лхари. — Я обещал ему свободу, если он убьет тебя. Он не сумел этого сделать, несмотря на то, что я дал ему нож и наркотик для твоего друга Хильви.

Эджил появился из темноты — красивый, в желтой шелковой тунике, с черным тупорылым оружием в руке.

— Главное было заманить тебя в ловушку. Ты просто так не подошел бы ко мне. — Он поднял

оружие. — Конечно, можно было убить тебя за работой, но моя семья стала бы исключительно долго обсуждать это событие — ты хороший раб.

— Они наверняка бы сказали что-нибудь вроде «трус», — мягко сказал Старк, — а Варра бы с удовольствием выпустила на тебя свою птицу.

Эджил кивнул. Губы его скривились.

— Именно. Тебя это, кажется, забавляет? Теперь же моя милая кузина тренирует другого сокола, чтобы напустить его на меня. Она ведь сегодня накрыла тебя колпачком, не так ли? — Он засмеялся. — Прекрасно. Я не стану убивать тебя открыто, так как есть лучший способ. Я просто не хочу, чтобы по всему побережью болтали, что моя кузина променяла меня на чужеземного раба. Да я бы и сам убил Мельфора — он слишком много знал. Когда же я убью тебя и девчонку, то унесу ваши тела к барьеру и все, даже Варра, решат, что вы пытались бежать.

Эджил поднял оружие.

На этот раз полный заряд. Не паралич — смерть.

Старк прикинул расстояние между ними. Он решил, что, вероятно, умрет раньше, чем успеет ударить, но сумеет опрокинуть Эджила, и у Зерит появится шанс убежать. Мышцы его на-

пряглись…

— А будет ли очевидно, как умер я, Эджил? — раздался спокойный голос Треона. — Если ты убьешь их, тебе придется убить и меня.

Эджил яростно выругался.

— Кривой урод! Как ты здесь оказался?

— Как приходит ветер или дождь? Я не такой, как все. — Юноша грустно улыбнулся. — Я здесь, Эджил, и это главное. Ты не убьешь этого чужака, который больше зверь, чем человек и больше человек, чем любой из нас. Он месть богов.

Треон встал между ними.

— Уйди с дороги, — хрипло сказал Эджил, однако Треон не двинулся с места.

— Отлично. Ты хочешь умереть — пожалуйста.

Глаза Треона вспыхнули.

— Это день смерти, — тихо сказал он, — но не его и не моей.

Эджил выругался.

Дальнейшее произошло мгновенно. Старк прыгнул, изогнувшись над головой Треона, а Эджил отступил и выстрелил.

Что-то закрыло Эджила, приняв на себя всю силу заряда.

Что-то белое… Тело девушки со струящимися волосами.

Зерит.

Они забыли о ней; об избитой девочке, лежавшей на коленях статуи, а она незаметно сползла с алтаря, и последний рывок поставил ее между Старком и смертью.

С криком смертельно раненной кошки, Старк обрушился на Эджила и больше уже ничего не видел, кроме его лица.

Треон спокойно наблюдал, как кровь струится в море и как, в наступившей тишине, то, что раньше было его кузеном, медленно поплыло по течению.

Старк подошел к Зерит. Девушка хрипло дышала. Он осторожно поднял ее на руки, как вдруг понял, что она умерла.

Через некоторое время к нему подошел Треон.

— Она была рождена для такого конца, — тихо сказал он, — Зерит это знала и была счастлива. Даже сейчас она улыбается… Пойдем, я покажу, где можно ее положить. Она там будет в безопасности, а завтра ты похоронишь ее.

Старк побрел за ним.

Треон подошел к пьедесталу статуи, нажал в определенном порядке несколько скрытых рычажков, и одна из черных плит бесшумно отошла. Старк увидел каменные ступени, уходящие вниз.

Глава X

Они спустились в подземелье, которое освещалось лишь тусклым светом тумана от движения их тел.

— Катакомбы — с гордостью сказал Треон. — Лабиринт показан на карте. Ее нашел мой отец.

Рассказывая Старку историю лабиринта, которую тот уже слышал от Варры, Треон уверенно шел мимо темных боковых коридоров.

— Здесь вся история города. У его жителей просто не хватило духа уничтожить все эти бесценные знания. Оружия здесь нет — это был не воинственный народ, да и вообще мне кажется, что Лхари, использовали оружие только для защиты от хищных животных.

— Я думал, — глухо сказал Старк, — что лабиринт находится под разрушенным зданием.

— Мы тоже так думали — для этого древние и разрушили его, а мы, Лхари, уже шестнадцать лет убиваем мужчин и женщин, чтобы убрать обломки.

— Давно ты узнал?

— Недавно. Я очень долго искал секрет катакомб, пока остальные спали.

— И ты ни с кем не поделился этой тайной?

— Да нет же! Ты думаешь, что если я расскажу, то это положит конец рабству и смерти. А дальше? — Глаза Треона сверкнули. — Лхари поставят на колени весь мир. По-моему смерть немногих гораздо лучший выход.

Свернув в сторону, они прошли между приоткрытыми створками золотой двери и оказались в огромном зале.

Голос Треона торжественно прозвучал в этом мрачном склепе, освещенном мерцающими сполохами.

— Это место захоронения королей. Оставь малышку здесь.

Старк увидел саркофаги из черного мрамора, которые стояли ровными рядами и эти ряды были так длинны, что им, казалось, не было конца. В саркофагах лежали старые короли с мудрыми неземными лицами, отмеченными печатью покоя. Тела их были покрыты шелковыми покрывалами, руки сложены на груди.

Старк, осторожно опустив Зерит на мраморное ложе, накрыл ее тело шелком и закрыл ей глаза. Потом они вышли.

— Треон!

— Да?

— Ты произнес пророчество, когда я пришел в

замок. Я исполню его.

Треон кивнул.

— Таков путь пророчеств.

Они направились вглубь катакомб, и Старку вдруг показалось, что какая-то неукротимая сила несет его вперед, сметая все на своем пути. Он содрогнулся, увидев в уродливой фигуре Треона тень судьбы.

Они долго блуждали по мрачным катакомбам, пока Треон не остановился перед закрытой на массивный засов дверью. Там, в красном сумраке, сидела ужасная, невероятно уродливая фигура. Она была так страшно искажена, что по сравнению с ней тело Треона казалось почти прекрасным. Ее глубоко ввалившиеся глаза хранили мудрость, одна из семипалых рук казалась гладкой и нежной.

Старк отшатнулся — фигура вызывала в нем животный ужас. Он рванулся бежать, но Треон удержал его.

— Подойди ближе. Он мертв, но у него для нас есть сообщение.

Землянин осторожно приблизился, как вдруг фигура заговорила.

— Посмотри на меня. Посмотри и подумай прежде, чем захватить ту силу, что находится

за дверью!

Вскрикнув, Старк отскочил. Треон улыбнулся.

— Со мной было то же самое. Он говорит не голосом, а где-то внутри мозга и только в том случае, если кто-то приближается к нему.

Старк лихорадочно соображал… Похоже, что мысль-сообщение включалась электронным лучом. Древние хорошо позаботились о том, чтобы их предупреждение было услышано любым существом, решившим загадку катакомб. Мысль-образ, переданная непосредственно в мозг, не знает границ, времени и языка.

Он шагнул вперед и снова услышал металлический голос:

— Наша раса вмешалась в тайны богов, но мы не желали зла. Мы просто мечтали сделать всех живых существ такими же прекрасными, как наши дома и сады, еще не зная, что нарушаем Закон.

Я был одним из тех, кто нашел способ изменять живые клетки. Мы использовали невидимую силу, пришедшую из страны Богов, и сумели так овладеть ею, что могли лепить живую плоть, как гончар глину. Мы лечили больных и увечных, восстанавливали рост и выпрямляли тех, кто вышел из яйца согнутым, самонадеянно считая

себя братьями богов. Даже я сам, даже я, познал радость совершенства. Затем пришла расплата.

Клетка, которую изменили однажды, уже никогда не останется прежней…

Мутации, накапливались медленно. Сначала мы не замечали их, а когда обнаружили, то было уже слишком поздно. Наш город стал городом чудовищ. Сила, которую мы использовали, принесла нам только горе — чем больше мы старались привести чудовищную плоть к ее нормальному виду, тем больше, стимулировали клетки, пока тела, над которыми мы работали, не стали похожими на мокрую глину, расползающуюся прямо на глазах.

Горожане, один за другим, кончали жизнь самоубийством, но те, кто остался, осознали кару богов и выпустили Красное Море, чтобы оно навеки скрыло наш позор от тех, кто придет за нами.

Однако, мы не можем уничтожить знания. У нас еще есть надежда, что другие боги и другие расы, возможно, более мудрые, чем мы, сумеют отбросить зло, сохранив совершенство — великое благо для всех созданий.

Но ты, кто бы ты ни был, запомни мое предупреждение — если твои боги ревнивы, если твой народ не имеет такой мудрости, чтобы подчи-

нить себе эту силу — не касайся ее!

Голос стих.

Старк долго еще смотрел на изувеченную фигуру, потом резко повернулся к Треону.

— Неужели твоя семья не послушалась бы этого предупреждения?

Треон засмеялся.

— Они глупы. Они скажут, что это угроза для отпугивания дураков, что человеческая плоть не подчиняется тем законам, которые управляют плотью рептилий или еще что-нибудь в этом роде.

Старк мрачно взглянул на черную дверь.

— Мы должны уничтожить эту силу.

— Да, — тихо сказал Треон.

Глаза его сияли. Он шагнул вперед. Старк хотел было идти за ним, но Треон отодвинул землянина.

— Нет. Ты в этом не участвуешь. Ветры приказали мне ждать, пока плод не созреет, чтобы упасть с дерева смерти. Я ждал, и сегодня на рассвете ветер шепнул мне: «Настало время». — В глазах Треона светился чистый разум. — Ты слышал: «Мы восстанавливали рост и выпрямляли тех, кто вышел из яйца согнутым». Настал мой час.

Старк смотрел, как удаляется скрюченная фигу-

ра Треона. Он прошел мимо чудовищного стража, остановился у черной двери.

Длинные руки отодвинули массивный засов. Дверь медленно открылась.

Старк увидел комнату, освещенную тревожным сиреневым светом. Там, на металлическом основании, стояло какое-то сверкающее сооружение из хрустальных дисков и стержней.

Треон вошел и закрыл за собой дверь.

Старк присел на корточки. Он попытался не думать о Треоне. Невидимая сила, пришедшая с неба — видимо космические лучи, которые при определенных условиях могут делать поразительные вещи с человеческой плотью. Эта мысль совсем не понравилась Старку, и он попытался вообще ни о чем не думать. В коридоре было темно и очень тихо, бесформенный ужас спокойно сидел у двери — он тоже ждал.

Через некоторое время Старк подумал, что Треон уже умер, но так и не двинулся с места.

Он ждал.

Внезапно раздался звук битого хрусталя. Старк вскочил.

Дверь медленно открылась.

В темном проеме появилась высокая фигура — крепко сложенный мужчина, прекрасный,

как ангел.

Засов с лязгом задвинулся, и в наступившей тишине глухо прозвучал голос Треона:

— Остались пленки и много аппаратуры. Секрет утерян не полностью.

Он подошел к Старку.

— Я предлагаю тебе свою помощь. Не бойся: я умру задолго до того, как мое тело начнет изменяться, — гигант улыбнулся знакомой улыбкой, полной жалости ко всему живому. — Так мне сказал ветер.

Старк молча кивнул.

— Хорошо, — сказал Треон. — Теперь веди меня, иноземец с неистовыми глазами. Сегодня твой день, а я, всю жизнь ползавший, как улитка, мало что знаю о битвах.

Старк потрогал свой ошейник.

— Ты можешь избавить меня от этого?

Треон кивнул.

— В одной из комнат есть инструменты и кислота.

Он быстро нашел их и принялся за работу. Землянин улыбался, но в его улыбке не было жалости. После того, как Треон наконец-то снял ошейник, они вернулись в храм. Площадь была пустынна.

Старк отыскал оружие Эджила.

— Нам надо спешить, — резко сказал он. — Пошли.

Глава XI

Остров был окутан туманом. Они долго шли по пустынному берегу, пока не увидели свет факелов, пробивавшийся сквозь узкие окна энергетической станции. Около ее двери расхаживал часовой, на боку которого тускло поблескивал парализатор.

— Внутри еще пятеро, но у них только мечи, — прошептал Треон и не спеша направился к станции.

Старк подполз поближе и спрятался за высокий валун. Теперь часовой находился от него не более, чем в трех футах; он с надеждой глядел на небо, ожидая первых признаков рассвета.

В тишине прозвучал надменный голос Треона:

— Эй, стража!

Часовой резко обернулся. Вдоль каменной стены бежал второй стражник, шлепая сандалиями по мягкой земле.

— Кто это? — испуганно спросил часовой, вглядываясь в темноту. — Лорд Треон?

— Ты что, уже не узнаешь своего господина?

Воин мог смутно видеть только лицо Треона, тело его скрывал густой кустарник.

— Дело необычайной важности, — отрывисто бросил Треон. — Мне нужно срочно попасть на станцию!

Один из стражников кинулся выполнять приказ и замолотил в обитую потемневшим железом дверь, а другой замер, вытаращив глаза.

Заскрипев, дверь энергостанции открылась, и красный туман прорезал поток желтого света факелов. В проеме появилась массивная фигура.

— В чем дело? — хмуро спросил стражник.

— Выходите! — задыхаясь, крикнул Треон. — Мой кузен, лорд Эджил, умер, убит рабом!

Стражники выскочили наружу. Их лица были испуганы, как будто они боялись, что им придется отвечать за случившееся.

— Его зарезал высокий черноволосый землянин, — громко сказал Треон. — Он убил Лорда Эджила и бежал в лес. Нам нужны люди, чтобы быстрее поймать его. Вполне возможно, что у него есть сообщники.

Он ткнул пальцем в четырех самых крепких охранников.

— Вы отправляйтесь в город, а я останусь с остальными.

Это почти сработало. Стражники уныло побрели к берегу, как вдруг один из них быстро, вернулся и с дрожью в голосе сказал:

— Милорд, но нам запрещено оставлять свой пост по любым причинам. Лорд Конд убьет нас, если мы уйдем.

— Так вы боитесь Лорда Конда больше, чем меня? — с угрозой спросил Треон. — Ну, хорошо же!

Он шагнул в круг света.

Раздался приглушенный вздох.

Черные дула парализаторов уставились на Треона. Аккуратно прицелившись, Старк выстрелил, и часовые, захрипев, повалились в грязь.

Два стражника кинулись к землянину, а третий повернулся к Треону и выхватил меч.

Увидев, что безоружный Треон в опасности, Старк выстрелил в просвет между бегущими стражниками, и напавший на Лорда воин, выронив меч, рухнул. Страшный удар обрушился на голову землянина. Парализатор выпал из его рук и откатился куда-то.

В этот момент Треон включился в драку. Используя чудовищную силу своего нового тела, он схватил одного из стражников за шею и далеко отшвырнул его. Второго в короткой схватке прикончил Старк. Потом, подняв голову, он увидел,

что Треон, скорчившись, сидит на земле, а дверь энергостанции закрыта.

Бросившись вперед, землянин ударил по ней ногой. Послышался грохот, как будто упало что-то тяжелое, вслед за тем — крик боли. Дверь распахнулась. Старк ворвался внутрь. Охранник пытался подтащить к двери массивные ящики и не успел даже вытащить меч, как Старк, не останавливаясь, ударил его, сбил с ног и прикончил.

Потом он поднялся и обвел взглядом небольшое помещение энергостанции.

Механизм был предельно прост. Он представлял собой черный металлический ящик, напоминающий гроб, окруженный решетками, линзами и циферблатами. Помещение наполняло тихое жужжание.

Старк повернул то, что выглядело как главный выключатель; жужжание смолкло, мерцающий свет погас. Тогда, взяв меч стражника, он тщательно переломал все, что только сумел.

Треон ждал его у двери.

— Похоже, одной силы недостаточно, — с грустной улыбкой заявил он. — Нужна еще и ловкость.

— Барьеры сняты, — хрипло сказал Старк. — Путь свободен, но нам нужно поторопиться, один

из стражников сбежал.

Они направились к берегу. На этот раз оба несли мечи и парализаторы убитых охранников.

— А как насчет жителей Шараана? Они станут сражаться? — спросил Старк, когда они уже вышли на берег моря.

— Люди Мельфора будут стоять за Лхари, а остальные выжидать, на чьей стороне окажется перевес. Они поднялись бы против Лхари, так как Лорды не принесли им ничего, кроме страха, но все равно будут выжидать…

Они плыли над молчаливым городом, и Старк думал об Эджиле и Мельфоре, которые стали теперь частью этой тишины, и Зерит, спящей в зале королей.

Наконец, внизу показался барак рабов. Треон остался снаружи, а Старк открыв дверь, вошёл. Рабы спали. Их сонное бормотание и мучительные стоны смешивались с тревожным шепотом волн.

Землянин ударил в медный гонг, висящий у входа. Со страхом разглядывая его, рабы медленно поднимались со своих подстилок и собирались у входа. Послышался радостный голос Хильви. Узнав землянина, увидев, что он без ошейника и вооружен, рабы подняли страшный шум. Старк

поднял руку, призывая их к тишине. Когда гомон стих, он коротко рассказал, что случилось.

— Теперь вы свободны! Выбирайте: жить рабами или умереть людьми… Кто пойдет со мной на Шараан?

В ответ он услышал бешеный рев и, хрипло рассмеявшись, вручил парализатор Хильви, а мечи раздал самым крепким рабам. Хильви с надеждой смотрел на землянина; в его глазах плясали дьявольские огоньки.

Раздался голос Треона:

— Идут!

Старк расставил рабов по местам и выскочил наружу. Они с Треоном спрятались в аллее.

К бараку приближались двадцать стражников. Это был караул, каждое «утро» выгонявший их на работу — таскать бесполезные камни.

Когда часть отряда уже была в бараке, Старк подал короткую команду. Бесшумно заработали парализаторы, и восемь оставшихся снаружи стражников упали, как подкошенные. Из барака еще некоторое время доносился шум борьбы и жуткие крики, но вскоре и там все стихло.

* * *

Бледный свет зари занимался над Шарааном,

когда рабы вышли из моря и направились по широкой набережной к замку Лхари. Ненадолго покинув отряд, Старк скользнул в тень скалы и, достав из-под валуна свой пистолет, посмотрел на раскинувшийся перед ним город. С моря поднимался кровавый туман, улицы были пустынны. Землянин долго разглядывал мрачную громаду замка, возвышающуюся над низкими строениями, затем вернулся к отряду, отдал свой парализатор жителю болот и, сказав несколько слов Хильви, направился вместе с Треоном назад, к морю.

Они медленно плыли вдоль скального основания острова, когда Треон коснулся руки Старка и указал на небольшое круглое отверстие.

— Туннель сделан очень давно и служит для того, чтобы Лхари могли незаметно покидать замок. Передвигаться по нему нужно как можно тише. Малейший шум — и мы окажемся в руках стражников.

Они долго плыли в кромешной темноте, пока не оказались в небольшой пещере, пол которой был выложен мраморными плитами.

Треон подошел к гладкой стене из полированного камня и нажал на нее плечом. Громадный блок медленно повернулся.

В помещении никого не было, и они быстро вошли. В этот момент открылась высокая дверь, и в комнату вошел слуга в яркой шелковой одежде. Он, очевидно, хотел заменить угасающий факел на новый, но увидев их, застыл и выронил факел, беззвучно раскрывая рот. Старк вспомнил, что рабам в замке отрезали языки, чтобы они не болтали лишнего. Треон попробовал ласково заговорить со слугой, но тот повернулся и бросился бежать по длинному, тускло освещенному коридору. Хорошо понимая, что он не должен уйти, Старк без труда догнал его и ударил, рукояткой пистолета по голове. Слуга упал и затих.

Больше никого не встретив, они прошли через несколько пустых темных комнат, пока Треон не остановился у маленькой двери из полированного золота. Он дико взглянул на землянина и открыл дверь.

Глава XII

Они оказались в громадном зале, в котором землянин впервые увидел Лхари. Все Лорды Шараана были на месте.

Конд сидел рядом с Эйрил, испуганно разглядывающей свои руки, Бор колотил маленького дракона и смеялся над его бессилием, Варра

играла с соколом, пробуя пальцем остроту его клюва, старуха лежала с куском жирного мяса в бесформенных руках.

Треон медленно подошел к свету.

— Узнаете меня? — громко спросил он.

Глаза старухи жадно заблестели:

— Да, ты Треон, — ее громадное тело всколыхнулось.

От черных стен отразился шепот:

— Треон! Треон! Треон!

Конд подбежал и коснулся дрожащими руками нового тела кузена.

— Ты нашел секрет!

— Да, — Треон засмеялся. — Да, я нашел его, но он исчез. Теперь вам вовеки не воспользоваться этим страшным оружием. Эджил умер, дни Лхари сочтены.

Старуха прошептала:

— Ты лжешь!

Треон повернулся к Старку.

— Спроси его. Спроси иноземца с неистовыми глазами, лгу ли я.

Бор испуганно закричал. Он вопил, со страхом разглядывая смуглого землянина и вдруг бросился из зала, на бегу созывая стражу.

Снаружи донеслись звуки битвы. Вытаскивая

из-за пояса пистолет, Старк неспеша направился к Лхари. Треон не нуждался в помощи: он держал Конда за горло и улыбался.

Старк не стал ему мешать.

Перепуганная насмерть старуха, задыхаясь, пыталась отдавать какие-то приказы, но ее никто не слушал. Эйрил истерически захохотала. Она все еще смеялась, когда Варра подошла к землянину и тихо сказала:

— Ты дурак, дикий человек. Ты не хотел взять то, что я тебе предлагала, а теперь не получишь ничего, кроме смерти.

Сдернув колпачок с головы птицы, она бросила сокола прямо в лицо Старка и, выхватив тускло блеснувший кинжал, с нечленораздельным криком вонзила его в бок Треона.

Треон покачнулся, руки его разжались, и Конд, полузадушенный, разъяренный, с пузырящейся на губах пеной, рухнул на пол. Рука его потянулась к рукояти меча.

Сокол бил Старка крыльями, когти его целились в глаза землянина, однако тот сумел свободной рукой схватить птицу и прежде, чем ее задушить, выстрелил в Конда.

В этот момент в зал ворвались стражники.

Снаружи слышался адский рев. Там дрались,

убивали, умирали, кричали от радости и боли. Грохот выстрелов пистолета землянина напоминал раскаты грома. Стражники, вооруженные только мечами, падали, как скошенные колосья, но их было много, слишком много, чтобы Старк и Треон могли их долго сдерживать.

Старуха визжала на одной высокой ноте.

Из темноты появился Хильви с кучкой рабов.

Выпустив последний заряд, Старк отбросил бесполезный теперь пистолет, схватил меч Конда и ринулся к двери, прорубая себе дорогу.

Внезапно вскрикнул Треон. Одолев стражника, Старк резко обернулся и увидел Варру, бегущую к нему с окровавленным кинжалом в руке. Треон выстрелил, и Варра покатилась по каменным плитам.

Старка замутило. Было, что-то ужасное в этом семейном побоище. Пусть в землянине было слишком много от дикаря, чтобы испытывать сентиментальные чувства, но не хотел бы он в этот момент взглянуть в глаза Треону.

Молча он прижался к спине Хильви, и они, как в старое доброе время, стали драться мечами, так как парализаторы были разряжены. Хильви, задыхаясь, прокричал:

— Хороший бой, брат! Мы не можем победить,

но у нас будет достойная смерть!

Казалось, что он был прав: рабы, истощенные долгим затворничеством и непосильной работой, были отброшены. Толпа вынесла Старка во двор, и битва продолжалась под открытым небом.

За распахнутыми настежь громадными воротами столпились горожане, невозмутимо наблюдавшие за этим кровавым побоищем. Треон был прав: они будут стоять, смотреть и ждать. Впереди, опираясь на палку, замер Ларраби, землянин.

Старк прорубился к стене. Дыхание с хрипом вырывалось из его груди. Взмахнув окровавленным мечом, он с яростью закричал:

— Чего вы ждете, трусливые бабы?! Лхари мертвы! Так неужели мы, земляне, должны делать за вас всю грязную работу?!

Старк с презрением посмотрел на Ларраби, однако землянин спокойно встретил его взгляд.

— Конечно, — негромко сказал он по-английски. — А почему бы и нет?

Вскинув голову, Ларраби пронзительно и жутко закричал и, подняв палку, как дубину, заковылял к воротам. Люди Шараана молча пошли за ним.

Вскоре все было кончено.

Тело Бора нашли в стойле, куда он спрятался,

когда начался бой. Его убили очумевшие от запаха крови драконы.

Хильви не пострадал. Ларраби тоже, так как старался не ввязываться в драку, после того, как люди Шараана набросились на стражу. Почти половина рабов погибла.

Чувствуя себя дико усталым, Старк вернулся в громадный зал. За ним оставались кровавые следы, руки до локтей были забрызганы кровью.

Треон смотрел на него и улыбался.

— Все так, как я и говорил! Я пережил всех!

Эйрил уже не смеялась, потому что была мертва. Старуха лежала на своей постели неподвижной горой плоти; в ее руке был зажат спелый плод, красный сок стекал по пальцам.

— Настал и мой черед, — тихо сказал Треон, — со мной уходят последние остатки нашей гнилой крови. Похорони мое тело поглубже, чужеземец с неистовыми глазами. Я не желаю знать дальнейшее.

Он хрипло вздохнул и упал.

Маленький дракон Бора выполз из-под ложа старухи и заковылял прочь, следом за ним по черным плитам пола волочился обрывок грязной веревки.

* * *

Старк стоял у борта, пытаясь разглядеть темную массу Шараана, исчезающую в красном тумане.

Палуба была заполнена рабами, возвращающимися домой. С Лхари покончено, Потерянные Души освобождены. Шараан теперь лишь порт Красного Моря, а его жители по-прежнему разбойники и пираты, но это естественно. Старк с грустью вспомнил о Ларраби с его мечтами о снеге и шумных улицах земли.

— Бедняга Ларраби, — сказал он Хильви, стоявшему рядом. — Он умрет в грязи.

Сзади кто-то хихикнул. Старк обернулся и увидел Ларраби.

— В последнюю минуту передумал, — громко сказал он. — Я был внизу, чтобы мой грязный выводок не увидел меня и не уговорил передумать еще раз. Ничего, они не пропадут. Я уже старик и имею право выбрать место, где умереть. Я еду с тобой на Землю.

— Я не еду на Землю.

Ларраби вздохнул.

— Нет. Так я и думал. В конце концов, ты не настоящий землянин. Куда ты отправишься теперь?

— Не знаю.

Ларраби угрюмо посмотрел на Старка.

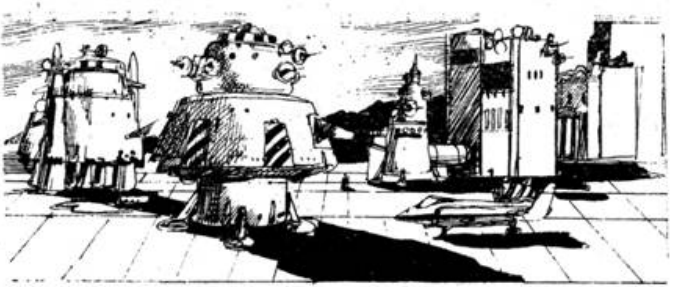
— Беспокойный тигр в образе человека, который что-то потерял и теперь ищет всю жизнь, но так и не находит… Так говорила о тебе Варра.

Издалека донесся слабый стонущий плач.

Старк тряхнул головой.

— Это только ветер, — резко сказал он. — Ветер в скалах.

Звук глухо разносился в тумане, усталый, бесконечно тоскливый и та часть Старка, которая оставалась Н'Чакой, знала, что это неправда. Это не ветер завывал так печально: это были голоса Потерянных Душ, оставшихся в море навсегда.



Ли Брэкетт
МЕЧИ МАРСА

Через полчаса после того, как «Старфлайт» произвел посадку в порту Кахора, Барк Винтерс вышел из пассажирской каюты. Джонни ждал его внизу, у трапа.

— До скорого, Барк, — сказал молодой офицер. — Ты заслужил эту отставку. Пользуйся ей, как следует.

Барк посмотрел на огромное посадочное поле. Проследив за его взглядом, Джонни мягко спросил:

— Это всегда производит впечатление, не так ли?

Винтерс не ответил. Он думал о находящемся

за много миль гласитовом куполе Кахора — торгового марсианского города.

Это был высокий сильный человек. Жесткое излучение уже давно окрасило его кожу в темный цвет и обесцветило волосы. Однако, нервы Винтерса были ни к черту, и во время путешествия он беспрерывно курил маленькие наркотические сигареты.

Голос Джонни вернул его к действительности.

— Барк, конечно, это не мое дело, но… Ты уверен, что тебе будет хорошо на Марсе?

Винтерс резко ответил:

— Заботься о «Старфлайте», Джонни. До свидания.

Он ушел, а Джонни все еще смотрел ему вслед, когда подошел помощник.

— Этот парень вот-вот сломается, — хмуро сказал он.

Джонни кивнул. Он чувствовал себя не в своей тарелке, так как вырос под командой Винтерса и обожал его.

— Идиот, не надо было ему возвращаться. — Джонни хмуро посмотрел на удаляющуюся фигуру. — Где-то здесь исчезла его возлюбленная, тело ее так и не нашли…

Такси увезло Барка от космопорта в Кахор.

Разглядывая из небольшого иллюминатора его шумные улицы, Винтерс размышлял о том, что все эти торговые города одинаковы. Каждый из них — маленький рай, посвященный культу Наживы, где с легким сердцем проматывают целые состояния, и где чудеснее дома из пластика, связанные лениво ползущими тротуарами, предлагают удовольствия и пороки всех известных миров.

Винтерс презирал коммерческие города. Он привык к аскетизму космоса, и его возбуждение росло с каждой минутой.

Расплачиваясь за проезд, он уронил пластиковый жетон — и, оставив шофера его подбирать, выскочил на улицу. Над, дверью, возле которой он оказался, зеленоватым серебром было выведено всего лишь одно слово: «ШАНГА».

Странная, даже страшная улыбка появилась на лице Винтерса. Он толкнул дверь и вошел.

Рассеянный свет, удобные диваны, тихая музыка. Отличная приемная. Здесь было пять или шесть мужчин и женщин в туниках Торговых Городов, украшенных великолепными драгоценностями. Около высокой двери, за массивным столом, сидела женщина-марсианка.

— Капитан Винтерс, — сухо сказала она. — Я

рада вновь видеть вас.

— Я хотел бы встретиться с Кор Халом. Немедленно.

— Боюсь, что… — хотела было возразить марсианка, но, взглянув на Винтерса, повернулась к интеркому и, после короткого разговора, пригласила его пройти.

Барк быстро вошел в соседнее помещение и оказался в огромном саду, в гласитовых стенах которого было множество маленьких комнат с крохотными столиками. Вокруг землянина простирался экзотический лес: деревья, папоротники, яркие цветы, прекрасный мягкий газон. И среди всего этого великолепия резвились фанатики Шанга, под действием лечебной радиации, наследия древней цивилизации Марса.

Барк шел по широкой аллее, хмуро наблюдая, как пациенты Кор Хала, играя, шутливо боролись среди деревьев, и было похоже, что все их заботы ограничивались пищей, любовью и разноцветными жемчужинами. Кое-где виднелись сторожа с парализующими пистолетами; случалось, что некоторые пациенты заходили по дороге назад слишком далеко.

Собственно говоря, это был элегантный порок, одетый наукой в видимость респектабельности,

возбуждение особого рода, новый способ ухода от действительности. Земляне от него были просто без ума, но только они, так как венерианские варвары были сами еще близки к состоянию дикости, чтобы нуждаться в Шанга, а марсиане принадлежали к слишком древней и мудрой расе.

Кор Хал был тонким и смуглым, неопределенного возраста марсианином, и вся его вежливость являлась всего лишь бархатным футляром, ножнами, скрывающими ледяную сталь.

— Капитан Винтерс, — вежливо сказал он. — Садитесь, пожалуйста.

— Вы нервничаете, капитан Винтерс, — продолжил марсианин; — Когда Барк торопливо присел на край широкого кресла. — Однако, вас лечить я опасаюсь. Атавизм у людей лежит слишком близко к поверхности. Вы помните, что случилось в прошлый раз?

Винтерс кивнул и наклонился к Кор Халу.

— То же самое повторилось в Нью-Йорке. Сар Кари сказал, что доза, которую я получил, оказалась недостаточной, и посоветовал мне вернуться на Марс.

— Он поставил меня в известность, — спокойно сказал Кор Хал.

— Значит вы…

Зеленые глаза марсианина таили жестокую усмешку кота, который держит под лапкой парализованную страхом мышь.

— Люди различны, капитан Винтерс. Эти марионетки, — Кор Хал указал на солярий, — не имеют ни сердца, ни крови. Но такие люди как вы, любят играть с огнем.

— Послушайте, — несколько торопливо начал землянин. — Девушка, на которой я собирался жениться, однажды отправилась в пустыню на своем летательном аппарате и не вернулась. Я нашел разбившийся аппарат, но ее там не было. Теперь я хочу забыть все.

Кор Хал наклонил узкую темную голову.

— Я помню эту трагедию, капитан Винтерс, и знал мисс Леланд — очаровательную молодую женщину. Кстати, она часто бывала здесь.

— Знаю, — ответил Винтерс, и его глаза блеснули каким-то диким светом. — Я хочу вернуться назад, Кор Хал. Так далеко, как только может увести меня Шанга.

— Иногда, — мрачно заметил марсианин, — дорога оказывается слишком длинной.

— На это мне плевать.

Кор Хал пристально посмотрел на землянина.

— Те, кто заходит слишком далеко — обратно

уже не возвращаются.

— Меня это не волнует.

— Это нелегко, Винтерс. Шанга — настоящая Шанга, бледной копией которой являются эти сады, уже много веков запрещена городами-государствами Марса. Риск слишком велик и это стоит слишком дорого.

— У меня есть деньги. — Винтерс внезапно вскочил. — Подите вы к черту, со своим лицемерием. Я плачу и хочу получить то, что мне нужно.

Он положил на стол чековую книжку, расписался на верхнем листе и протянул ее марсианину.

— Я предпочел бы наличными, — сказал Кор Хал.

— Когда?

— Сегодня вечером, если вам так будет угодно. Где вы остановились?

— В «Трех Планетах».

— Как обычно поужинаете там, затем спуститесь в бар. К вам подойдет проводник.

— Буду ждать, — уже уходя, бросил Винтерс.

Кор Хал злобно усмехнулся…

Когда взошел Фобос, Барк наконец-то понял, куда они направляются.

До этого они незаметно покинули Кахор — он и молодой марсианин, который подошел к нему в

баре «Три Планеты». На частной стоянке их ждал летательный аппарат, где уже находились Кор Хал и еще один марсианин-варвар. Сейчас же, через несколько часов утомительного полета, землянин был почти уверен, что они летят к Валкису, одному из самых древних городов Марса.

Под ними проплывала унылая пустыня, внутри аппарата царило тягостное молчание, и наконец, Винтерс не выдержал:

— Далеко еще?

Ответа не последовало.

— Зачем же скрывать? В конце концов, сейчас я один из вас.

— Разве животные ночуют вместе с хозяевами? — холодно спросил варвар и положил руку на кинжал, который торчал у него за поясом. Кор Хал сказал ледяным тоном:

— Вы хотели практиковать Шанга в ее настоящем виде, капитан Винтерс, и заплатили за это. Вы ее получите.

Землянин пожал плечами.

Через некоторое время они миновали горный хребет и летели теперь над дном высохшего моря. Внизу, в серебристом свете Фобоса, поблескивали меловые и коралловые прожилки, пробиваясь сквозь лишайник, как кости мертвецов сквозь

высохшую кожу, затем показался древний город, раскинувшийся на пологих холмах.

Аппарат, наклонившись, описал над городом круг и плавно опустился. Кор Хал повернулся к Винтерсу.

— Идти недалеко. Держитесь около меня.

Снаружи дул сухой порывистый ветер, поднимая из-под ног облака пыли. Неподалеку возвышались разрушенные башни дворца. Марсиане окружили Винтерса, и их маленький отряд двинулся вдоль канала. Даже в этот поздний час город не спал. Откуда-то доносилась странная музыка, желтый свет факелов разрывал черноту ночи, а из темных переулков за ними мрачно следили горожане, провожая отряд угрожающими взглядами. Но, несмотря на это, они без особых хлопот достигли какого-то приземистого строения, и Кор Хал захлопнул за ними окованную бронзой дверь. Барк облегченно вздохнул.

— Скоро? — спросил он, пытаясь унять дрожь в руках.

— Все готово. Холк, проводи его.

Землянин послушно пошел вслед за варваром.

Внутри дом совершенно не походил на зал Шанга в Кахоре. Ноги Барка по щиколотку утопали в пушистом ковре, и он с восхищением разгля-

дывал расставленную вдоль стен прекрасную мебель древней цивилизации Марса. В дальнем конце коридора виднелась бронзовая дверь с узким отверстием, забранным решеткой.

Перед ней Холк остановился.

— Раздевайтесь.

Винтерс заколебался. У него был револьвер, и он совсем не хотел с ним расставаться.

— А почему здесь?

— Раздевайтесь, — терпеливо повторил Холк. — Таковы правила.

Оставшись обнаженным, Барк вошел в узкую камеру, на каменном полу которой валялось несколько шкур. На противоположной стене виднелся темный проем, закрытый массивной решеткой.

Бронзовая дверь закрылась, в наступившей тишине резко лязгнул засов.

Винтерс лег на шкуры, и над его головой вдруг вспыхнула большая, вырезанная из цельного кристалла огненного цвета, призма.

Из-за двери послышался голос Кор Хала:

— Землянин!

— Да?

— Эта призма — одна из драгоценностей Шанга. Ее вырезали мудрецы Кара Лху полмиллиона

лет тому назад. Таких драгоценностей на Марсе осталось только три.

Винтерсу стало страшно. Искры, которые были более энергией, чем светом, потрескивали на стенах камеры. Танцующий огонь плясал по его телу, проникая в мозг.

Голос Кор Хала едва доносился из бесконечно далекой пустоты:

— Мудрецы Кара Лху были не так уж и мудры. Они нашли секрет Шанга и вернулись назад по спирали эволюции, спасаясь от войн и скуки. Знаешь, что с ними случилось, землянин? Они погибли. В одно поколение Кара Лху исчезли с поверхности Марса.

Становилось трудно дышать, трудно думать.

— Разве это важно? — прохрипел Винтерс. — Пока они жили, они были счастливы.

— А ты счастлив, землянин?

— Да, — задыхаясь ответил он. — Да!!!

Барк застонал, охваченный таким извращенным ощущением, о котором даже и не мечтал; огонь Шанга горел в нем словно Колдовское солнце.

Смех Кор Хала был похож на отрывистый лай.

Сознание землянина помутилось, туманные образы затопили его мозг и сквозь багровую пе-

лену, застилающую глаза, он смутно разглядел, как один из камней отошел в сторону, открывая кварцевый экран, на котором появилось узкое лицо высокородной марсианки. Глаза ее были золотистыми, как огонь, жгучими и презрительными, алые губы искушали, линия обнаженных плеч сводила с ума.

— Ты силен, — прошептала марсианка. Ты будешь жить до конца. И это хорошо, Барк Винтерс.

Он попытался что-то ответить, но тщетно.

Марсианка улыбнулась.

— Ты бросил мне вызов, землянин. Мне и Шанга. Ты храбр, а я люблю храбрых мужчин. И ты безумен — я люблю безумных, игра с ними так возбуждает.

Темнота поглотила его, а он все падал и падал в бездонную пропасть, наполненную ее презрительным смехом…

* * *

Очнувшись, он понял, что лежит на жестких и холодных камнях. Было темно, как в могиле. Он сообразил, что находится в закрытом помещении, и это ему совсем не понравилось.

Из его горла вырвалось приглушенное ры-

чание. Волосы на затылке ощетинились, и он попытался вспомнить, как же попал сюда, но вспомнил только, что случилось что-то, связанное с огнем, что его зовут Барк и он что-то искал.

Поднявшись, он стал исследовать свою тюрьму и, почти сразу же обнаружив выход, осторожно ощупал его. Инстинкт подсказывал, что это ловушка, и Барк, присев на корточки, стал искать оружие. Бесполезно. Тогда он бесшумно встал и вышел в проход.

Он долго пробирался в кромешной темноте, пока не увидел перед собой красный мигающий свет и не уловил запаха дыма и человека.

Медленно, очень медленно животное по имени Барк двинулось к свету. Он уже добрался до конца туннеля, когда, неожиданно, позади его со звоном упала решетка. Обратного пути не было.

Свет факелов ослепил его. Он стоял на огромной каменной плите; древней арене, на которой уже миллионы лет сражались и умирали рабы Валкиса, но даже и не подозревал об этом. Здесь было множество марсиан в ярких одеждах, со смехом наблюдавших за землянином, вкусившим запретный плод.

Создание, называвшееся Барком, еще оставалось человеком, но было уже близко к обезьяне.

За те часы, что он провел под светом Шанга, Барк сильно изменился. Его нижняя челюсть и надбровные дуги увеличились, густая шерсть покрывала грудь, руки и ноги, под кожей перекатывались огромные мускулы.

Сгорбившись, он оглядел толпу, не зная, кто были эти мужчины и женщины, но он ненавидел их. Его взгляд упал на человека, который быстро приближался к нему. И хотя Барк уже не помнил, что этого человека зовут Кор Хал, и даже не заметил, что тот сменил белую тунику Торговых Городов на юбку и пояс Лоя Кэнел — костюм настоящего бандита, но он точно знал: этот человек — враг.

— Капитан Барк Винтерс, — сказал Кор Хал, — человек Земли, жители которой проложили космические трассы, построили торговые города, и являются мастерами наживы и грабежа.

Он не кричал, но его голос громко разносился в прозрачном воздухе Марса.

— Смотрите на него, люди Валкиса! Это один из ваших хозяев. Его правительство повелевает городами-государствами Марса. У нас отняли нашу гордость, наши богатства. Что же осталось нам, детям умирающего мира?

Ответ, пришедший от стен Валкиса, был тих и не имел слов: это были первые аккорды гимна,

написанного в аду.

Кто-то кинул камень.

Барк мгновенно отскочил и бросился на Кор Хала. Тот спокойно ждал, а затем, наклонившись, резко повернулся и ударил Барка ногой. Носок марсианской туфли без задника попал Барку в подбородок и швырнул его на каменные плиты.

— Слушай, землянин, — вытаскивая из-за пояса бич, закричал Кор Хал. — Ты будешь ползать на брюхе, и лизать древние камни, которые лежали здесь еще до того, как обезьяны Земли научились ходить!

Длинный узкий ремень свистнул, оставив на волосатом теле Барка кровавый рубец. Толпа взвыла:

— Пусть идет! Гони его, гони животное Шанга, как это делали наши предки!

И они гнали его по древним улицам Валкиса, под светом сверкающей луны.

А он хотел убивать, сходя с ума от ярости. Кровь текла из его многочисленных ран, высокий скрипучий смех марсианок гулко отражался от каменных стен, а он хотел убивать, качаясь от боли и ран. Однако, если его большие руки сжимались на чьем-то теле, чтобы разорвать его, то его самого валили на землю и душили ремнями

до тех пор, пока не оставался лишь страх и желание убежать.

И они давали ему эту возможность, отрезая его от канала и высохшего моря, где он мог обрести свободу.

Барк уже шел. Он ворчал, голова его раскачивалась из стороны в сторону, горячая кровь стекала на камни, но, несмотря на это, марсиане все гнали и гнали его прочь.

Выше, еще выше. Мимо больших причалов, со столбами, еще сохранившими следы канатов, когда-то стоявших здесь кораблей. Мимо четырех портов, четырех эпох, отраженных в камне.

Наконец, он немного оторвался от преследователей, и теперь бежал среди домов, построенных в центральном углублении кораллового рифа, затем, увидев крутой скалистый склон с тремя впадинами, пробитыми морем, стал подниматься по нему, не зная и не желая знать, что это такое.

Оказавшись на плато, Барк пересек набережную и — затравлено оглянулся.

Его по-прежнему преследовали. Бока землянина кровоточили, в глазах было отчаяние, и он продолжил свой путь, поднимаясь по узким извилистым улочкам, среди домов, давно уже превратившихся в бесформенные кучи» и только

кровавый след отмечал его путь.

Взобравшись на высокий холм, он увидел громадный дворец, окружённый массивной каменной стеной. Инстинкт подсказывал, что это место опасно, но Барку было просто необходимо отдохнуть, смыть кровь и грязь, чтобы успокоить жгучую боль и хоть ненадолго забыть о своих врагах. Он, спотыкаясь, побежал вдоль высокой стены, отбрасывающей густую черную тень, пока не оказался перед решеткой, а когда ноздри его затрепетали от запаха воды, то он, уже ни о чем не думая, прополз под ней и оказался на мягком свежем газоне, в зарослях густых кустов с тяжелым сладким запахом белых огромных цветов, нежно светившихся в темноте.

Решетка тихо закрылась; но землянин даже не заметил этого. Он бежал на запах воды между деревьями самых причудливых форм и сверкающими статуями из мрамора и полудрагоценных камней, и усталость и жажда не давали ему остановиться.

Барк выскочил на открытое пространство, в центре которого находился бассейн, в виде резной чаши, врытой в землю.

Стояла жуткая тишина. В черных окнах дворца, возвышавшегося по другую сторону бассейна,

играли блики луны. Барк замер. Ничего. Тишина и темнота. Близость воды сводила землянина с ума. Он бросился к бассейну и, упав животом на его край и окунув лицо в ледяную воду, стал жадно пить.

Внезапно во дворце раздался жуткий вой. Барк, резко вскинув голову, встал на четвереньки. На этот вой ответил страшный крик рептилии.

Теперь, когда жажда уже больше не мучила его, он вдруг почувствовал сильный запах мускуса, который принес прохладный ночной ветер; Барк ощетинился, не зная, какое животное его издает, но уже ощущая ужас, так как ему показалось, что он почти узнает.

Он осторожно поднялся и медленно направился к деревьям. И вдруг увидел.

Она появилась из-за громадных цветущих растений и двигалась теперь по открытому пространству, освещенному призрачным светом Фобоса, и ее густые волосы и нежный пушок, покрывающий тело, были цвета луны.

Из какого-то темного уголка подсознания всплыло имя:

— Джил!

Девушка вздрогнула и, испугавшись, что она убежит, Барк снова крикнул:

— Джил!!!

Тогда, осторожно, шаг за шагом, девушка стала приближаться к нему, издавая звуки, похожие па вопрос, и он ответил:

— Барк.

Она замерла, повторяя это имя, потом, заплакав от волнения, подбежала к нему, а он засмеялся и протянул руки ей навстречу.

Сверкнул дротик и впился в землю между

ними.

Джил, предостерегающе вскрикнув, исчезла в чаще.

Между деревьями появились высокорослые стражи-кеши, одетые в сверкающую броню и вооруженные дротиками и сетью из толстых веревок. Острия дротиков засверкали в свете луны, заставляя Барка отступать до тех пор, пока сеть не опутала его ноги, а когда он уже беспомощно покатился по траве, то услышал жалобный стон Джил и, где-то совсем рядом, глумливый смех женщины.

Услышав этот смех, землянин пришел в такую ярость, что один из стражников быстро подбежал и ударил его рукояткой дротика по голове…

Он очнулся — он, капитан Барк Винтерс — в комнате, очень похожей на ту, которая была в древнем городе, с той лишь разницей, что стены здесь были из темно-зеленого камня, и не было призмы.

Его запястья сковывали наручники, такие же браслеты охватывали лодыжки, и цепи от них тянулись к широкому металлическому поясу — его единственной одежде.

В коридоре послышались гулкие шаги, бесшумно открылась массивная дверь, и в комнату

вошли офицер и четверо варваров в доспехах, украшенных драгоценными камнями. Они вывели землянина из комнаты и в полном молчании повели его через огромные залы дворца, более древние, чем то, что Барку доводилось видеть на Марсе до сих пор.

Стражники распахнули перед ним высокую, в два человеческих роста, золотую дверь, и Барк увидел тронный зал, освещенный багровым светом заходящего солнца. И все вокруг: колонны, мозаичный пол, прекрасное оружие, древние знамена, расшитые золотым шитьем — было окрашено этим кровавым светом, падающим из высоких амбразур.

В центре зала, на троне, вырезанном из цельного куска черного базальта, сидела древняя старуха в черном плаще. На ее голове короной лежали белоснежные волосы, заплетенные в косы и украшенные драгоценными камнями. Она оглядела землянина полуослепшими глазками и вдруг заговорила с ним звучным голосом, на столь древнем языке Марса, как и санскрит на Земле. Барк не понял ни единого слова.

У ног старухи, в тени, землянин увидел какую-то темную фигуру.

Как только он подошёл к трону, старуха вста-

ла и протянула к нему руку. Тотчас же один из стражников ударил Барка рукояткой дротика по спине, так, что тот рухнул перед базальтовыми ступенями трона. Послышался смех, тихие шаги, и на голову Барка опустилась маленькая нога в золотой сандалии. В тишине прозвучал голос, который он сразу же узнал:,

— Привет, капитан Винтерс! Я поздравляю вас с прибытием!

Нога исчезла с его затылка. Он встал и увидел, что старуха уже осела на свой трон и что-то негромко напевала.

Знакомый голос продолжил из темноты:

— Моя мать повторяет ритуал коронации. Она уже давно потеряла ощущение времени и реальности и ей нравится только играть роль королевы, хотя все знают, что истинная королева этого города — я, Файд.

— Но иной раз, — мрачно сказал Барк. — И вы выходите на свет.

— Да.

Тихий быстрый шорох и она предстала перед ним.

Да, он хорошо помнил это гордое и прекрасное лицо. И за всей этой красотой — небрежная ленивая сила, очарование — восхитительное и

смертоносное. Файд улыбнулась.

— Итак, вы наконец-то достигли своей, цели?

— Я хорошо заплатил Кор Халу за эту привилегию! — Землянин приподнял скованные руки. — Похоже, что вы правите не только городом, но и Шанга и не очень-то вежливы со своими гостями?

— Напротив, я отношусь к ним очень хорошо, вы это еще увидите, — ее золотистые глаза блеснули. — Ведь вы пришли сюда не ради Шанга, капитан Винтерс?

— Зачем, же, по-вашему, я здесь?

— Чтобы отыскать Джил Леланд.

— Джил Леланд умерла.

— Так она была мертвой, когда вы видели ее в саду и разговаривали с ней? — Файд засмеялась. — Не думаете ли вы, что мы настолько глупы? По отношению к вам, капитан Винтерс, мы были особенно внимательны, так как вы не из тех, кого привлекает Шанга. Вы слишком сильны, чтобы нуждаться в ней, и, конечно же, догадались, что ваша невеста здесь. Да, она зашла, в своем увлечении слишком далеко и уже не могла остановиться, умоляя, чтобы мы дали ей полную, настоящую Шанга. Она даже помогла нам организовать свою мнимую смерть, считая,

что не имеет права выйти за вас замуж и испортить вашу жизнь. Неужели это не вызывает у вас слез?

Барк рванулся к ней, но один из стражников резко ударил его. Землянин рухнул на каменные плиты.

— Что вами движет? — поднимаясь, хрипло спросил он. — Деньги? Ненависть?

— И то, и другое, землянин! И есть еще одна причина, более важная. Подойдите сюда. — Она сделала знак подойти к окну. — Смотрите: это тоже сделано на деньги Земли.

Винтерс увидел роскошный сад: широкие лужайки с бронзово-зелеными газонами, цветы, статуи, полуразрушенный амфитеатр, на арене которого тоже был сад: густой, дикий, обнесенный высокой стеной, некогда служившей защитой от диких животных.

В центре арены было озеро. Маленькое и, видимо, неглубокое, однако в нем плавали какие-то создания, похожие на рептилий, а среди деревьев кое-где виднелись странные, уродливые фигуры.

— Что же это за вещь, которая важнее денег и ненависти? — тихо спросил Барк.

— Марс, — спокойно ответила она. — Мир, который не смог даже честно умереть, так как

хищные птицы растащили его кости, а жадные крысы высосали кровь.

Файд резко повернулась и с угрозой взглянула на землянина.

— В надежде найти свою подругу, вы бросили вызов Шанга, также как ваш народ бросил вызов Марсу. Ради нее вы готовы были пройти через огонь Шанга, несмотря на тот страх, который он вам внушает, рискнуть своим «я», подвергая его изменениям, которые через некоторое время становятся необратимыми! И все это ради Джил Леланд. Вы все еще хотите, чтобы она вернулась?

— Да.

— Вы в этом уверены?

— Да.

— Прекрасно. — Файд указала куда-то за спину Барка. — Она здесь.

Землянин обернулся.

Девушка, с веревкой на шее, замерла между двумя стражниками — смущенная, испуганная: дикое создание, возникшее на заре мира. Стражники засмеялись, а Барк горестно подумал:

«Она не очень-то изменилась, всего лишь вернулась немного назад по пути эволюции. В ее глазах еще есть свет души, свет разума. Джил,

Джил, как ты могла это сделать?».

— Ее еще можно спасти, — прервала затянувшееся молчание Файд. — Однако, мне кажется, что вам пора уже побеспокоиться о своей душе, Винтерс.

Очаровательное создание направилось к ним — стражник, державший веревку, не стал мешать девушке. Она вдруг остановилась перед землянином, взглянула в его лицо, и ее большие темные глаза наполнились слезами. Девушка тихо застонала и, рухнув на колени, прижалась к ногам Барка.

Старуха закудахтала. Глаза Файд были словно глубокие золотые чаши.

Барк наклонился и, подняв Джил, нежно прижал ее к груди, затем глухо сказал Файд:

— Теперь вы видели все. Можем ли мы уйти?

— Отведите их в сад Шанга, — приказала Файд.

* * *

Они остановились у массивной решетки, закрывающий вход в темный туннель, где, в тусклом свете факелов, стояли два охранника, которые теперь с интересом разглядывали пленников. Их конвоиры обменялись с охраной парой слов, после чего сняли с Барка оковы и, открыв навесной

замок, швырнули пленников на влажные, покрытые мхом, каменные плиты туннеля. Решетка за ними закрылась. Туннель уходил круто вниз, и очень скоро они вышли на арену — в сад Шанга, освещенный призрачным светом Фобоса.

Теплый ветер был наполнен ароматом цветов и горьким мускусным запахом, откуда-то доносились глухие удары гонга. Землянин обернулся и увидел, что навстречу им движется какая-то кошмарная процессия, из темных невообразимых фигур, и их длинные черные тени тянутся за ними по блестящей траве. Барк содрогнулся и, подняв голову, увидел, что за огромной каменной стеной, на высоких креслах амфитеатра, освещенного мигающим светом факелов, сидело множество марсиан, которые напряженно наблюдали за ними.

Удары гонга стали быстрее. Их подхватил дьявольский хор голосов, смешанный с жуткими стонами и раскатистым рычанием. Где-то невдалеке раздался сильный плеск воды, и ветер принес гнилостный запах водорослей. Голос Джил присоединился к этой адской какофонии:

— Шанга! Шанга!

Джил потащила Барка между деревьями, а он, наконец-то сообразил, что этот сад был ни чем

иным, как зоопарком, где жители Марса воочию могли убедиться, какими дикими животными были их завоеватели. Землянин ощутил жгучий стыд и закричал, но Джил уже не слышала его и тащила все дальше и дальше.

— Шанга!!! Шанга!!!

К ним бросилось высокое мохнатое существо и, подхватив Барка, поволокло его за собой.

Толпа вокруг него росла. Здесь были бесформенные животные с вихляющей походкой; какие-то низкие мохнатые уродцы с деформированными черепами, маленькими красными глазками и улыбкой — злобной гримасой, обнажающей желтые зубы; особи, которые не были ни обезьяной, — ни человеком — все темные силы Земли были собраны здесь для развлечения марсиан.

Удары гонга слились в какую-то жуткую мелодию.

Толпа вынесла Барка на огромную поляну, и он увидел в центре ее небольшое озеро, черная вода которого бурлила от волн и водоворотов; существа, живущие в нем, торопились выйти и ответить на зов гонга. Землянин увидел Джил и бросился к ней.

Дойти до общего предка и дальше, дальше от млекопитающего, к жабрам и чешуе, до яйца,

снесенного в горячую грязь, до последней черты, до низшей ступени — слизистой, извивающейся, отталкивающей!

Джил задыхалась.

— Шанга! Шанга! — надрывно кричала она, подняв глаза к небу.

Барк схватил ее и попытался вытащить из толпы, когда первый нежный и смертоносный луч коснулся его кожи. Тело его затрепетало и он, подняв глаза к разгорающемуся свету Шанга, увидел широкий балкон, откуда короли Валкиса обычно наблюдали за боями гладиаторов. Сейчас там были его старые знакомые: Файд, которая, облокотившись на перила, с презрением наблюдала за ним, Кор Хал и старуха, закутанная в черное.

Огонь Шанга все разгорался. На поляне наступила тишина; жаркие блики танцевали на лицах, обращенных к небу, блестели в широко открытых глазах.

До Барка донеслись смех и ядовитые шутки марсиан, собравшихся посмотреть на бесчестие его мира. Со страшным усилием, Барк отвел взгляд от смертоносного огня и посмотрел вниз. Кошмарные создания вокруг него катались по траве, извиваясь в экстазе Шанга. Джил встала на четвереньки, а Барк почувствовал, как радиация

проникает в его мозг — волшебная, прекрасная, ликующая…

Он схватил Джил и потащил ее за круг света. Она не хотела идти, рычала, царапалась, пиналась, тогда он резко ударил ее по голове, и девушка затихла.

Белое пламя Шанга вдруг погасло и, в наступившей тишине, землянин ясно услышал звонкий голос Файд:

— Ты все равно вернешься к Шанга, землянин. Рано или поздно, но вернешься.

Барк не ответил. Он, обессиленный, лежал в густой траве и думал, что Файд, как и весь Марс, бросили вызов Земле, и дело уже не только в том, чтобы спасти свою любимую.

* * *

Когда он проснулся, была уже глубокая ночь. Джил принесла ему еду и воду в чашеобразном листе, и Барк попытался было заговорить с ней, однако пропасть между ними была уже слишком велика. Девушка выглядела покорной и задумчивой, но попытка бежать вместе с ней пока казалась бессмысленной. Барк встал и, оставив Джил в одиночестве, отправился осматривать арену. В лесу стояла тишина, животные Шанга,

по-видимому, спали.

Барк осторожно приблизился к каменной стене — она была высокой и очень гладкой, а все туннели, ведущие в замок, кроме того, через который он попал на арену, тщательно замурованы. Землянин проник в туннель и осторожно приблизился к решетке. Там горели факелы, и о чем-то громко спорили часовые. Немного понаблюдав за ними, он вернулся на большую поляну и стал бродить между деревьями, лихорадочно соображая, как бы ему вырваться из этого гиблого места. Как, вдруг, его внимание привлекли высокие шесты, на которых были прикреплены призмы Шанга. Барк подбежал к одному из них: тонкий металлический шест, поднимающийся чуть выше стены. Слишком высоко, чтобы залезть, но для человека с веревкой… Через некоторое время он вернулся с длинной веревкой из связанных вместе лиан, на конце которой была привязана палка.

С третьей попытки палка перелетела через стену. Перебирая руками и, моля бога, чтобы лианы выдержали, Барк стал взбираться на стену, иногда опираясь на шест и отдыхая. Затем, ухватившись за шест, землянин сбросил лианы, которые могли его выдать, и уже через несколько минут стоял на ступенях амфитеатра. Перед ним

возвышался громадный темный дворец.

Стараясь избегать стражников, Барк осторожно, как тень, пробирался среди журчащих фонтанов и сверкающих в свете заходящей луны статуй. Свет виднелся только в двух окнах: на первом этаже, по-видимому, находился зал для охраны, и на третьем. Там, как предположил землянин, вероятнее всего были апартаменты Файд.

Вскарабкавшись по холму, засаженному огромными, матово светящимися цветами, Барк, недолго думая, открыл одно из окон нижнего этажа и проник во дворец, надеясь, что это полуразрушенное здание навряд ли охраняется.

Он долго шел по пустынным залам дворца, осторожно ступая по пыльному мозаичному полу, пока, наконец-то, не увидел тусклый свет, падающий из приоткрытой двери. Охраны около ее не было.

Барк бесшумно открыл дверь и увидел служанку, безмятежно спящую на низком ложе. Она даже не пошевелилась, когда землянин прокрался мимо нее в следующую комнату.

Файд спала на огромной резной кровати королей Валкиса, и блики призрачного света заходящего Фобоса играли на ее прекрасном лице.

Барк безжалостно оглушил ее и, завязав ей

рот цветным шарфом, связал девушку длинным шнуром от портьеры, затем взвалил этот легкий груз на плечо и тем же путем покинул дворец.

S
A

Снаружи резко стемнело — Фобос уже ушел в свое бесконечное путешествие вокруг Марса, а Деймос был еще слишком низко, чтобы дать много света, и Барк, так никого и не встретив, вернулся к амфитеатру. Он тихо подкрался к стене и, осторожно разматывая длинный шнур от портьеры, постарался как можно бережнее спустить марсианку, потом сам повис на крае стены и, опустившись, рухнул в темноту.

Земля встретила его страшным ударом, так, что Барк на секунду потерял сознание. Очнувшись, он, пошатываясь, встал и, убедившись, что наследница королей Валкиса невредима, отнес ее в густой кустарник рядом с поляной, где снял повязку, закрывающую ее рот, и стал ждать.

Файд открыла глаза.

— Вы в саду Шанга, — негромко сказал землянин. — Я принес вас в это место, и мы должны заключить сделку, Файд.

— Никакого торга между нами не будет, землянин.

— Вашу жизнь, Файд, против моей и Джил, а так же тех, кого здесь можно еще спасти. Разбейте призмы, прекратите это безумие, и вы доживете до такой же старости и сумасшествия, как и ваша мать.

В ответ она засмеялась, и пальцы Барка сжали ее шею.

— Тонкая шея, — тихо сказал он. — Она легко сломается.

— Ломайте. Развлечение будет продолжаться и без меня. А вы, Барк Винтерс… вы не сможете убежать. — Файд злобно усмехнулась. — Вы станете животным, и ни одно из этих мерзких созданий не уйдет от Шанга.

— Знаю. Поэтому я должен уничтожить это зло, пока еще окончательно не впал в дикость.

Файд посмотрела на него, голого и безоружного, сидящего на корточках в кустах, и снова засмеялась.

— Может быть, это и невозможно, — хмуро сказал Барк. — И Шанга успеет разрушить мой мозг прежде, чем я смогу что-нибудь сделать, но дело в сущности уже и не во мне.

— Так в чем же?

— У Земли тоже есть своя гордость, — серьезно ответил он. — Эта гордость может быть временами безжалостной и отвратительной, однако Земля — добрая планета, и я не желаю больше видеть бесчестие своего мира.

— И что же вы собираетесь делать?

— Ждать. Ждать до зари, — завязывая шарфом

рот девушки, сказал Барк. — Во всяком случае, до тех пор, пока вы хорошо не подумаете. Итак, я даю вам последний шанс.

Шло время. Тьма уступила место сумеркам, потом взошло солнце. Землянин сидел неподвижно, а Файд лежала, закрыв глаза, и, казалось, спала.

Вечером он положил руку на ее плечо. Файд угрюмо посмотрела на него.

— Что вы решили?

Она отрицательно покачала головой.

Барк улыбнулся.

— В конце концов, я решил, что не буду убивать.

Он взял Файд и, прячась среди деревьев, отнес ее в гущу цветущих возле озера растений. Глаза наследницы королей Валкиса были печальны, она слишком хорошо знала свою участь.

В амфитеатре уже начали собираться марсиане, явившиеся учиться презирать и ненавидеть людей Земли. Барк разглядывал их и по-прежнему улыбался.

Через полчаса он поймал Джил и привязал ее к дереву.

Амфитеатр постепенно заполнился, и на балкон вышел Кор Хал, который вел под руку старую королеву.

Зазвенел гонг.

Спрятавшись в тени деревьев, Барк с отвращением наблюдал, как масса темных уродливых фигур несется к поляне. Воздух дрожал от воя и адских криков:

— Шанга! Шанга!

Джил выла и извивалась, пытаясь избавиться от пут, и землянин просто не мог смотреть на нее. Он с ненавистью взглянул на марсиан и, увидев, что Кор Хал низко склонился над перилами, понял, кого он ищет.

Затихли последние звуки гонга. Множество горящих глаз уставилось в небо и замерло, ожидая. И наконец, великолепный огонь Шанга заполнил воздух. Барк вцепился зубами в свою руку, так, что брызнула кровь; он изнемогал от желания ползти туда, на поляну — в жаркий свет Шанга. Мучительно застонав, землянин рухнул в высокую траву и, прижавшись к ногам Джил, замер, дрожа.

Издалека донесся голос Кор Хала, зовущий его, и Барк, покачиваясь встал.

— Я здесь, Кор Хал, — хрипло прокричал он.

Марсианин засмеялся.

— Зачем бороться, Винтерс? Ты все равно не сможешь противостоять призыву Шанга.

— Где ваша главная жрица? Ей надоел этот спорт?

— Не тебе судить, что на уме у леди Файд! — громко сказал Кор Хал. — Она приходит и уходит, когда ей вздумается.

Он сложил ладони рупором и закричал:

— Эй, Винтерс, огонь Шанга ждет тебя! Спеши к нему, сын обезьяны… иди к своим собратьям!

Барк стоял, упрямо подняв голову. Пот заливал ему глаза, он задыхался, но продолжал упорно твердить себе, что лучше умереть, чем сделать хотя бы один шаг, лучше умереть…

— Ну что ж, тогда до завтра, — спокойно сказал Кор Хал.

Наконец огонь Шанга иссяк, и марсиане, переговариваясь, стали расходиться. Барк закричал:

— Постойте!

И в наступившей тишине, продолжил:

— Постойте, люди Марса! Вы пришли посмотреть великолепный спектакль, но действие еще не закончено! Послушай, Кор Хал! — Барк подошел поближе к стене. — Да, мы — земляне, молодая раса, и вы презираете нас, называя обезьянами. Пусть так. Однако, именно в этой молодости наша сила, но вы, марсиане, прошли уже слишком долгий путь по кругу времени, а его

конец всегда близок к началу, и именно поэтому древние Кара Лху исчезли в одно поколение. Теперь — то я знаю, почему ни один марсианин не увлекается Шанга и это запрещено всеми городами-государствами. Вы просто уже не можете противостоять этой страшной силе и быстро впадаете в дикость!

Толпа завопила.

— Слушайте обезьяну! — закричал Кор Хал. — Слушайте дикое животное, которое мы гнали по улицам Валкиса!

— Да, слушайте все! — крикнул Барк. — Так как леди Файд исчезла, и только обезьяна знает, где ее найти!

Это заставило их замолчать.

— Подождите! — крикнул Барк. — Сейчас я вам ее покажу.

Он направился к черному озеру, еще не зная, что метаморфоза будет чрезвычайно быстрой; есть вещи, которые страшнее любых предположений.

Барк раздвинул высокую траву и, невольно вскрикнув, отвел взгляд, не в силах видеть то, что лежало перед ним. У существа были глаза, и это было хуже всего, потому что они смотрели на Винтерса.

Подняв эту жуткую ношу, Барк пересек поляну, где два крупных самца уже дрались за самку, и вышел на свободное пространство перед королевской ложей.

— Смотрите! — закричал землянин, указывая на ожерелье из золотых пластин, раскачивающееся на облезлой шее мерзкого создания. — Узнаете ее? Это последняя представительница королевского рода Валкиса — леди Файд!

Кор Хал вскочил.

Барк, положив свой груз, отступил, а существо, переваливаясь, поползло по газону.

В полной тишине, старая королева Валкиса медленно поднялась со своего кресла и, перевалившись через перила, рухнула па каменные плиты арены.

Марсиане дико закричали и последовали за своей королевой, однако, не ради смерти, но мщения.

Барк кинулся бежать и, мгновенно освободив Джил, потащил ее ко входу в туннель.

На арене кипела яростная битва — мечи против когтей и острых клыков. Чешуйчатые создания рвали марсиан острыми, как иглы, зубами; могучие мохнатые лапы хватали и разрывали их, ломали кости, проламывали черепа; стальные

лезвия блестели в серебристом свете Деймоса.

Барк увидел, как Кор Хал погрузил свой меч в ползущий ужас, который был когда-то Файд и стал с остервенением рубить его, пока тварь не перестала дергаться, потом взмахнул мечом, с которого капала желтая слизь, и дико заорал:

— Винтерс!!!

Землянин принял его вызов.

Получив скользящий удар в грудь, Барк перехватил руку Кор Хала и сломал ее. Ни один мускул не дрогнул на лице марсианина, его левая рука мгновенно опустилась на рукоять ножа, но прежде, чем он успел выхватить оружие, Барк резко ударил его ребром ладони по шее, и тело врага рухнуло у его ног.

Из туннеля на арену бежали стражники. Вода в озере покраснела. Дико заорав, туда упал один из стражников и какое-то чудовище, притаившееся под бурлящей поверхностью воды, стало рвать его на части и торопливо насыщаться.

Землянин схватил Джил за руку, и они бросились к туннелю, стараясь держаться под прикрытием деревьев. Туннель был пуст, решетка открыта — все стражники дрались на арене. Покинув замок, они спрятались за какой-то статуей у его входа и, подождав пока мимо них

промчится отряд стражников, быстро спустились через развалины Валкиса, и теперь, задыхаясь, бежали вдоль канала. Летательный аппарат Кор Хала был на месте.

Винтерс помог Джил забраться внутрь и, поудобнее устраиваясь в низком кресле пилота, увидел разъяренную толпу горожан, освещенную багровым светом факелов, которая бежала к ним вдоль канала. До марсиан дошла весть о преступлении землянина и его дерзком побеге, но было уже слишком поздно — летательный аппарат поднялся в воздух и, сделав круг над городом, направился в сторону Кахора.

Теперь, когда уже все самое страшное было позади. Барк вдруг почувствовал жуткую усталость и сильное желание, как можно скорее забыть обо всем этом кошмаре.

Однако он знал, что уже никогда не забудет призрачных садов Шанга, золотого огня, оставившего неизгладимый отпечаток в его душе, и еще долго, в ночных кошмарах, будет видеть прекрасное лицо Файд и самые страшные мечи Марса — жгучие лучи призмы.

Правительства Земли и Марса, конечно же, проследят, чтобы Шанга была уничтожена навсегда, Барк нисколько не сомневался в этом, и был даже

слегка горд от того, что он совершил. Правда…

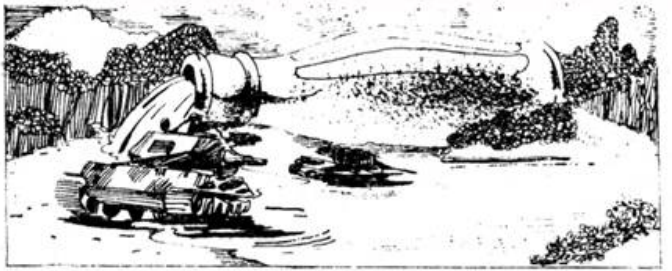
Винтерс посмотрел на Джил. Когда-нибудь пятно Шанга исчезнет, и она снова будет Джил Леланд, которой он отдал свое сердце.

Но исчезнет ли это пятно полностью?

Винтерсу показалось, что он слышит голос Файд.

— Исчезнет ли оно у тебя, Барк Винтерс? Может ли тот, кто бегал с дикими животными Шанга стать когда-нибудь прежним?

Оглянувшись, землянин увидел черный дым, поднимающийся над проклятым садом.



Ф. Ж. Фармер
БИЗНЕС БОГА

Впервые за всю историю войн морская пехота США была обращена в бегство водяными пистолетами.

Изображение на экране сменилось. Но и то, что я уже увидел, заставляло крепко задуматься.

Полк морских пехотинцев, в касках, в полном боевом снаряжении, с карабинами и автоматами, спотыкаясь, отступал перед беспорядочной толпой голых людей. Нудисты, смеясь и дурачась, целились из игрушечных ковбойских кольтов и лучевых пистолетов из сериала «Космический лорд». Струйки жидкости из пластмассовых ство-

лов, по крутой дуге перелетали через поднятые в отчаянии автоматы и растекались по лицам.

Наконец, закаленные ветераны побросали оружие. Они стояли с глупым видом, недоуменно моргая и облизывая мокрые губы. А победители брали их под руки и уводили с собой.

Огнеметы, минометы, безоткатные орудия? Толку от них было, как от рогаток.

Экран погас. Зажегся свет. Майор Алиса Льюис отложила пульт дистанционного управления.

— Так что, господа, есть вопросы? Нет? Мистер Темпер, вам, наверное, не терпится рассказать, почему вы надеетесь на успех там, где провалились другие? Мистер Темпер, господа, известен своей светлой головой…

Кровь бросилась мне в лицо. Тут бы рассмеяться над неуместной шуткой майора, но увы, четверть века моей, в полном смысле слова, яйцеголовости не отучили меня остро реагировать на подобные намеки. Мне не было двадцати, когда после так и не распознанной инфекции я потерял свою роскошную шевелюру и приобрел взамен аллергию к парикам.

Поэтому меня смутила необходимость встать перед аудиторией, после того, как прекрасная майор Льюис продемонстрировала свое остро-

умие.

Я подошел к кафедре, где она стояла, хорошенькая и бойкая на язык, увидел, как дрожат ее пальцы, и решил воздержаться от ответной колкости. К тому же у нее были причины нервничать. Настала пора испытаний для всех, тем более для военных.

Сквозь окно виднелись припорошенные снегом дома городка Гэйлсбург, штат Иллинойс. Все было очень обыденно! Садилось солнце, куда-то спешили жители. И будто бы ничем необычным не было размещение в городе и его окрестностях пятидесяти тысяч солдат элитных частей армии Соединенных Штатов…

— Л-леди и д-джентельмены, — заикаясь, начал я, — вчера на б-берегу я видел Сюзи.

Вы понимаете, что произошло дальше. Даже если бы я поведал о вспышке чумы в Нью-Орлеане, мои слушатели не сумели бы сдержать улыбку. Я почувствовал себя полным идиотом.

Мне не следовало столь долго приводить в порядок свои нервы, ибо майор заговорила вновь, скривив свои прекрасные в любых обстоятельствах губки.

— Мистер Темпер уверен в том, что владеет ключом к решению нашей проблемы. Возможно,

так оно и есть. Должна, однако, предупредить вас, что его рассказ сочетает такие не имеющие друг к другу и неправдоподобные эпизоды, как бегство быка из загона, пьяные похождения профессора, известного своей непреклонной трезвостью, не говоря уже об исчезновении вышеупомянутого профессора классической литературы и двух его студентов в одну и ту же ночь.

Я подождал, когда стихнет смех. Когда я заговорил, то даже не обмолвился о двух других невероятно связанных фактах. Я не сказал о бутылке, приобретенной мною в одной ирландской забегаловке и посланной профессору два года назад. Не сообщил я и о том, что, по моему мнению, запечатлено на снимке, сделанном одной из камер на армейском воздушном шаре над городом Онабек. На этой фотографии была изображена огромная статуя быка, расставившего ноги на футбольном поле Трайбеллского университета.

— Господа! — сказал я. — Прежде чем расскажу о себе, я должен остановиться на причинах, побудивших Управление по лекарствам и наркотикам направить автономного агента в местность, где до сих пор объединенная мощь Армии, Военно-Воздушных Сил, Береговой Обороны и Морской Пехоты не смогла ничего сделать.

Лица присутствующих вспыхнули багрянцем, словно цветы осени.

— УЛН по необходимости принимает участие в этом «Деле Онабека». Как вы знаете, в реке Иллинойс вместо воды течет теперь вино.

Никто не засмеялся. Это давно уже перестало забавлять их. Что же касается меня, то я терпеть не могу любые спиртные напитки и наркотики. Для этого у меня имеются веские причины.

— Впрочем, это не совсем пиво. У реки Иллинойс хмельной запах, однако те из наших добровольцев, которые выпили из реки, реагировали не так, как должны были реагировать на обычное спиртное. Они сообщили об эйфории с почти абсолютным отсутствием внутренних запретов, которая длится даже после того, как в крови не остается алкоголя. Напиток этот действует как возбуждающее, а не как успокоительное. После него нет похмелья. И что больше всего нас интригует, так это то, что наши ученые не могут найти в нем никаких неизвестных веществ.

Тем не менее, все это вам уже известно, как и то, почему привлечено УЛН. Главной причиной, по которой меня сюда прислали, помимо того, что я родился и вырос в Онабеке, было то, что мое начальство, включая Президента Соединенных

Штатов, находится под глубоким впечатлением от моей гипотезы относительно лица, ответственного за все это безобразие.

— Кроме того, — добавил я, не без ехидства взглянув на майора Льюис, — они уверены в том, что, поскольку я первый занялся психологической подготовкой агента против соблазна, который представляет из себя вода реки Иллинойс, то первым таким агентом и должен быть я.

После того, как известная ситуация привлекла УЛН, мне поручили заняться этим делом. Поскольку в окрестностях Онабека исчезло слишком много федеральных агентов, я решил произвести некоторую проверку извне. Я пошел в библиотеку Конгресса и начал читать выходящие в Онабеке газеты «Morning Star» и «Evening Journal» в обратном порядке, начиная с того дня, когда библиотека перестала их получать. И только в номерах от 13 января, причем за два года до настоящего времени, я наткнулся на нечто существенное.

Я сделал паузу. Хотелось почувствовать реакцию аудитории. Ровно никакой. Ну что же, продолжим…

— Господа! В номерах от 13 января, среди всего прочего сообщалось об исчезновении доктора Бо-

суэлла Дархэма из Трайбеллского университета вместе с двумя слушателями его обзорного курса античной литературы. Сообщения были противоречивыми, однако сходились в следующем. Первое: днем, 12-го, студент Эндрю Поливайнос отпустил весьма пренебрежительное замечание в отношении античной литературы. Доктор Дархэм, известный своей кротостью и снисходительностью, обозвал Поливайноса ослом. Поливайнос, дюжий футболист, встал и сказал, что он вышвырнет профессора из университета за задницу. Однако, если верить свидетелям, худосочный мужчина, каким является Дархэм, схватил рослого Поливайноса одной рукой и выкинул его в коридор.

После этого Пегги Рурк, чрезвычайно привлекательная сокурсница и возлюбленная Поливайноса, уговорила его оставить профессора в покое. Однако спортсмена, казалось, вовсе не нужно было уговаривать. Ошеломленный, он без всяких возражений позволил мисс Рурк увести себя.

Другие студенты сообщали, что теперь у Дархэма появилась отличная возможность добиться исключения Поливайноса из университета, хотя тот входил в юношескую сборную страны. Профессор, однако, не сообщил о происшедшем декану.

Слышали, как он ворчал, что Поливайнос — осел и это видно всем. Один из студентов сообщил, что ему показалось, будто от профессора попахивает спиртным, но он, должно быть, ошибся, ибо то, что профессор не прикасался к хмельному, стало притчей во языцех по всему университету. Немалую роль в этом, казалось, играла его жена. Она была ревностной трезвенницей, современной последовательницей Френсиса Уилларца.

Возможно, все это покажется не относящимся к делу, господа, но я заверяю вас, что это не так. Вот показания еще двух студентов. Оба клянутся, что видели горлышко бутылки, торчавшее из кармана пальто, висевшего у профессора в кабинете. Пробки в бутылке не было. И хотя на улице был жуткий мороз, но у профессора, известного своей неприязнью к холоду, оба окна были открыты. Вероятно, для того, чтобы выветрился запах.

После стычки доктор Дархэм пригласил Пегги Рурк в свой кабинет. Мисс Рурк вышла оттуда через час, вся в слезах, с раскрасневшимся лицом.

Она рассказала соседке по общежитию, что профессор вел себя, как безумный. Он будто бы сказал ей, что влюбился в нее с того дня, когда она впервые переступила порог аудитории. Что он старый и некрасивый, чтобы даже мечтать

об ответном чувстве. Но вот теперь, когда все изменилось (что — «все»?), он хочет убежать вместе с ней и умоляет ее… Ну да, профессор нравился Пегги, но не настолько же, чтобы убегать с ним! И тогда Дархэм сказал, что к вечеру он будет совсем другим человеком — совершенно неотразимым…

Несмотря на несколько необычные события, все казалось тихим и спокойным, когда Поливайнос привел Пегги Рурк на вечер второкурсников. Курировавший вечер Дархэм поздоровался с ними, как будто ничего не произошло. Жена его также, как будто, не чувствовала чего-либо неладного. Это само по себе было странным, ибо миссис Дархэм была из тех жен преподавателей, мимо уха которой не может пройти ни одна университетская сплетня. Более того, женщина в высшей степени нервная, она не умела скрывать свои чувства. Да и профессор ни в чем ей не перечил. Он был объектом насмешек, так как находился явно у нее под каблуком, и миссис Дархэм частенько делала из него посмешище. Однако в тот вечер…

Майор Льюис укоризненно посмотрела на меня.

— Мистер Темпер, вы бы не могли пропускать

такие подробности? Эти джентльмены очень заняты и им нужны только голые факты. Повторяю — голые факты.

— А голые факты таковы, — улыбнулся я. — Позднее в тот вечер, когда танцы закончились, миссис Дархэм в истерике позвонила в полицию и сказала, что ее муж сошел с ума. О том, что он выпил, даже говорить не приходилось… Такое для нее было абсолютно немыслимым. Он бы не осмелился…

Майор Льюис опять с недоумением посмотрела на меня. Видимо, она никак не могла понять, что все эти подробности были необходимы.

— Один из полицейских, который ответил на ее звонок, позже сообщил, что профессор, бродил по снегу, одетый только в брюки, из кармана которых торчала бутылка, и поливал красной краской прохожих. Показания другого полицейского несколько иные. Он заявил, что профессор брызгал краской из ведра с помощью кисти.

Чем бы он ни пользовался, он сумел покрасить свой собственный дом и дома некоторых соседей от крыши до фундамента. Когда приехали полицейские, он вымазал краской их машину и залепил им глаза. Пока они прочищали глаза, он исчез. Еще через полчаса он исполосовал краской

женское общежитие и напугал до истерики немало его обитательниц. Затем он проник внутрь и, оттолкнув консьержку, пробежал по коридорам, поливая краской всех, кто высовывался из комнат, а затем, не найдя Пегги Рурк, исчез.

Я добавлю, что все это время он хохотал, как безумный, и громко кричал, что перекрасит в этот вечер весь город в красный цвет. Мисс Рурк ушла вместе с Поливайносом и несколькими друзьями в ресторан. Позже, проводив друзей, они направились, очевидно, в женское общежитие. Однако туда они так и не пришли. Ни их, ни профессора больше не видели. Не видели в течение двух лет, которые прошли между этим инцидентом и тем временем, когда перестали выходить газеты в Онабеке. Наибольшее распространение получила версия о том, что безумно влюбленный профессор убил и похоронил их, а затем исчез, неизвестно куда. Но я предпочитаю — и не без оснований — верить совсем иному.

Поспешно, ибо я уже видел, что моя аудитория забеспокоилась, я рассказал о появившемся, будто бы ниоткуда, быке в нижней части Мэйн-Стрит. Позже со всех скотных дворов пришли сообщения, что не обнаружено пропажи ни одного из быков. Тем не менее, его видели слишком

многие, чтобы можно было отмахнуться от этого факта. На глазах сотен людей он переплыл реку Иллинойс с голой женщиной на спине. Женщина эта размахивала бутылкой. Затем бык и, соответственно, женщина, устремились к лесу, где и исчезли.

Тут поднялся настоящий тарарам. Командующий Береговой Охраны высказался первым:

— Неужели вы пытаетесь, мистер Темпер, доказать мне, что воплотился в жизнь миф о Зевсе и Европе?

Продолжать дальше было бесполезно. Эти люди ничему не поверят, пока не увидят всего воочию. Я решил, что самое время дать им такую возможность и взмахнул рукой.

Мои ассистенты притащили большую клетку на колесах. Внутри нее, припав к полу, смотрела на нас обезьяна в маленькой соломенной шляпке, в розовых нейлоновых штанишках и с очень кислой физиономией. Сквозь дырку, вырезанную в штанишках, торчал длинный хвост. Строго говоря, как я полагаю, ее нельзя было классифицировать как человекообразную. У человекообразных обезьян нет хвоста.

Антрополог с первого взгляда увидел бы, что это вообще не обезьяна. У нее действительно

была морда с далеко выступающими челюстями, длинные волосы, покрывающие все тело, длинные руки и хвост. Но ни у одной из обезьян не было таких ровных, высоких бровей или такого большого крючкообразного носа… или ног, столь длинных по сравнению с туловищем.

Когда клетка остановилась рядом с трибуной, я сказал:

— Господа, если все, что я сказал, кажется вам не относящимся к делу, то я уверен, что через несколько минут мне удастся убедить вас, что я вовсе не морочу вам голову.

Я повернулся к клетке, поймал себя на том, что едва не поклонился, и произнес:

— Миссис Дархэм, будьте любезны, расскажите этим господам, что с вами случилось.

Я стал ждать, предвкушая тот срам, который испытают все эти важные господа, сообразив, что одному маленькому агенту УЛН удалось больше, чем всем им, вместе взятым. Я ждал этой минуты со вчерашнего вечера, когда мои ребята изловили миссис Дархэм в окрестностях города.

Я ждал.

Ждал…

Миссис Дархэм отказалась вымолвить хотя бы одно слово. Как я ее ни уговаривал. Мне оста-

валось только встать перед ней, на колени и умолять. Я пытался объяснить ей, какие гигантские силы приведены в действие и что в своей розовой безволосой ладони она держит судьбу всего мира. Но она не желала открыть рот. Кто-то оскорбил ее достоинство, и единственное, до чего она снизошла — это дуться на нас, повернувшись спиной и помахивая хвостом над розовыми панталонами.

Более злющей женщины мне не доводилось встречать. Неудивительно, что муж сделал из нее обезьяну.

Триумф обернулся полным фиаско. Важных шишек невозможно было убедить одной только магнитофонной записью. Они лишний раз удостоверились, что мозгов у меня меньше, чем волос, и проигнорировали просьбу задавать вопросы. Майор Льюис презрительно улыбалась.

Что ж, для выполнения моей миссии, все это не имело особого значения. Полученный мной приказ отменить они не могли.

В 7 часов 30 минут этого же вечера я был в окрестностях города с группой офицеров и своим боссом. Хотя луна только что взошла, света ее было достаточно, чтобы читать. Всего в десяти метрах от нас заканчивались и снег, и холод — и

начинались зелень и тепло.

Генерал Льюис, отец майора, сказал:

— Мы даем вам два дня, мистер Темпер, чтобы наладить контакт с Дархэмом. В 14 часов, в среду, начнется наступление. Морские пехотинцы, вооруженные луками, дротиками и пневматическими ружьями, с кислородными масками на лицах будут десантироваться на планерах с герметическими кабинами. Планеры совершат посадку на федеральном шоссе номер 24 чуть к югу от окраины города, там, где сейчас два огромных луга. Пешим строем морские пехотинцы двинутся по Адам-Стрит и выйдут в центр города. К тому времени, я надеюсь, вы обнаружите и ликвидируете источник этой заразы.

«Ликвидируете», насколько я понял, значило «убьете». По лицу генерала было видно, что он сомневается в том, что я смогу это сделать. Я не нравился генералу не только потому, что был штатским, обличенным полномочиями непосредственно президентом, но и потому, что обстоятельства моей миссии вместе с его дочерью были, по меньшей мере, далеко не общепринятыми. Алиса Льюис была не только майором и женщиной — она была в высшей степени привлекательной и молоденькой для такого звания.

И вот она стояла, дрожа, в одном бюстгальтере и трусиках, пока сам я раздевался до трусов. Как только мы окажемся в лесу, то снимем с себя и остальное. В чужой монастырь со своим уставом…

Морские пехотинцы с луками и дротиками — неудивительно, что вояки были такими жалкими. Однако на территории, контролируемой профессором и его Пойлом огнестрельное оружие просто не действовало. А вот Пойло действовало, да еще и как, сейчас же вырабатывая пагубное пристрастие к нему всех, кто только его пробовал.

У всех, кроме меня.

Я был единственным, кто считал, что не подвержен его воздействию.

Доктор Дуэрф задал мне несколько вопросов, пока кто-то пристегивал к моей спине десятилитровый бидон дистиллированной воды. Доктор был психиатром из Колумбийского университета, подготовившим меня к тому, чтобы устоять перед Пойлом.

Неожиданно, прямо посреди какой-то фразы, он схватил меня за шею. В кулаке его, неизвестно откуда, появился стакан. Он попытался силой влить его содержимое мне в рот. Всего лишь один

раз понюхав я тотчас же вышиб стакан из его руки и, не сдержавшись, ударил его в лицо.

Он отпрянул, держась за скулу.

— Как вы себя чувствуете? — спросил он.

— Я-то отлично, — усмехнулся я. — Но на какое-то мгновенье мне показалось, что я вот-вот задохнусь. Мне захотелось убить вас за то, что вы пытались сделать.

— Я просто хотел провести окончательную проверку. Вы ее прошли на «отлично» с плюсом. У вас выработан рефлекс против Пойла.

Отец и дочь Льюисы молчали. Их раздражало то, что я, гражданский, придумал этот способ борьбы с соблазном Пойла. А тысячу морских пехотинцев, которые по графику должны последовать за мной через два дня, для того, чтобы избавить от искушения, придется одеть в кислородные маски. Что же касается моей спутницы, то она прошла спешную подготовку, под гипнозом, проделанную тем же Дуэрфом, но насколько действенную, он не знал. К счастью, миссия Алисы не будет длиться так же долго, как моя. В ее задачу входило дойти до источника Пойла и принести назад пробу. Если, однако, мне нужна будет помощь, то я мог бы взять девушку с собой. С другой стороны, хотя об этом открыто не говорилось, я

должен был удерживать ее от искушения.

Мы пожали руки всем собравшимся проводить нас, и пошли прочь. Теплый воздух окутал нас. Еще мгновение назад мы дрожали от холода, теперь же потели. И это было плохо. Это означало, что мы быстро выпьем запас воды.

Я посмотрел вокруг. Было полнолуние. Два года изменили обычный ландшафт Иллинойса. Деревьев стало гораздо больше, причем таких, какие трудно надеяться встретить так далеко на севере. Кто бы ни был виноват в переменах, он должен был привезти сюда множество семян и саженцев, готовясь к потеплению климата. Я это знал, ибо проверил в Чикаго различные грузы и обнаружил, что некто Смит через две недели после исчезновения Дархэма начал оформлять заказы из тропических стран. Посылки шли в один из домов в Онабеке, а затем исчезали в почве, по которой мы теперь шли. Дархэм, должно быть, понял, что речная долина не сможет прокормить проживавшие здесь триста тысяч человек, как только железная дорога и грузовики перестанут возить сюда консервы, свежее молоко и другие продукты.

Но когда вы видите вокруг фруктовые деревья — бананы, вишни, яблоки, сливы и другие, ко-

торые плодоносят в совсем неподходящее время года, когда вы замечаете под ногами чернику, бруснику, голубику, а дальше — дыни, помидоры и картофель, и все это таких размеров, что несомненно получило бы первые призы на ярмарках — то вы поймете, что здесь нет недостатка в пище. Все, что требуется — это подобрать и съесть.

— Мне это напоминает, — шепнула Алиса Льюис, — райский сад.

— Прекратите предательские речи, Алиса! — сердито отрезал я.

Она холодно посмотрела на меня.

— Не будьте глупцом. И не называйте меня Алисой. Я — майор морской пехоты!

— Пардон! — извинился я. — Но нам лучше отбросить звания. Туземцы могут удивиться. И что важнее, нам лучше сбросить эти одежды, пока мы не наткнулись на кого-нибудь.

Она попробовала возражать, но приказ есть приказ. Несмотря на то, что нам придется провести вместе не менее тридцати шести часов и все это время мы будем в чем мать родила, она настояла на том, чтобы раздеваться мы ушли в кусты. Я не стал спорить.

Зайдя за дерево, я снял трусы и в это самое время почуял запах сигары. Сбросив ремень,

удерживающий на спине бидон с водой, я пошел по узкой тропе. То, что я увидел, потрясло меня.

Опершись о ствол дерева, здесь сидело какое-то чудище. Из его хищного рта торчала гаванская сигара, а большие пальцы рук были засунуты в карманы воображаемого жилета.

Я не столько испугался, сколько удивился. Это существо прямо-таки сошло со страниц знаменитых комиксов. Ростом оно было более двух метров, имело ярко-зеленую шкуру и желто-коричневые пластины на груди и животе. Ноги были короткими, зато туловище — очень длинным. Морда получеловеческая-полукрокодилья, при этом добрая и глуповатая.

Мой шок был вызван не только неожиданностью. Да, на картинках эта тварь была привлекательной, забавной и милой. Во плоти она стала чудовищем!

— Не пугайтесь, — сказало существо. — Скоро я буду нравиться вам гораздо больше.

— Кто вы? — удивился я.

В этот момент из-за дерева вышла Алиса. Она открыла рот и схватила меня за руку.

— Я аллегория, эмблема на банках штата Иллинойс. Добро пожаловать, незнакомцы, во владения Великого Махруда!

Прошла целая минута, прежде чем я понял то, что он сказал.

— Альберт Аллегория — мое полное имя, — продолжал он. — То есть, в данном воплощении. В других случайных формах — соответственно и другие имена. Понятно? А вы двое, я полагаю, новенькие, которые хотят жить на берегах Иллинойса, пить Пойло и поклоняться Быку?

Он поднял руку с тремя пальцами, прижатыми к ладони и оттопыренными большим и мизинцем — жест, хорошо знакомый любителям выпить.

— Этот знак, который каждый подлинно верующий делает, встречаясь с другим, — произнес он. — Запомните его и вы избавитесь от многих лишних хлопот.

— А как вы догадались, что мы извне? — ошарашенно спросил я.

Он рассмеялся, и его огромный рот загрохотал, как мегафон. Алиса, уже больше не офицер морской пехоты, крепко вцепилась в мою руку.

— Я здесь вроде полубога, — сказало существо. — Когда Махруд, Бык его имя, стал богом, он написал мне письмо, воспользовавшись, разумеется, почтой США — и пригласил сюда, чтобы я был полубогом при нем. Мне всегда было напле-

вать на остальной мир, поэтому я проскользнул через армейские кордоны и принял обязанности, которые Махруд, Бык его имя, возложил на меня.

В свое время я тоже получил письмо от моего бывшего профессора. Оно пришло еще до того, как началась эта заваруха, и тогда я ничего не понял из его приглашения: жить вместе с ним и быть его полубогом. В тот момент мне показалось, что у профессора в голове стало не хватать каких-то очень нужных винтиков.

— И каковы же ваши обязанности?

Он снова помахал сигарой.

— Работа моя, которая, кстати не обременительна, заключается в том, чтобы встречать новичков и предупреждать их, чтобы они держали глаза широко открытыми. Им необходимо понять, что не все является таким, как кажется, и что они должны смотреть в корень, дабы под поверхностью каждого деяния видеть символ.

Он выдохнул дым и продолжал:

— У меня есть к вам вопрос. Я не желаю, чтобы вы отвечали на него сейчас, но хочу, чтобы вы подумали и дали мне ответ позже. Вопрос мой таков: куда вам идти сейчас?

На его вопрос ответить мы не смогли.

— До скорого, — вдруг произнес он и зашагал

прочь по тропинке. Со стороны казалось, что его короткие ножки движутся совершенно независимо от длинного туловища. Я посмотрел ему вслед и, вернувшись к бидону с водой, забросил его за спину. Потом мы зашагали дальше.

Алиса была настолько ошеломлена, что, казалось, не замечала своей наготы. Через некоторое время она сказала:

— Это страшно пугает меня. Разве может человек принять такой вид?

— Как видите, да, — сказал я с наигранным

оптимизмом. — Думаю, что будет лучше, если мы приготовимся к чему угодно.

— Вероятно, история, которую поведала нам миссис Дархэм там, на базе, соответствует истине.

Я кивнул. Жена профессора рассказала мне, что незадолго до того, как поставили оцепление, она пошла к утесам за речкой, где — она знала — находился ее муж. И, хотя тогда он уже объявил себя богом, она его не боялась.

На всякий случай миссис Дархэм взяла с собой двух адвокатов. Что с ней произошло на другом берегу, толком она рассказать не могла… Но какая-то неведомая сила, по-видимому, управляемая доктором Дархэмом, превратила ее в огромную обезьяну. Оба адвоката, превращенные в скунсов, затерялись в лесу.

Размышляя над этими странными событиями, Алиса сказала:

— Чего я не могу понять, так это то, каким образом Дархэм сумел получить такое могущество. Какого рода энергией он располагает?

Было очень жарко, но по моему телу побежали мурашки. Вряд ли я был в состоянии рассказать ей, что во всей создавшейся ситуации почти на все сто процентов виноват был именно я. Более

того, если бы я рассказал ей то, что было, то она просто посчитала бы меня сумасшедшим.

— Я хочу пить, — внезапно сказала Алиса. — Как насчет того, чтобы выпить, папаша? Может быть, нам не скоро опять представится такая возможность?

— Черт побери, — сказал я, снимая бидон. — Не называйте меня папашей. Меня зовут Дэниэль Темпер, и я не настолько стар, чтобы мог быть…

Я замолчал. Увы, я был достаточно стар, чтобы быть ее отцом. В южных штатах, во всяком случае.

Понимая, о чем я думаю, она улыбнулась и протянула небольшую кружку, которую отстегнула от бидона.

— Мужчина стар настолько, насколько он себя чувствует, а я чувствую, что мне не больше тридцати.

В это мгновение я поймал краем глаза какую-то тень на тропе.

— Ныряйте! — успел сказать я Алисе.

Она мгновенно скрылась в траве. Что же касается меня, то на моем пути стоял бидон, и я решил оставаться на месте в надежде как-нибудь выкрутиться.

Когда я увидел, кто приближается по тропе,

то пожалел, что не последовал примеру Алисы. Неужели в этой богом забытой местности совершенно нет человеческих существ? Сначала Аллегория, теперь вот осел.

— Хэлло, братец! — сказал он, и прежде чем я придумал какой-нибудь предлог для отступления, откинул назад свою огромную голову и разразился чудовищным хохотом.

Причин для смеха я не находил, поэтому не последовал его примеру. Кроме того, от осла так несло Пойлом, что меня едва не стошнило.

Осел был высок и покрыт, в отличие от большинства ослов, короткими светлыми волосами. Он стоял на двух почти человеческих ногах, заканчивающихся широкими копытами. У него были длинные волосатые уши, но во всем остальном он был как человек. А звали его, если он не врал, Поливайнос!

— Зачем вы тащите этот бидон? — спросил он.

— Я занимаюсь контрабандой Пойла на ту сторону.

Он улыбнулся, обнажив длинные лошадиные зубы.

— Незаконная торговля, да? А чем они вам за это платят? Деньги ни к чему поклоняющемуся Быку.

Он поднял правую руку, показывая мне знакомый характерный жест. Я не ответил ему сразу, и взгляд его стал опасно суровым. Когда же я воспроизвел этот знак, то он сразу подобрел.

— Я таскаю контрабанду из любви к искусству, — засмеялся я. — А также, чтобы распространять Истину.

Откуда взялась последняя фраза, я не имел никакого понятия. Возможно, как следствие брошенного им «поклоняющемуся» почитателю и того религиозного смысла, который он вкладывал в изображаемый пальцами знак.

Он протянул большую волосатую руку и повернул кран на моем бидоне. Прежде чем я успел пошевелиться, он уже наполнил ладонь, затем поднял руку к губам и громко сплюнул.

— Тьфу! Да это же вода!

— Конечно, — сказал я. — Освободившись от Пойла, я наполняю бидон пресной водой. Если меня поймают патрули, то я говорю, что таскаю тайком в наши места чистую воду.

Снова раздался громоподобный хохот.

— Но это еще не все, — продолжал я. — Мне удалось договориться кое с кем из начальства, чтобы оно дало команду пропускать меня, если я буду носить им Пойло.

— Коррупция, братец, не так ли? Все ржавеет, даже медь пуговиц и погон. Скажу вам, пройдет совсем немного времени, и Пойло Быка распространится повсюду. Пройдусь-ка я с вами километр-два. Поклоняющиеся мне, истинные почитатели культа Осла, сегодня отмечают Праздник Плодородия. Присоединитесь к нам?

Я вздрогнул и быстро сказал:

— Нет, спасибо.

Я уже видел подобную оргию в полевой бинокль. Огораживалась территория диаметром в двести метров и в центре ее разводился огромный костер. На фоне этого адского пламени были видны белые по-дурацки скачущие обнаженные тела мужчин и женщин, преступивших абсолютно все сдерживающие начала. Еще очень долго эта сцена не выходила у меня из головы. Она даже снилась мне по ночам.

Когда я отклонил предложение, Поливайнос снова выдал свой специфический хохот и хлопнул меня по спине, вернее по бидону, который я успел уже надеть. Я плюхнулся на четвереньки в высокую траву, моля бога, чтобы он не погнул тонкостенный бидон.

Поливайнос издал громкий крик, подпрыгнул и опустился рядом со мной. Став на четвереньки,

он уткнулся своим безобразным лицом с ослиными ушами прямо в Алису и заревел:

— Вот это белая красотка! Отменная закусочка перед обедом!

Он схватил Алису за талию и высоко поднял ее, одновременно поднимаясь сам. Некоторое время он вертел ее, рассматривая в лунном свете, будто это был какой-то необычайный жук, которого он поймал в траве.

Извиваясь, она кричала:

— Черт тебя побери, бугай здоровый! Убери свои грязные лапы!

— Я — Поливайнос, местный бог плодородия! — кричал он в ответ. — Это моя обязанность и привилегия — проверять, на что ты способна! Скажи мне, дочь моя, ты молилась недавно о ниспослании тебе сына или дочери? А как твой урожай? Как растет у тебя капуста? А лучок и петрушка? И твои курочки несут достаточно ли яиц?

Вместо того, чтобы испугаться, Алиса рассердилась.

— Все у меня в порядке, ваша ослиность! Извольте опустить меня на землю! И не смотрите на меня своими большими блудливыми глазами! Если вы хотите того, что я думаю, то поспешите

на свою собственную оргию. Ваши почитатели ждут вас, не дождутся!

Осел разжал руки, и Алиса по-кошачьи упала на землю. Она вскочила и бросилась бежать, но осел успел поймать ее за талию.

— Не в ту сторону идешь, моя хорошенькая дурочка! Нечестивцы охраняют границу всего лишь в нескольких сотнях метров отсюда. Ты же не хочешь, чтобы тебя поймали? Ты тогда не сможешь больше пить божественное Пойло! Ведь ты же не хочешь этого, да?

— Спасибо, я сама о себе позабочусь! — резко ответила Алиса. — Только оставьте меня в покое. Дошло до того, что девушка уже не может спокойно вздремнуть в траве, чтобы какой-нибудь местный божок не захотел с ней покувыркаться!

Алиса быстро усваивала местный жаргон.

— Что ж, дочка, за это ты нас, богов, не упрекай. Особенно, когда сама сложена, как богиня!

Он издал титанический ослиный крик, от которого мы едва не попадали, затем схватил нас обеими руками и поволок по тропинке.

— Пошли же, дорогие мои. Я познакомлю вас со всеми. У нас будет роскошный вечер на Пиршестве Осла! — Он снова испустил оскорбительный ослиный крик. Теперь я понимал, почему Дархэм

трансформировал этого парня в его нынешнее состояние.

Затем, за этой мыслью последовали другие. Каким же образом он это проделывал? Я не верил, разумеется, в сверхъестественные силы. Если бы они существовали, то не человеку владеть ими в этой материальной вселенной, все должно повиноваться законам физики.

Возьмем хотя бы уши и копыта Поливайноса. У меня была прекрасная возможность хорошенько рассмотреть их, пока мы с Алисой тащились за ним. Уши его могли быть изменены и стали ослиными. Но у того, кто это делал, не было перед глазами точной копии. В основном это были человеческие уши, только удлиненные и покрытые тонкими волосами.

Что же касается ног, то они тоже были человеческими, а не ослиными. Ступней, правда, на его ногах не было, но его светлые блестящие копыта, по форме похожие на лошадиные, были, очевидно, из того же вещества, что и ногти. И, кроме того, можно было различить слабые контуры пяти пальцев.

Вероятнее всего, какому-то биоскульптору пришлось переделывать уже готовый человеческий материал по другому шаблону.

Я взглянул на Алису. Она была великолепна в своей наготе. Фигура у нее была действительно превосходной. Она была как раз из тех девушек, которые всегда председательствуют в женских клубах своего колледжа, избираются королевами балов и выходят замуж за сынков сенаторов. Именно того типа, с которыми у меня никогда не было ни малейших шансов.

Поливайнос вдруг остановился и проревел:

— Послушай-ка, ты, а как тебя зовут?

— Дэниэль Темпер, — ответил я.

— Дэниэль Темпер? Д. Т., выбрось к чертям этот бидон. Тебе тяжело его нести, и вид у тебя, с этой штукой на спине, как у осла. А я не хочу, чтобы здесь кто-то еще был похож на меня. Понимаешь? Хо- хо? И-а! Усек?

Он ткнул меня под ребра твердым, как камень, пальцем. Я пытался сдержаться, чтобы не броситься на него. Ни одного человека — или божества — я не ненавидел столь страстно. Дархэм, видимо, ошибся, думая, что наказал его. Поливайнос, казалось, гордился своим превращением и, если я понял его правильно, извлек для себя огромную пользу из того, что был объектом поклонения. Разумеется, не он первый сделал свои недостатки предметом поклонения других.

— А как же я потащу Пойло назад, если повсюду буду с вами? — спросил я.

— А кому какое дело? — нахально заявил он. — Твои пустяшные хлопоты мало помогут распространению Божественного Пойла. Оставь это рекам и Махруду, Бык его имя.

Он снова сделал характерный жест.

Я не стал с ним спорить. Чтобы он не сорвал с моей спины бидон, я осторожно стал снимать его. Но он все же помог мне и, схватив бидон, швырнул его в темноту леса.

— Ты же не хочешь пить эти грязные помои! — ревел Поливайнос. — Пойдем со мной в Поселок Осла! Там у меня чудесный маленький храм — ничего особо роскошного, это не Цветочный Дворец Махруда, да будет имя ему Бык, но тоже довольно мило. И мы прекрасно там отдохнем!

Все это время он бесстыдно строил глазки Алисе и совершенно не скрывал своих намерений. Как и всех выродков в этой местности, его ничто абсолютно не сдерживало. Будь у меня пистолет, мне кажется, я тут же прикончил бы его на месте… Если бы порох в этой местности мог воспламениться.

— Послушайте! — сказал я резко, отбросив всякую сдержанность. — Мы идем туда, куда сами

пожелаем! — Я схватил девушку за руку. — Пошли Алиса, оставим здесь этого прославленного осла.

Поливайнос встал у нас на пути, как скала.

— Даже не думайте, — заявил он, — что вы доведете меня до того, что я причиню вам вред, и вы сможете пойти к своему духовнику, который пожалуется на меня Махруду! Вам не удастся ввести меня во гнев! Это было бы непростительным грехом, смертные.

Крича о том, что мне не потревожить его олимпийской надменности, он обвил одной рукой меня за шею, а другую запустил ко мне в рот и выдернул мою верхнюю вставную челюсть.

— Надоел ты мне со своим щелканьем! — вскричал он. Отпустив меня, он швырнул челюсть куда-то во тьму. Я бросился к кустам, в которых, как мне показалось, приземлились мои зубы. Я упал на карачки и стал проворно ощупывать землю, но бесполезно…

Поднял меня на ноги крик Алисы. Быстро выпрямившись, я ударился головой о ветку. Не обращая внимания на боль, я повернулся чтобы посмотреть в чем дело, и бросился сквозь кусты. И тут же запнулся обо что-то и упал лицом вниз.

Вскочив, я понял, что споткнулся о мой соб-

ственный бидон. Не останавливаясь, чтобы отблагодарить каких угодно богов за столь удачную находку, я схватил бидон и, подбежав, с размаху треснул осла по затылку. Он беззвучно свалился наземь. Я отбросил бидон в сторону и помог встать Алисе.

— У вас все в порядке?

— Д-да, — произнесла она, всхлипывая и опуская голову на мое плечо.

Я понял, что она не столько пострадала, сколько испугалась. Я погладил ее по плечу — у нее была роскошная гладкая кожа — и провел рукой по длинным черным волосам. Но она не переставала всхлипывать.

— Какая грязная скотина! Сначала он губит мою сестру, а теперь пытается сделать тоже самое со мной.

— Что?

Она подняла голову, чтобы взглянуть на меня. Верней, опустила, ибо была почти на пять сантиметров выше.

— Пегги — моя сводная сестра, дочь отца от первого брака. Ее мать вышла замуж за полковника Рурка. Но мы всегда были близки.

Мне хотелось послушать ее еще, но обстоятельства требовали немедленных действий.

Я перевернул Поливайноса. Сердце его билось, однако из раны на голове текла кровь, которую вряд ли можно было ожидать, если бы он на самом деле был богом.

— Нулевой группы, — сказала Алиса. — Такая же, как и раньше. И не беспокойтесь о нем. Он заслуживает смерти. Это просто здоровенный кусок мяса, который причинил столько зла моей сестре…

Она замолчала, в ужасе открыв рот. Я проследил за ее ошеломленным взглядом и, увидев, что вся вода из бидона вытекла, немедленно ощутил приступ жажды. Разумеется, жажда была чисто воображаемая, но от этого мне легче не стало.

Алиса приложила руку к горлу и сипло произнесла:

— Мне вдруг ужасно захотелось пить.

— С этим уже ничего нельзя поделать, пока не найдем источник незараженной воды, — сказал я. — И чем дольше мы будем говорить об этом, тем большая жажда будет нас мучить.

Бидон был пуст. Наклонившись, чтобы окончательно убедиться в этом печальном факте, я увидел что-то светлое, мелькнувшее под кустом. Так я нашел свою челюсть. Повернувшись к Алисе спиной, я водрузил ее на место и, чувствуя себя

теперь несколько увереннее, сказал ей, что нам пора уносить ноги.

Однако проблема воды не давала ей покоя.

— Конечно же, здесь должны быть колодцы и ручьи, которые не загрязнены. Только река наполнена Пойлом, не так ли?

— Если бы я был в этом уверен, то не брал бы с собой бидон, — зло сказал я.

Она открыла рот, чтобы ответить, но тут мы услышали голоса и увидели свет приближающихся факелов.

Мы быстро спрятались в кустах.

Группа людей шла, распевая что-то по латыни на мелодию «Боевого гимна республики». Сомневаюсь, что они понимали, что пели. Они обогнули поворот и остановились перед своим богом, лежащим на земле без сознания и истекающим кровью.

— Давайте уйдем отсюда, — шепнула Алиса. — Если толпа нас поймает, то разорвет на куски.

Мне хотелось понаблюдать за ними, чтобы определить по их поведению, как нам следует вести себя среди туземцев. Я сказал это Алисе, и она согласилась. Несмотря на наш антагонизм, я должен был признать, что Алиса умна и храбра. Если же она и нервничала немного, то для этого

были веские основания.

Эти люди вели себя совсем не так, как я думал. Вместо того, чтобы плакать и стенать, они собрались кучкой поодаль от осла, не зная, что делать. Сначала я не понимал, чем вызвано такое поведение. Затем я понял по выражению их лиц и шепоту, что они боятся вмешиваться в дела полубога — даже такого ущербного, как Поливайнос.

Что еще усиливало их нерешительность, так это их молодость. Среди них не было ни одного мужчины или женщины, которым на вид было больше двадцати пяти, и все они превосходно выглядели.

Что-то затрещало на траве позади нас. Алиса и я от неожиданности даже подпрыгнули. Я взмолился, чтобы это не было еще одно жуткое чудовище.

Но это был просто голый туземец, высокий и худой, с длинным тонким носом. Вид у него был такой, будто он собирался преподавать в каком-нибудь колледже. Это впечатление усиливалось тем, что шел он, уткнувшись носом в книгу. Как я уже говорил, луна светила так ярко, что можно было читать, но я никак не ожидал, что кто-нибудь этим воспользуется.

Ученая внешность этого человека в какой-то

степени не вязалась с дохлой белкой, огромной, как овчарка, наброшенной на его шею и свисающей с плеч. Мне пришла, мысль, что он охотился, хотя я никогда не слыхал об охоте на белок в темноте. К тому же у него не было оружия.

Я внимательно наблюдал за ним, так как мне было интересно, что же он будет делать, увидев Поливайноса. Но этот человек меня разочаровал. Когда он подошел к распростертому телу, то, не задумываясь, просто переступил через его вытянутые ноги и пошел дальше, не поднимая носа от книги.

Я взял Алису за руку.

— Пойдемте. Мы последуем за ним.

Мы шли за любителем чтения минут пятнадцать. Наконец, я решил, что можно, не опасаясь поклоняющихся Ослу, окликнуть его. Оглянувшись, он остановился, — и, положив свою белку на землю, стал ждать, когда мы подойдем.

Я спросил у него, заметил ли он лежащего на тропинке Поливайноса.

Он в изумлении покачал головой.

— Но я видел, как вы перешагнули через него, — настаивал я.

— Ни через кого я не переступал, — упорствовал длинный нос. — Тропинка была совершенно

чистой. — Он пристально посмотрел на меня. — Вы, я полагаю, новичок. Возможно, вы только впервые попробовали Пойло. Иногда оно создает странные ощущения и видения. Нужно немного времени, понимаете, чтобы привыкнуть к нему.

Я не стал возражать, однако еще раз упомянул Поливайноса и его хвастовство. Он улыбнулся, глядя на меня как бы свысока.

— О, дорогой мой, понимаете, вы не должны верить всему, что слышите. Только потому, что большинство, которое всегда бывает невежественным и простодушным, предпочитает объяснять новые явления древними суевериями, у разумного человека, такого как вы, нет оснований принимать что-то на веру. Отбросьте все, что вы слышали — за исключением, разумеется, того, что говорю я — и воспользуйтесь теми способностями к рациональному мышлению, с которыми вам повезло родиться и развить их в каком-нибудь университете, при условии, что он не был просто тренировочной площадкой для различных…

— Но я видел Поливайноса собственными глазами! — раздраженно сказал я. — И если бы вы не подняли ногу, то вы бы, несомненно, споткнулись о его тело!

Он снова свысока посмотрел на меня.

— Тихо, тихо! Самогипноз, массовая галлюцинация или что-то в этом роде. Возможно, вы жертва внушения. Поверьте мне, в этой долине еще многое не упорядочено. Вы не должны допускать, чтобы первый встречный шарлатан мог мистифицировать вас, предлагая легкое — если не фантастическое — объяснение всего происходящего.

— А каково ваше объяснение?

— Доктор Дархэм изобрел что-то вроде машины, производящей неизвестные химические вещества, которыми он наводняет реки Иллинойс. И со временем, мы надеемся — воды всей планеты. Одно из их свойств — это разрушение многих социально и психологически образовавшихся условных рефлексов, которые некоторые называют внутренними запретами, нравственностью или же неврозами. И это очень хорошее свойство. Кроме того, случилось так, что эти вещества одновременно являются универсальными антибиотиками и тонизирующими средствами — каково сочетание! — не говоря уже о многих других вещах, не все из которых я одобряю.

Тем не менее, должен признать, он покончил с такими социальными и политико-экономи-

ческими структурами и их посредниками, как заводы, магазины, врачи, больницы, школы — которые, кстати, до настоящего времени посвящали большую часть своего времени и энергии превращению нас в полуобразованных идиотов — бюрократия, автомобили, церкви, кино, реклама, спиртные напитки, мыльные оперы, армии, проституция и прочие учреждения, которые еще совсем недавно считались абсолютно необходимыми.

К несчастью в человеке очень трудно подавить инстинкт обладания властью. Поэтому развелось множество шарлатанов, изображающих из себя пророков и учреждающих различного рода новые религии, привлекая множество людей идиотской упрощенностью образов и патетическим рвением к объяснению неизвестного.

Мне хотелось ему верить, но я знал, что у профессора не было знаний и денег, чтобы соорудить такую машину.

— Как же простой люд объясняет Пойло? — поинтересовался я.

— Да никак, за исключением того, что оно приходит из Бутылки! — произнес человек рациональный. — Они клянутся, что Дархэм черпает свою силу из этой Бутылки, которая судя по опи-

санию, всего-навсего обычная бутылка из-под пива. Некоторые заявляют, однако, что на ней имеется изображение быка.

У меня вспотел лоб. Значит, это все-таки мой подарок! А я-то думал, что сыграю безвредную маленькую шутку со своим любимым сумасбродным старым профессором античной литературы!

— История эта, возможно, имеет корни в его имени, — поспешно сказал я. — Ведь студенты часто называли его «Быком». И не потому, что его фамилия Дархэм[2]. А потому, что жена водила его, как быка, за кольцо, продетое сквозь ноздри, и…

— В таком случае, он одурачил своих студентов, — усмехнулся человек рациональный. — Ибо под кроткой и мягкотелой внешностью таился призовой бык, настоящий жеребец, похотливый старый козел. Не знаю, известно ли вам, сколько нимф содержится в его так называемом Цветочном Дворце, не говоря уже о красавице Пегги Рурк, ныне известной как…

— Значит, она жива! — воскликнула Алиса. — И с Дархэмом?

---

[2] notes: 2
Дархэм — знаменитая порода скота.

Он поднял брови.

— Все зависит от того, прислушиваться или нет к этим шарлатанам. Как утверждают одни, она перевоплотилась каким-то туманно-мистическим способом — они это называют, размножиться — и является каждой, и любой, и всеми сразу нимфами в гареме Махруда, хотя, с другой стороны, не является ни одной из них и существует лишь в духовном плане.

Он покачал головой.

— Ох, уже эти умники-рационалисты, они-то и изобретают, должно быть, догмы и богов.

— А кто такой Махруд? — спросил я.

— Да это просто несколько искаженное «Дархэм», если прочесть с конца. Разве вам неизвестно, что в каждой из религий можно проследить тенденцию не упоминать Истинного Имени? Вот и этим простофилям кажется, что так его имя звучит с некоторым восточным оттенком, а, следовательно, более загадочно.

Я получил так много новых данных, что все в моей голове перемешалось еще больше, чем раньше.

— А вы когда-нибудь видели Махруда?

— Нет, и никогда не увижу. Эти так называемые боги просто не существуют, так же как Аллегория

и Осел. Ни один человек с рациональным складом ума не поверит в них. К несчастью, Пойло, несмотря на многие достойные восхищения качества, способствует становлению нелогичной, нерациональной и подверженной внушению личности.

Он похлопал по своему высокому лбу и улыбнулся:

— Но я воспринимаю только хорошее и отвергаю плохое. И поэтому вполне счастлив.

Через некоторое время мы вышли на сельскую дорогу, которую я узнал.

— Мы вскоре придем к моему дому, — сказал человек рациональный. — Вы не хотели бы остановиться у меня? На обед у нас будет эта белка и сколько хочешь Пойла из колодца за домом. Ко мне заходят друзья, и перед тем, как начать оргию, мы наслаждаемся чудесными интеллектуальными беседами. Вам они будут очень близки по духу — все они атеисты либо агностики.

Я содрогнулся от одной мысли, что меня попросят выпить немного Пойла.

— Простите! — произнес я. — Нам необходимо идти дальше. Но скажите мне, просто для удовлетворения моего любопытства, как вы поймали эту белку? Ведь у вас нет никакого оружия.

— Понимаете, Пойло необычно способствует росту размеров некоторых животных. Более того, я уверен, что оно воздействует и на их головной мозг. Они кажутся более разумными, чем раньше. Вероятно, как следствие увеличения размеров мозга и усложнения нервной системы. Особенно разительные перемены произошли с грызунами. И это тоже очень неплохо. Они стали, понимаете, прекрасным источником мяса.

Я обнаружил, что не нужно ни ружей, которые в этой местности больше не стреляют, ни лука со стрелами. Все что необходимо, так это найти местечко, где водится много белок, сесть там и читать вслух. Пока таким образом ублажаешь себя, белка, привлеченная монотонным голосом, постепенно спускается с дерева и устраивается поблизости.

Не обращая на нее никакого внимания, читаешь дальше. Зверюшка садится поближе, медленно помахивая своим пушистым хвостом и не сводя черных глаз с книги. Тогда встаешь, закрываешь книгу и забираешь белку, которая полностью ошарашена и так и не приходит в себя, даже когда приносишь ее домой и перерезаешь ей горло.

Из опыта я определил, что наилучших результа-

тов я добиваюсь, читая «Критику Чистой Логики» Канта. Абсолютный транс! Кроликов, однако, легче соблазнить, читая «Тропик Козерога» Генри Миллера. Во французском переводе, разумеется. Один из моих друзей говорит, что лучшей книгой для птиц является «Воспоминание о Будущем» Дэникена. Каждый, естественно, расхваливает свое орудие лова. Я всегда ловлю гусей и фазанов с помощью «Трех дополнений к теории секса».

Мы подошли к его имению и распрощались. Ускорив шаг, мы прошли еще несколько километров мимо многочисленных ферм. Некоторые из них сгорели, но их обитатели просто переехали в сараи. А если пламя пожрало и сараи, то устроили себе легкие навесы.

— Фотографии, сделанные с воздушных шаров, показывают, что в городе сгорело довольно много домов, — сказал я. — И не только это. Улицы буквально заросли травой. Я удивлялся, где теперь живут погорельцы. Но теперь понятно, как они устроились. Они живут, как дикари.

— А почему бы и нет? — спросила Алиса. — Похоже, что им не приходится усердно трудиться, чтобы жить в достатке. Я обратила внимание, что нас совсем не кусают комары. Это значит, что вредные насекомые уничтожены. Санитарное со-

стояние тоже не должно их беспокоить — Пойло убивает все болезни, если верить этому чтецу и любителю белок. Людям не нужно выбрасывать консервные банки, бумагу и тому подобный мусор. Все они счастливы и гостеприимны. Нам все время только и приходилось, что отказываться от предложений перекусить и попить Пойла. И даже, — добавила она, — поучаствовать в оргиях после этого. — Это было сказано с довольно ехидной ухмылкой. — Теперь это как будто вполне респектабельное слово. Я заметила, что там, на последней ферме, одна красивая блондинка пыталась стащить вас с дороги. Вам придется признаться, что такого не могло бы случиться за пределами этой местности.

— Может быть, я и лысый, — огрызнулся я, — но не такой уж противный, чтобы в меня не могла влюбиться ни одна внешне привлекательная девушка. Жаль, что у меня нет с собой фотографии Бернадетты, чтобы показать вам. Ей всего лишь тридцать лет и она…

— У нее есть все зубы?

— Да, все, — огрызнулся я. — Ее не ударило по лицу осколком мины, и она не потеряла после этого остальные зубы из-за инфекции, потому что не было антибиотиков, а антибиотиков не было

потому, что противник пять дней не позволял носа высунуть из траншеи.

Я был настолько зол, что трясся.

Алиса тихо произнесла:

— Дэн, извините меня за то, что я сказала. Я не знала.

— И не только это, — я уже не мог остановиться. — Что вы имеете против меня, кроме моих зубов и волос, того, что я додумался до этого условного рефлекса, и того, что мое начальство, включая Президента, сочли мои способности достаточными, чтобы послать меня сюда без поддержки десяти тысяч морских пехотинцев? А вот почему со мной послали вас? Скорее всего, потому, что у вас отец генерал, и ему захотелось прихватить немного славы для вас и для него, объединившись в этой миссии со мной! Если это не военный паразитизм, так что это? И еще…

Я буйствовал, и каждый раз, когда она пыталась открыть рот, оглушал ее своим ревом, не понимая, насколько громко кричу, пока не увидел, что впереди на дороге стоят мужчина и женщина и пристально смотрят на нас. Я замолчал, но было уже поздно.

Как только мы с ними поравнялись, мужчина сказал:

— Незнакомец, вы, должно быть, ужасно рассердились. — С этими словами он протянул мне бутылку. — Вот, выпейте. И все ваши неприятности пройдут. Здесь, на земле Махруда, мы не произносим ни одного бранного слова.

— Нет, спасибо, — покачал я головой и попытался пройти мимо, но женщина, брюнетка, похожая на сочетание Сильваны Пампанини и Джины Лоллобриджиды, обхватила меня за шею и закричала:

— О, пойдем с нами, кожаная голова! Выпей и пошли. Мы двигаемся на праздник Плодородия на ферме Джоунса. Сам Поливайнос будет там. Он соизволит побаловаться с нами, смертными. И ты можешь со мной баловаться, чтобы урожай был хорош. Знаешь, я одна из любимых нимф Поли.

— Извините, — произнес я, — но мне нужно идти.

Я почувствовал, как что-то мокрое и теплое потекло по моей голове. Какую-то долю секунды я не мог сообразить, что это. Но когда унюхал хмельной запах Пойла, то отреагировал со всей яростью и свирепостью, которое возбуждала во мне эта жидкость. Прежде чем мужчина успел вылить еще хоть немного Пойла мне на голову, я вырвался из крепких объятий женщины и толк-

нул ее прямо на ее спутника. Оба упали.

Пока они поднимались, я подхватил Алису за руку и помчался с ней по дороге подальше от греха.

После того, как мы пробежали добрых полкилометра, я вынужден был перейти на шаг. Сердце мое стучало так, будто хотело выскочить из груди, а голова, казалось, разбухла до космических размеров. Даже мои предварительные занятия гимнастикой не предусматривали таких нагрузок.

И все же я ощущал себя не так уж плохо, потому что видел, что Алиса, хотя и была более молодой и прекрасно подготовленной, дышала так же тяжело, как и я.

— Они не гонятся за нами, — сказал я. — Вы знаете, мы настолько легко проникли вглубь этой территории, что даже интересно, как далеко может зайти колонна морской пехоты, если выйдет ночью. Может быть, именно так было лучше всего атаковать.

— Мы уже пытались четыре раза, — ответила Алиса. — Два раза днем, и два раза ночью. После первых трех попыток просто никто не вернулся, а что было с последней — вы сами прекрасно видели.

Некоторое время мы шли молча. Затем я сказал:

— Послушайте, Алиса, несколько раз мы уже могли нарваться на неприятности. Поэтому я предлагаю не обращать внимания на прежние обиды. Давайте начнем все сначала, как добрые приятели.

— Ни в коем случае! Я буду воздерживаться от пререканий, но о панибратстве не может быть и речи. Может быть, если мы напьемся этого Пойла, то, как знать, вы и понравитесь мне. Впрочем, я сомневаюсь, чтобы это произошло даже в этом случае.

Я ничего не ответил.

Ободренная — или разъяренная — моим молчанием, она сказала:

— Пожалуй, мы могли бы покончить со всем этим, напившись Пойла. Вода наша пропала, и если вас терзает жажда так же, как и меня, то вы согласитесь со мной. Мы будем без воды, по меньшей мере, еще часов четырнадцать, может быть, даже двадцать. И все это время шагать. Что случится, если нам придется все-таки попить воды, а пить будет неоткуда, кроме реки? Ведь не отравлена же она? По сути, мы знаем, что от этого мы, вероятно, будем счастливы. И это самое

наихудшее. Это вещество ИКС, или Пойло, или как вы там хотите его называть, является самым коварным из всех когда-либо изобретенных наркотиков. Приверженцы его кажутся не только постоянно счастливыми, они получают от него пользу.

Я был не в силах молчать.

— Это опасные речи!

— Вовсе нет, мистер Темпер. Просто факты.

— Мне это не нравится.

— К чему такая страстность?

— К чему? — мой голос стал сух. — К тому, что мои родители были наркоманами. Мой отец умер в государственной больнице. Мать излечили, но она сгорела во время пожара в ресторане, где работала поварихой.

Оба похоронены на старом Мелтонвиллском кладбище, что на самой окраине Онабека. Когда я был моложе, я по ночам навещал их могилы и выл на луну за то, что несправедливый бог позволил им умереть такой смертью, такой низкой и позорной. Я…

Голос ее стал тише, но был тверд и спокоен, когда она сказала:

— Извините, Дэн, мне очень жаль, что с вами это случилось. Но вы становитесь несколько

мелодраматичным, вам не кажется?

Я сразу же притих.

— Вы правы. Это только из-за того, что мне показалось, что вы решили подколоть меня, чтобы я захотел…

— Обнажить передо мной свою душу? Нет, спасибо. С меня достаточно того, что нам пришлось обнажить тела. Я не хочу причинить вам боль, но между старыми наркотиками и этим Пойлом нет никакого сравнения.

— А разве не дегенерируют те, кто пьет Пойло? Откуда вы знаете, что этого не происходит? Разве все это длится достаточно долго, чтоб можно было сказать что-нибудь определенное? И если все такие здоровые, невинные и счастливые, то почему Поливайнос пытался вас изнасиловать?

— Я, разумеется, ничуть не пытаюсь защищать этого болвана, — сказала она. — Однако0 Дэн, разве вы не уловили здесь совсем другую нравственную атмосферу? Здесь как будто не существует барьеров между мужчинами и женщинами, и они делают друг с другом все, что только им заблагорассудится. Разве вы не заключили из слов этой брюнетки, что Поливайнос берет себе любых женщин, и никто не возражает против этого? Он, вероятно, считал само собой

разумеющимся, что я захочу покататься с ним в траве.

— Хорошо, хорошо, — замахал я руками. — Но ведь это омерзительно! Я никак не могу понять, почему Дархэм сделал его богом плодородия, когда, кажется, должен был его ненавидеть?

— А что вам известно о Дархэме? — парировала она.

Я сказал ей, что Дархэм был невысоким, лысым и пузатым человеком с лицом, как у ирландского гнома, что жена держала его под каблуком, что у него была душа поэта, и он имел склонность цитировать древних греков и римлян, восторженно любил каламбуры и никак не мог подавить в себе желание когда-либо издать книгу своих эссе под названием «Золотой век».

— Но вы не сказали, что у него был мстительный характер.

— Насколько я знаю, у него был кроткий и терпеливый характер.

— Да? Моя сводная сестра Пегги написала, что ее возлюбленный Поливайнос терпеть не может Дархэма, так как сдавал его курс уже несколько раз. И не только это. Было очевидно, Дархэм прямо таки сохнет по Пегги. Поэтому Поливайнос досаждал своему профессору при каждом

удобном случае. Она написала об этом в своем последнем письме перед тем, как исчезла. И когда я прочитала в газетах, что Дархэм подозревается в убийстве, то даже не удивилась. В нем могло накопиться достаточно ненависти…

— Нет, профессор не таков, — возразил я. — Он мог потерять голову, но ненадолго.

— Все сходится! — торжественно сказала она. — Он превратил Поливайноса в осла, а затем ему стало его жаль, и он его простил. А почему бы и нет? Ведь теперь у него была Пегги.

— Тогда почему же Поливайнос снова не превратился в человека?

— Может быть, сам не захотел? Как мне известно, он специализировался по сельскому хозяйству, и если верить письму Пегги, то у него была натура Казановы.

— Неудивительно, Что вы так саркастически отнеслись к моей лекции, — сказал я. — Вы знали об этих двоих гораздо больше, чем я. Но это вовсе не извиняет ваши колкости в адрес моей лысины и вставных зубов.

Она отвернулась.

— Знаете, почему я это говорила? Потому что вы были в штатской одежде и вам были даны такие широкие полномочия.

Мне хотелось спросить у нее, не изменила ли она свое мнение. Кроме того, я подозревал, что она сказала далеко не все, что знала, но мне не хотелось на нее давить. Поэтому, я продолжал рассказывать ей о Дархэме. Кое-что я утаивал — самое важное. Но надо было как следует подготовить ее…

— Значит, — сказала она, — все, что здесь произошло, соответствует представлениям доктора Босуэлла Дархэма о гипотетическом Золотом Веке?

— Да, — кивнул я. — Он часто жаловался нам на лекциях, какую возможность упустили древние греки. Он говорил, что если бы боги удосужились взглянуть на своих смертных подопечных, они увидели бы, что можно покончить с болезнями, нищетой, несчастиями и войнами. Он утверждал, что древние боги были реальными людьми, которые тем или иным способом приобрели сверхчеловеческие способности, но не знали, как пользоваться ими, так как были несведущи в философии, этике и науке.

Он частенько поговаривал, что смог бы управиться получше, и однажды прочел нам лекцию «Как быть богом и получать от этого удовольствие». Она вызвала у нас смех, потому что трудно

было представить себе что-либо менее божественное, чем Дархэм.

— Это я знаю, — сказала Алиса. — Пегги писала мне, что именно это так раздражало Поливайноса. Он не понимал, что профессор просто сублимирует. Вероятно, он придумал золотой век как место, куда он мог бы сбежать от своей жены. Бедняга!

— Хорош бедняга! — фыркнул я. — Он сделал как раз то, о чем грезил. Многие ли могут похвастаться этим?

— Никто, — призналась она. — Но скажите мне, каков был главный тезис Дархэма в его «Золотом Веке»?

— Он утверждал, что история показывает, что так называемый обычный человек, Человек Вообще, это хороший малый, который хочет, чтобы его оставили в покое. Его идеалом является жизнь без болезней, с изобилием еды, развлечений, секса и привязанностей, без головной боли об оплате счетов и налогов, и пусть труда будет столько, чтобы не надоели развлечения, а главное, чтобы кто-нибудь думал вместо него. Большинство взрослых хотят, чтобы какой-либо бог все это для них устроил, пока они будут заниматься только тем, что им приятно.

— Он ничем не лучше Маркса и коммунистов! — воскликнула Алиса.

— Абсолютно не похоже, — возразил я. — Он сумел создать рай прямо здесь, стоит нам только посмотреть вокруг себя. Он не проповедовал какую-то особую идеологию. Он…

Я замолчал, боже! Я защищал профессора!

Алиса хихикнула.

— Вы изменили свое мнение?

— Нет, — покачал я головой. — Отнюдь нет. Потому что у профессора, должно быть, изменился склад ума. Он стал диктатором. Он применяет силу. Взгляните на Поливайноса.

— Это не пример. Он всегда был ослом, таким и остался.

Ответить я не успел. Горизонт на востоке осветился яркой вспышкой. Секундой — другой позже звук взрыва дошел до нас.

Мы были ошеломлены, поскольку знали, что подобные химические реакции никак не могут иметь место в этой долине.

Алиса схватила меня за руку и резко сказала:

— Может быть, это досрочно началось наступление? Или атака, о которой нам ничего не сказали?

— Не думаю. Почему именно в это место долж-

на быть направлена атака? Пойдем, посмотрим, что там произошло.

— Понимаете, я сперва думала, что это молния. Только… это было вроде молнии наоборот.

— Восходящая молния, вы это имели ввиду? — спросил я.

Она покачала головой.

— Нет. Ее ствол — был черным.

— Я видел молнии, которые ветвились как деревья. — начал я. — Но это первое дерево из всех… — Я замолчал и пробормотал: — Нет, это безумие. Нужно подождать с выводами, пока мы не попадем туда. Только тогда можно будет сказать что-нибудь определенное.

Мы сошли с проселочной дороги и повернули направо, на асфальтированное шоссе. Это была дорога из аэропорта в Мелтонвилл, находящийся километрах в двух отсюда. Еще один взрыв озарил восточную часть неба. На этот раз мы заметили, что он был гораздо ближе, чем мы считали поначалу.

Мы поспешили вперед, готовые сразу же броситься в заросли, если нам будет что-нибудь угрожать, а когда уже прошли не меньше километра, я остановился так неожиданно, что Алиса налетела на меня.

— Что случилось? — прошептала она.

— Я что-то не припомню, чтобы здесь проходило русло ручья, — медленно ответил я. — И абсолютно уверен, что не ошибаюсь, так как очень часто бродил здесь, когда был бойскаутом.

Однако теперь ручей был. Его сухое русло шло с востока, со стороны Онабека, и сворачивало на юго-запад, в сторону, противоположную реке. Оно прорезало шоссе, оставив промоину шириной метров в десять. Кто-то притащил два длинных древесных ствола и уложил их поперек расщелины, а затем покрыл их поперечными планками. Получилось что-то вроде грубого мостика.

Мы пересекли ручей и двинулись по шоссе дальше, но еще один взрыв слева от нас подсказал нам, что мы шли не в том направлении. Этот последний взрыв был очень близко, на краю большого луга, который, насколько я помнил, был когда-то стоянкой грузовиков.

Алиса потянула воздух носом и произнесла:

— Вы чувствуете запах горящих растений?

— Да. — Я указал ей на противоположную сторону ручья, где луна освещала берег. — Смотрите-ка.

На выжженной земле повсюду валялись разбросанные метров на пятнадцать обгоревшие

стволы и ветки, скорее всего сосен. Некоторые лежали на берегу, некоторые попадали в ручей.

Что все это значило? Мы подошли поближе. Там уже собралось около сотни людей и нам пришлось проталкиваться, чтобы посмотреть на то, что нас интересовало.

Но этого так и не удалось сделать, потому что внезапно раздался пронзительный женский вопль:

— Он влил слишком много Пойла.

Тут же взревел какой-то мужчина:

— Спасайся, кто может!

Ночь огласилась криками и шумом, замелькали голые тела. Все бежали и толкали друг друга. Однако, несмотря на все это беспокойство и спешку, все смеялись, как будто все это было очень удачной шуткой. Эта была странная смесь паники и веселья.

Я схватил Алису за руку, бросился бежать вместе с остальными. С нами поравнялся какой-то мужчина, и я крикнул:

— В чем опасность?

Это была невообразимая фигура, первый человек, на котором была какая-то одежда: красная феска с кисточкой и широкий зеленый кушак, обмотанный вокруг талии. С кушака свисал ятаган.

Услышав мой крик, он дико посмотрел на меня и крикнул:

— А?

Потом прокричал что-то прямо мне в ухо и побежал прочь.

— Что он сказал? — спросил я у Алисы.

— Я тоже ничего не разобрала.

В этот момент мы поняли, почему толпа неслась, сломя голову. За спиной раздался рев, какой мог издать лев, будь он величиной с гору. Взрывная волна опрокинула нас на землю. Вслед за ударом последовала волна горячего воздуха, град камней и земли обрушился на нас.

Я завопил от боли, потому что камень задел мою ногу. Какое-то мгновенье мне даже казалось, что у меня перелом.

Алиса закричала и обхватила меня за шею:

— Спасите меня!

Я бы с удовольствием это сделал, но кто собирался спасать меня?

Вдруг град камней прекратился, и сразу же утихли вопли. Затем раздался смех и восторженные возгласы, перекличка возбужденных голосов, и в лунном свете замелькали бледные тела людей, поднимавшихся, как приведения, из травы. Страх у этих необузданных созданий

проходил быстро. Теперь они уже подтрунивали друг над другом, вспоминая подробности бегства, и возвращались к источнику своего испуга.

Я остановил одну из женщин, красивую полногрудую деваху лет двадцати пяти — все женщины, пристрастившиеся к Пойлу, как я позднее выяснил, были красивы, хорошо сложены и молодо выглядели — и спросил:

— Что произошло?

— О, этот дурак копатель налил слишком много Пойла в дырку, — ответила она, улыбаясь. — Да это каждому ясно, что должно было произойти. Но этот дуралей нас не послушался, а его дружки такие же оболтусы, как и он, хвала Махруду.

Я смутился.

— Кто? Кто?

— Да, разумеется, копатели, лысенький мой дружок, — она быстро окинула меня одним острым взглядом с ног до самой макушки и добавила: — Если бы не это, я бы подумала, что ты еще не пробовал Пойла.

Я не знал, что она имела в виду, произнося слова «это». И посмотрел наверх, так как она указала рукой в этом направлении. Но ничего не увидел, кроме ясного неба и огромной искаженной луны.

Не желая продолжать свои расспросы, чтобы не вызвать подозрений, я оставил женщину, и вместе с Алисой последовал за толпой. Она направлялась в сторону только что взорванной ямы, и мне с первого же взгляда стало ясно, каким образом возникло неожиданное сухое русло. Кто-то высек его серией ужасных взрывов, которые мы уже имели удовольствие слышать.

Меня толкнул какой-то мужчина, он энергично работал ногами, все тело его было наклонено вперед, одна рука за спиной, а другой он держался за спутанные волосы на груди. На голове у него была огромная шляпа с плюмажем, какую изредка можно увидеть на голове какого-нибудь высокого чина, да и то лишь на параде. К поясу вокруг голой талии были привешена шпага в ножнах. Одеяние его дополняли ковбойские сапоги на высоких каблуках. Он сильно хмурился и нес в руке за спиной свернутую карту.

— Э… адмирал — окликнул я его.

Он, не обращая внимания, пробирался сквозь толпу.

— Генерал!

Он не поворачивал головы.

— Босс! Шеф! Эй, вы!

Он хмуро посмотрел на меня и пробормотал

что-то невнятное:

— Закройте рот, чтобы у вас не выпала челюсть, и пошли дальше — сказала Алиса.

Мы подошли к краю выемки. Она имела диаметр почти в десять метров и круто опускалась к центру. Глубина ямы была не менее семи метров. Точно посреди нее возвышалось какое-то огромное, почерневшее, обгоревшее растение. Это была кукуруза высотой не менее пятнадцати метров. Она опасно наклонилась, и стоило толкнуть ее пальцем, как она непременно упала бы на землю — прямо на нас… Вся выемка очень напоминала кратер метеорита. Так мне показалось сначала. Однако, судя по тому, как вокруг была разбросана грязь, этот метеорит, должно быть, вылетел снизу, из-под земли.

Но, поразмышлять над этим не пришлось, так как огромный стебель все-таки начал свое запоздалое падение.

Я был занят тем же, что и все остальные — мчался со всех ног прочь. После того, как стебель с грохотом рухнул, а толпа причудливо одетых мужчин, подцепив его к упряжке из десяти лошадей, оттащила в сторону, мы с Алисой вернулись к яме. На этот раз я опустился в картер. Почва под моими ногами была сухой и твердой. Что-то быст-

ро разогрело ее, так как грязь на примыкавшем к кратеру лугу была еще совершенно мокрой.

Несмотря на то, что в яме было очень жарко, копатели, как муравьи, бросились вниз и начали вовсю работать лопатами, кирками у западной стены. Их вожак, мужчина в адмиральской шляпе, стоял посредине и, держа двумя руками карту, исподлобья ее рассматривал. Время от времени он подзывал кого-либо из подчиненных, повелительным жестом показывая что-то на карте, а затем обозначал место, где ему нужно было орудовать лопатой.

Однако им ничего не удавалось найти. Люди, стоявшие на гребне кратера — подобно обычной толпе, собирающейся в центре большого города, когда копают какую-нибудь яму — покрикивали и давали советы, на которые никто не обращал внимания. Они передавали друг другу бутылки с Пойлом и неплохо проводили время.

Неожиданно полу-Наполеон взревел от ярости и так взмахнул вверх руками, что карта затрепетала на ветру. Между ним и его людьми началась словесная перепалка, но из того, что они кричали, ничего нельзя было разобрать.

Результатом всего этого было то, что все, кроме одного человека, перестали копать. На нем был

цилиндр и две дюжины наручников. Он опустил какое-то семя внутрь глубокого отверстия, выкопанного в стенке ямы. Потом наполнил его грязью, уплотнил ее и воткнул тонкий железный прут в почву. Другой мужчина в маске арлекина и продолговатом прусском шлеме времен первой мировой войны вытащил прут и стал лить в дыру Пойло из огромного кувшина. Почва жадно впитывала жидкость.

Наступила тишина. И копатели, и зрители внимательно наблюдали за церемонией. Вдруг одна из женщин на краю выемки закричала:

— Он снова льет слишком много! Остановите дурака!

Наполеон свирепо посмотрел вверх, и в его словах отчетливо прозвучали весьма непристойные ругательства.

Тот час же почва загремела, затряслась земля, поверхностная корка вздыбилась, что-то треснуло.

— Скорее за холмы! На этот раз ему все-таки удалось!

Я не знал, что ему удалось на этот раз, но сейчас было совсем не подходящее время задавать вопросы.

Мы вскарабкались наверх и побежали через

луг. Когда мы были уже на полпути к дороге, я поборол заразительную панику и рискнул взглянуть через плечо. И увидел это!

Я увидел, как взорвался колоссальный подсолнух и стал стремительно расти! За доли секунды он достиг размеров секвойи. Он взметнулся высоко-высоко и загорелся.

Однако почва не смогла удержать нижнюю часть его стебля, и он стал валиться, похожий на объятую пламенем башню.

Нам удалось увернуться, но сделали мы это в последнюю секунду, и какое-то мгновение мне даже показалось, что эта пылающая громада накроет нас.

Грохот, треск, мы все попадали, ошеломленные, не в силах даже шевельнуться. Однако уже в следующее мгновение мы вскочили, и в лунном свете засверкали наши голые задние части.

— О, боже Дэн! Как мне больно! — закричала Алиса.

Я ее понимал, потому что у меня было обожжено то же самое место. Я даже подумал о том, что здесь-то и пришел конец нашей экспедиции, так как мы нуждались в немедленной медицинской помощи, и нам необходимо было как можно скорее возвращаться назад, в штаб-квартиру, чтобы

получить ее.

Случилось иначе. Эти первобытные люди, очевидно, забыли все достижения современной медицины. Привлеченные нашим жалким состоянием, двое мужчин, прежде чем я успел что-то возразить, вылил нам на спину содержимое двух ведер.

Я завопил от ужаса, но бежать было некуда, кроме костра. Хотя даже Пойло лучше, чем пламя. К тому же в рот и на лицо не попало капли.

Тем не менее, я собирался сердито протестовать против этих глупых шуток, когда нам было не до них из-за мучительной боли. Но тутже обнаружил, что никакой мучительной боли уже не испытываю.

Я не мог собственными глазами увидеть то, что происходило со мной, но прекрасно видел, как реагировала на это Алиса. Она стояла ко мне спиной и мгновенно перестала хныкать. Под влажной пленкой Пойла волдыри опадали, и сквозь них виднелась молодая розовая кожа.

Это было настолько неожиданно, что Алиса даже забыла о нашей вражде и, положив мне голову на грудь, заплакала от радости.

— О, Дэн, Дэн! Разве это не замечательно?

Мне очень не хотелось расхваливать действие

этого средства. Как и у всякого наркотика, его полезное действие проявлялось при правильном употреблении, но при злоупотреблении он мог стать ядом.

— Идемте, нам нужно вернуться, — сказал я и, взяв ее за руку, повел к новому кратеру. Я чувствовал, что обязан разрешить загадку этих копателей, и подумал о той похвале, которую мог бы заработать, предложив новый метод ведения боевых действий — бросать с воздушных шаров ящики, наполненные семенами и Пойлом. А пушка, снаряды которой будут лететь под действием реактивной силы, вызываемой ростом семян с помощью Пойла? Только как прочищать пушку от растений после каждого выстрела? Придется содержать целый взвод садоводов.

Запутавшись в рассуждениях, я отбросил эту идею. Высшее армейское начальство мне все равно не поверит.

Копатели работали быстро, со всей энергией, которую придавало им Пойло. Всего за пятнадцать минут они погасили огонь и убрали с дороги обуглившийся ствол. После этого они сразу же начали копать в склонах и на дне выемки.

Я молча наблюдал за ними. Они, казалось, повиновались распоряжениям мужчины в ад-

миральской шляпе и непрерывно совещались то с ним, то между собой. Никто из них не желал понимать того, что говорил другой. По сути, все эффективное общение между ними достигалось гримасами и жестами.

Что ж, подумал я, ничего особо нового в этом нет, хотя мне никогда не приходилось видеть, чтобы подобное происходило в столь крупном масштабе. И что — или кто — был в ответе за это?

Еще раз, теперь уже устало, я спросил у одного из зрителей, что происходит. Эти люди, казалось, не были способны говорить о чем-нибудь серьезном, но всегда был шанс, что мне попадется какая-нибудь «белая ворона».

— Я расскажу тебе, незнакомец. Эти люди — живые свидетельства того, как не окупается искажение религии ради собственных целей.

Он отпил из фляжки, болтавшейся на цепочке вокруг его шеи, и предложил мне глоток. Когда я отказался, он удивленно посмотрел на меня, но не обиделся.

— Это были руководители округа как раз перед тем, как Махруд ясно доказал, что он — Настоящий Бык. Вы понимаете, кто это — проповедники, большие и малые бизнесмены, редакторы газет,

игроки на бирже, адвокаты, банкиры, профсоюзные боссы, врачи, комментаторы, профессора, колледжей. Люди, которые полагают, что знают, как лечить ваши социальные, экономические, финансовые, административные, духовные и прочие болезни — даже если разбудить их посреди ночи. Они знают Верное Слово, понимаете? Слово, которое, понимаете, все ставит на свои места.

Единственной неприятностью было то, что после того, как Пойло начало свободно течь, все, кто пил из Священной Бутылки, перестали обращать хоть какое-нибудь внимание на этих столпов общества. Они упирались из последних сил, но затем, понимая, что поток все равно не остановишь, решили, что лучше все-таки не стоять против течения. Ведь если все это делают, то, должно быть, это правильно и так надлежит поступать.

Поэтому, напившись Пойла в достаточном количестве, чтобы набраться духу, но все-таки не так много, чтобы стать веселыми, но махрудобоязненными гражданами, они объявили себя пророками новой религии. И с тех пор, согласно их широко разрекламированным заявлениям, никто, кроме них, не подходит для того, чтобы

проводить поклонение Большому Быку.

Разумеется, Шину — Пророк Погоды, Поливайнос и Аллегория не обратили на них никакого внимания, и поэтому они были осуждены как ложные божества.

Вам смешно, да? Но все происходило именно так, и продолжалось до тех пор, пока Махруд — да благоденствует его народ во веки — не пришел в ярость. Он объявил, посредством Пророка Погоды, что эти столпы общества являются ложными пророками. В качестве наказания он собирался сделать им подарок, который раньше уже делал дюжине Красавчиков в Пеленках.

Вот что он им сказал: «Вы говорили народу, что вы, и только вы, владеете Настоящим Быком и знаете Истинное Слово. Что ж, пусть будет так. Только это будет такое Слово, что его будет понимать только один человек, а для любого другого человека это будет незнакомый язык. А теперь — проваливайте!».

Но потом, увидев, как эти несчастные, спотыкаясь, пытаются говорить друг с другом и с другими людьми и все больше теряют рассудок, Махруд почувствовал к ним жалость. Поэтому он сказал: «Послушайте, я дам вам один шанс. Я спрячу ключ от всех ваших затруднений где-то в этой

долине. Ищите его. Если найдете, то исцелитесь. И тогда все будут вас понимать».

Поэтому он дал им карту — всем им, запомнили? — но этот полуодетый Наполеон схватил ее и держит у себя на том основании, что он говорит наиболее непонятно из всей этой банды. С тех пор он руководит поисками ключа, который снимет с них заклятие.

— Вот почему они все взрывают и копают? — спросил я, испытывая головокружение.

— Да, они следуют карте, — ответил он, смеясь.

Я поблагодарил его и, подойдя сзади к человеку в адмиральской шляпе, заглянул через его плечо. Карта была покрыта длинными извилистыми линиями с многочисленными короткими ответвлениями. Этим линиям и следовал полу-Наполеон, вырезая на поверхности земли свои траншеи, одну из которых я принял за высохшее русло ручья.

— Эта карта — схема нервной системы человека, — сказал я Алисе. — А он следует по одному из ответвлений блуждающего нерва.

— Блуждающего? — пробормотала Алиса. — Что же все это может означать?

Когда мы начали выбираться из ямы, я сказал:

— Похоже, что мы присутствуем при родовых

схватках новой мифологии. За основу одного из полубогов взят известный персонаж комиксов, За основу другого — его упрямая и похотливая натура. И мы видим, что главное божество основывает почитание себя — по крайней мере, в одной из своих ипостасей — на прозвище, данном ему, когда он был простым смертным. Все это заставляет меня взять под сомнение те источники, на которых были построены прежние пантеоны и мифы. Неужели они тоже основывались на таких случайных, необязательных чертах?

— Дэниэль Темпер! — рассмеялась Алиса. — Вы говорите так, будто верите в существование древних языческих богов и в то, что этот Махруд на самом деле является одним из них!

— Перед тем, как попасть сюда, я бы вдоволь посмеялся над любой из таких гипотез, — усмехнулся я. — Но как вы объясняете то, что здесь увидели?

Дальше мы взбирались, не разговаривая. На краю ямы я еще раз взглянул на копателей, на этот предметный урок, преподанный Махрудом. Они ковырялись усердно, как всегда, игнорируя непристойности, отпускаемые в их адрес зеваками. Самое смешное, подумал я, заключается в том, что эти запутавшиеся люди, смеющиеся над

копателями, еще не уловили простой факт, что копатели символизируют то, что может случиться и со зрителями, если им вздумается пуститься в путешествие за пределы их нынешнего образа жизни, их беззаботного и счастливого, однако застойного счастья.

Столь же явно, как торчали уши из головы Бога — Осла, ужасное положение этих ковыряющихся сынов Вавилона говорило каждому: чтобы найти ключ, смотри внутрь самого себя.

Этот совет, наверное, был сформулирован еще первым философом пещерных людей.

Среди грязи вокруг выемки сверкнуло что-то металлическое. Я подошел и понял. Это была серебряная отвертка с длинной рукояткой.

Если бы я не знал очень хорошо своего старого преподавателя, то, думаю, ни за что бы не понял, почему здесь появилась эта отвертка. Но за годы учебы я привык к его необычным методам сопоставления фактов, и потому понял, что в моей руке еще одна из его серьезных шуток — принадлежность, предназначенная для того, чтобы занять свое место в перечне мифов, возникающих в этой Олимпийской Долине.

Есть легенда о ящике Пандоры, о кувшине Филемона и Завкиды, о лике Медузы, об отданном в

залог глазе Одина. Почему бы не быть еще легенде о Серебряной Отвертке?

— Помните, — стал я объяснять Алисе, — сказку о мальчике, который родился с золотым винтиком в своем пупке? Как всю свою жизнь он удивлялся, для чего ему этот винтик? Как он стыдился того, что он отличается от всех остальных и должен прятать свой пупок? Помните, как он, в конце концов, нашел врача, который велел ему идти домой и увидеть во сне волшебницу? И как королева Цитания соскользнула по лунному лучу и дала ему серебряную отвертку. И каким, после того, как он отвинтил золотой винт из своего пупка, ощущал он себя счастливым, став нормальным и способным жениться? Как он уже не боялся того, что над ним будут смеяться и, в первую очередь, его невеста? Помните, он забыл обо всех своих тщетных размышлениях о назначении золотого винта? И как он, очень счастливый, встал со стула, чтобы взять сигарету? И как вывалились его внутренности оставшиеся незакрепленными?

— Неужели вы хотите отдать ее копателям? — спросила она. — Хотя это избавило бы их от всех этих взрывов и раскопок. Они смогли бы успокоиться и стали бы нормально разговаривать.

— Я уверен, что они сотни раз натыкались на нее и отшвыривали в сторону, отказываясь понять ее подлинное значение.

— Может быть и так — но что же это означает?

— Просто еще одно подтверждение, — раздраженно сказал я, — того факта, что им следует искать ответ внутри себя, что им нужно больше размышлять над природой наказания и извлечь для себя урок.

Мы пошли прочь. Весь этот инцидент оставил отпечаток печали на моем настроении. Я, казалось, погружался все глубже и глубже в потемки, устроенные существом, которое смеялось надо мною из какого-то далекого туманного прошлого. Неужели это было простое совпадение, что нас повстречал Аллегория и дал нам свой несколько зловещий знак?

Времени на то, чтобы все хорошо обдумать, у меня почти не было, потому что как раз в этот момент мы вышли на объездную дорогу, которая вела к государственной больнице. Я взглянул вдоль нее и увидел белые камни кладбища за высоким забором из проволоки. Наверное, я стоял так довольно долго, потому что Алиса спросила:

— В чем дело?

— Кладбище государственной больницы как

раз за этим забором. Мелтонвиллское кладбище находится совсем с другой стороны. Отец мой покоится в государственной земле, мать лежит на сельском кладбище. Они разлучены и в смерти так же, как были разлучены в жизни.

— Дэн, — спокойно сказала Алиса, — нам нужно поспать несколько часов, прежде чем мы двинемся дальше. Мы проделали большой путь. Почему бы нам не проведать могилы ваших родителей, а затем поспать где-нибудь? Как вы к этому относитесь?

— Весьма положительно. Спасибо за такую мысль, Алиса, — ответил я, с трудом подбирая слова, — вы — прекрасный, замечательный человек.

— Ну что вы! Это просто уместно сделать именно сейчас. — Надо же было ей все испортить, когда я уже начал чувствовать к ней расположение.

Мы побрели по дороге. Навстречу нам попался большой рыжий детина. Он во все глаза рассматривал Алису так жадно, что я уже начал ждать от него тех же неприятностей, что и от Поливайноса. Но как только он взглянул на меня, то тут же остановился и громко, и раскатисто рассмеялся. Когда мы проходили мимо, я ощутил знакомый

запах. От него ужасно воняло Пойлом.

— Что это такое с ним?

— Не знаю, — сказала Алиса, глядя на меня. — Подожди-ка. Конечно — же! Поливайнос и все остальные, должно быть, с самого начала знали, что вы новенький.

— Почему?

— Потому что вы лысый! Вы видели здесь хоть одного лысого? Нет! Вот почему все эти парни смеются.

— Если это так, то я меченый! И Поливайнос может сообщить своим почитателям, по какой главной примете меня можно найти.

— О, все не так плохо, — улыбнулась Алиса. — Наверняка новенькие появляются все время, да еще большое количество бывших солдат только начали изменяться. Вы могли бы легко сойти за одного из них. — Она взяла меня за руку. — Ну что ж, идемте, давайте поспим немного. А после обсудим все еще раз.

Мы пошли на кладбище. Среди кустов мирно паслись, похожие в лунном свете на серебристые статуи, овцы и козы. Поэтому могилы не заросли травой, и я легко мог ориентироваться.

Вот мы и у цели… я отпрянул.

Могила моей матери зияла как огромный без-

зубый рот. На дне ее стояла черная вода, гроб был наклонен. Очевидно, он был поднят, а затем небрежно опущен назад. Крышка его была открыта. Он был пуст.

Стоявшая сзади Алиса прошептала:

— Спокойно, Дэн. Нет причин для такого волнения.

— Так вот они какие, твои великолепные люди, Алиса, эти боги, и нимфы Нового Золотого Века. Грабители могил! Вурдалаки!

— Я так не думаю! Им не нужны деньги или драгоценные камни. Давай поглядим вокруг. Должно же быть какое-то другое объяснение.

Мы внимательно огляделись, И увидели Мокрого Козла.

Он сидел, опершись спиной о надгробный памятник. И был таким большим, темным и неподвижным, что, казалось, что он был вылит из бронзы и сам является частью этого памятника. Он был похож на «Мыслителя» Родена — только в котелке и набедренной повязке. Но что-то все-таки оживляло его фигуру, и, когда он поднял голову, мы увидели блеснувшие в лунном свете слезы.

— Вы бы не могли сказать, — взволнованно начал я, — почему раскопаны эти могилы?

— Конечно же, мальчик мой! — Акцент у него был провинциальный. — Кто-то из ваших родных захоронен здесь?

— Матушка, — ответил я.

Слезы еще быстрее полились по его лицу, он потянул носом.

— Веруй, м-мальчик, это самое главное. Счастье тебе будет, когда я расскажу славную новость. Моя дорогая жена, понимаешь, тоже была похоронена здесь.

Я не узрел ничего такого, что меня могло бы осчастливить однако ничего не сказал, а только приготовился слушать дальше.

— Да, м-мой мальчик — ты прости меня за то, что я так к тебе обращаюсь. Я ведь ветеран еще испано-американской войны и на пару годков постарше тебя. По сути, если б не благословенное пришествие Махруда — не приведи господь, чтоб он споткнулся — я теперь бы помер от старости и кости мои покоились бы на барже вместе с косточками моей женушки…

— Какой барже? — перебил я его.

— Какой барже? — переспросил он. — Где же ты был? О, да-да, ты ведь новенький. — Он указал пальцем на мою голову, чтобы, как мне показалось, подчеркнуть, что я лысый. — Веруй,

м-мальчик, ты должен поспешить в Онабек утром и увидеть, как отплывает баржа с костями. Это будет Великий День, не сомневайся в этом. Будет много Пойла и жареного мяса, а любви столько, что и за неделю не отойдешь.

Переспрашивая по нескольку раз, я узнал, что Махруд велел выкопать останки всех мертвецов на кладбищах своей Территории и перевезти их в Онабек. На следующий день баржа с костями пересечет Иллинойс и разгрузится на восточном берегу. Что будет потом — этого не знали даже младшие боги — но все были уверены в том, что Махруд намерен воскресить всех покойников. И все спешили в город, чтобы быть свидетелями такого события.

От этой новости я почувствовал себя лучше. Если на дорогах и в самом городе будет много народу, то проще затеряться в толпе.

— Это правда, так же, как зовут меня Мокрый Козел, — продолжал старик в котелке. — Сверхбык зашел слишком далеко. Он пытается воскресить мертвых, но наверняка не сможет этого сделать! И что же тогда будет с верой народа в него? И где буду я? — Он заплакал. — Я снова окажусь без работы, снова потеряю свое ремесло — я, который верой и правдой служил Старому Богу,

пока не увидел, что почва уходит у него из-под ног, и что Махруд стал восходящим божеством на день сегодняшний. Таким богом, как в былые прекрасные дни, когда боги были богами, а люди — гигантами! А теперь Махруд — Бык его имя — этот негодник Махруд может опростоволоситься, и больше уже никогда не сможет восстановить свою репутацию. И я стану самым жалким на свете из всех несчастных, пророком без доброго имени. Что же хуже, меня должны были вот-вот произвести в статус четверть-бога — я продвигался очень быстро за счет преданности, усердия и того, что помалкивал, когда надо — а Быку захотелось поразвлечься перед народом головоломным фокусом. Что ему не хватало? Как по мне, то он уже достаточно всего понаделывал.

Наконец я выудил из него, что он не столько боялся того, что Махруд потерпит неудачу, сколько опасался, что его затея увенчается успехом.

— Если Махруд на самом деле облечет старые кости в новую плоть, то моя вечнолюбимая жена станет меня разыскивать, и жизнь моя не будет стоить даже старого медного пятака. Она ни за что не забудет и не простит мне того, что это я спустил ее с лестницы десять лет назад, отчего она и сломала себе шею. И для нее не будет особой

радости в том, что воскреснув, она станет лучше, чем когда-либо, что у нее будет новая прекрасная фигура и миловидное лицо вместо той грубой хари. Сердце-то у нее останется таким же черствым и каменным. О, боже!

Безусловно, жизнь моя была несчастна с того самого дня, когда я открыл свои невинные голубые глаза — абсолютно чистые, если не считать первородного греха, но Махруд сказал, что такового нет в догматах — и впервые узрел дневной свет. Несчастлив я был, несчастливым буду жить и дальше. Мне даже не суждено вкусить сладких мук смерти, ибо как солнце встает на востоке, и Дархэм стал быком и переплыл Иллинойс с прекрасной Пегги у себя на спине и сделал ее своей невестой — так столь же безусловно я не смогу даже умереть, потому что моя вечнолюбимая жена разыщет мои бренные останки и потащит их Махруду, а сама станет ждать, когда я воскресну.

Я уже устал слушать этот поток преувеличений, столь же неиссякаемый, как воды Иллинойса.

— Спасибо вам, мистер Мокрый Козел, — сказал я, — и спокойной ночи. Впереди у нас долгая дорога.

— Не за что, м-мальчик мой. Только вот имя у меня совсем другое. А это только прозвище, кото-

рое дали мне ребята из ратуши, потому что…

Этого я уже не стал слушать, а просто пошел к могиле матери и прилег рядом. Заснуть мне не удалось, так как все время разговаривали Алиса и этот чудной старикан. Затем, только-только я задремал, как меня растормошила Алиса и настояла на том, чтобы пересказать мне все то, что только что поведал ей Мокрый Козел.

Обратил ли я внимание на его белую набедренную повязку? Хорошо. Так вот, если бы Мокрый Козел встал, то я увидел бы, что она сложена треугольником. И тогда я бы понял, что это удивительно похоже на то, как пеленают новорожденных. Это сходство не было случайным, ибо Мокрый Козел был одним из Дюжины Красавчиков в Пеленках.

Более того, если бы он встал, то я бы заметил желтое свечение, исходящее от него сзади, сияние, по цвету и местоположению совсем как у светлячка.

Оказалось, что вскоре после того, как в полную силу стал проявляться эффект Пойла, и жители Онабека отвернулись от внешнего мира, многочисленные самозваные пророки пытались воспользоваться благами новой религии. Каждый представлял свою собственную теорию пока

еще незапятнанного и недопонятого символа веры. Среди них были двадцать государственных деятелей, которые уже много лет опустошали городскую казну. Так как это было в то время, когда содержимое Бутылки воздействовало на природу вещей еще не очень заметно, то они сначала не поняли происходящего.

Резко снизила свои обороты промышленность. Сквозь асфальт стали пробиваться трава и деревья. Люди постепенно теряли интерес к повседневным заботам. Сдерживающие факторы постепенно исчезали. Вражда, неприятности и болезни уходили куда-то прочь. Страхи, бремя забот и скука рассеивались, словно по взмаху волшебной палочки, как утренний туман под лучами восходящего солнца.

Наступило время, когда люди перестали ездить в Чикаго по делам или для веселого времяпровождения, когда перестали ходить в библиотеки за книгами, когда издатели и репортеры ежедневных газет не могли набрать достаточно материала для подготовки номера, когда крупнейшие в мире — в своей отрасли — моторный завод и завод по производству крепких напитков — издали последний гудок, когда люди повсеместно поняли, как плохо они жили раньше, и

что теперь их ждет лучшее и более счастливое общество.

Примерно к этому времени прекратила свою работу и почта. Безумные телеграммы и письма шли в Вашингтон и в столицу штата, правда, из других городов, так как местные телеграфистки бросили работу. Именно тогда Управление по делам Лекарств и Наркотиков, Налоговая инспекция и Федеральное Бюро Расследований выслали в Онабек своих агентов на разведку. Но эти агенты не вернулись. Были посланы другие, но и они не смогли устоять перед Пойлом.

Пойло еще не обрело вершины своего могущества, когда Дархэм открыл себя в качестве Махруда, взяв в посредники некоего Шинда. Еще существовала некоторая оппозиция, причем наиболее сильный отпор происходил от двенадцати политических деятелей. Они организовали митинг в сквере перед зданием суда и стали подстрекать собравшихся последовать за ними и напасть на Махруда. Сначала они хотели направиться к Трайбеллскому университету, где в метеодомике жил Шинд.

— А затем, как сказал один из двенадцати, потрясая кулаком в сторону тонкой струйки Пойла, бившей из Бутылки на ближайшем холме, мы

линчуем этого спятившего профессора, назвавшегося Махрудом, этого одуревшего от чтения поэзии и философии университетского придурка. Друзья, граждане, американцы, если этот Махруд на самом деле бог, как заявляет Шинд, еще один безумный ученый, то пусть он поразит меня молнией! Меня и моих смелых друзей!

Все двенадцать стояли на трибуне в скверике перед зданием суда. Они смотрели на главную улицу и дальше на холмы за рекой. Они вызывающе уставились на восток. Но в следующее мгновение вся дюжина была вынуждена позорно бежать и больше уже никогда не показывала открытого неповиновения Сверхбыку.

Алиса начала хихикать.

Они были поражены несчастьем, которое не столь разрушительное, как молния, и не столь впечатляющее, но гораздо более деморализующее. Махруд послал на них немочь, которая потребовала от них постоянного ношения пеленок по той самой причине, по которой они требуются грудным детям. Разумеется, это убедило Дюжину Красавчиков в Пеленках. Но эта бесстыжая свора бывших отцов города тут же полностью перестроилась и стала заявлять, что они все время знали, что Махруд является Насто-

ящим Быком, и что они устроили митинг для того, чтобы впечатляюще провозгласить о своем переходе в новую веру. Теперь же он предоставил именно им монополию на божественные откровения. Если кто-нибудь хочет войти с ним в контакт, пусть подходит только к ним и платит за место в очереди.

Они все еще не могли осознать того, что деньги уже ничего не значат!

Они даже были настолько близоруки и нахальны, что стали молиться Махруду, чтобы он каким-то особым знаком подтвердил их законное место среди пророков. И Сверхбык ниспослал им знак святости. Он дал им постоянное желтое свечение, своего рода ореол.

Алиса залилась хохотом, дергая коленями и подскакивая.

— Разумеется, Дюжина должна была испытать экстатическое счастье. Но этого не случилось. Ибо Махруд лукаво окружил этим ореолом такое место, что для того, чтобы они могли продемонстрировать свой знак святости, необходимо был встать. И, хотите верьте, хотите нет, эти тупоголовые двенадцать апостолов отказываются признать, что Махруд огорчил их. Наоборот, они постоянно бахвалятся расположением своего

ореола и пытаются заставить всех остальных носить пеленки. Они говорят, что полотнище вокруг поясницы такой же знак истинной веры в Махруда, как тюрбан или феска — верующего в Аллаха.

Естественно, подлинная причина в том, что они просто не хотят выделяться среди остальных. Не то, чтобы они возражали против того, чтоб быть выдающимися людьми. Просто они не хотят, чтобы их одежда напоминала людям об их немочи или об их изначальном грехе.

Слезы капали из глаз Алисы, хохот душил ее.

Однако, я не заметил в этом ничего забавного, о чем ей и сказал.

— Вы так ничего и не поняли, Темпер, — заявила она. — Это состояние вполне поправимо. Все, что Красавчики должны сделать, это молить Махруда, чтобы он избавил их от немочи. Они мгновенно станут такими же, как все остальные. Однако гордыня не позволяет им сделать это. Они настаивают на том, что это благодеяние и знак особого расположения к ним Быка. Они страдают, да, но им, похоже, нравится страдать. Так же как Мокрому Козлу нравится сидеть у надгробного камня своей жены — как будто этим он не пускает ее из-под земли — и хныкать о своих несчастиях.

Он и ему подобные ни за что на свете не откажутся от своего наказания!

Она снова стала громко смеяться. Я присел, схватил ее за плечи и притянул к себе поближе, чтобы проверить запах из ее рта. Но никаких намеков на Пойло не было, значит, она не пила из бутылки Мокрого Козла. Просто ее охватил истерический хохот.

Обычно в таких случаях самое лучшее средство для того, чтобы вернуть женщину к нормальному состоянию — это звонко отшлепать ее по щекам. Но в данном случае все произошло наоборот, поскольку она первая отвесила мне пощечину — и притом очень звонкую. Эффект был тот же самый. Она перестала смеяться и стала на меня смотреть.

Я держался за пылающую щеку.

— А это за что?

— За то, что вы захотели воспользоваться моим положением, — гордо сказала она.

Я был настолько возмущен и застигнут врасплох, что мог только заикаясь пробормотать:

— Я только… я только…

— Держите свои руки при себе, — отрезала она. — Не принимайте мое сочувствие за любовь. И не думайте, что из-за того, что эти бездельники

и бездельницы, нахлебавшись Пойла, творят черт знает что и валяются с кем попало, я последую их примеру.

Я повернулся к ней спиной и закрыл глаза. Но чем дольше я лежал и чем больше думал о ее неверном истолковании моего поступка, тем больше загорался гневом. Наконец, весь вне себя от злости, я снова сел и повелительно позвал:

— Алиса!

Она должно быть тоже не спала, так как сразу же уставилась на меня своими большими глазами.

— Что?

— Я забыл вернуть вам это.

Затем, не дожидаясь ее реакции на мой удар по щеке, я лег и снова повернулся к ней спиной. Не скрою, кожа на моей спине была холодной и напряженной. Я все ждал, когда она разъяренно вонзит в нее свои ногти.

Но ничего подобного не произошло. Сначала тишину нарушало только наше дыхание. Затем, вместо нападения, дыхание ее стало прерывистым, после чего последовали всхлипывания, постепенно перешедшие в рыдания и вытирание слез.

Я держался сколько мог. Затем привстал и

сказал:

— Может быть, мне и не стоило бить вас. Но вы не имели права считать само собой разумеющимся, что я пытаюсь заняться любовью с вами. Послушайте, я понимаю, что я вам отвратителен, но это не помешало бы мне добиваться вашей благосклонности. Просто у меня есть еще гордость, и вы должны понять, что я не собираюсь терять голову от страсти. Почему это вы думаете о себе, что вы Елена Троянская или Клеопатра?

Я разошелся вовсю. Обычно я стараюсь сгладить трения, но на этот раз был суров и резок. Она вскочила и попыталась уйти. Я поймал ее уже у ворот кладбища.

— Куда это вы собираетесь?

— К началу главной улицы в Онабеке, штат Иллинойс, чтобы наполнить там бутылку Варевом для анализа. А затем как можно скорее сообщить обо всем отцу.

— Дурочка. Вы не сможете этого сделать! Вам же было сказано не отлучаться от меня!

Она отбросила назад свои длинные черные волосы.

— В моих инструкциях об этом ничего не говорится! Если, по моему мнению, ваше присутствие станет угрожать выполнению нашей миссии,

я могу покинуть вас. И полагаю, что сейчас вы представляете определенную опасность — если не для нашей миссии, то, по крайней мере, для меня.

Я схватил ее за руку и развернул.

— Вы поступаете как девчонка, а не как майор морской пехоты США! Что это на вас нашло?

Она попыталась высвободить руку. Это еще больше разъярило меня, но когда она ударила меня кулаком, я совсем обезумел. Правда, не на столько, чтобы промахнуться по ее щеке ладонью. Тогда она применила ко мне захват, которым могла сломать мне руку, если бы я не знал контрприема. После этого я уложил ее на бок, заломив обе руки за спину.

— Ну так что же? — проскрежетал я. — Порядок?

Она не ответила, продолжая неистово извиваться, хотя и понимала, что уже не в состоянии вырваться. Затем, признав свое бессилие, стала стонать.

— Я, кажется, не так уж и плох?

Она прекратила борьбу и очень тихо сказала:

— Да, не так уж.

Я освободил ее руки. Она откатилась на спину, но не пыталась подняться.

— Вы имеете ввиду, — сказал я, еще не в состоянии ей поверить, — что вы влюблены в меня так же, как я в вас?

Она снова кивнула. Я поцеловал ее с тем же пылом, с каким секунду назад боролся с ней.

— До сих пор не могу в это поверить, — продолжал я. — Для меня, конечно, совершенно естественно влюбиться в вас, даже если вы каждым своим поступком показываете, что ненавидите меня до мозга костей. Но почему вы влюбились в меня? Или, если не можете на это ответить, почему вы изводили меня?

— Вам это не понравится, — ответила она. — Я могла бы сказать вам то, что сказал бы любой психолог. Мы оба выпускники колледжа, имеем профессию, интересуемся искусством, и так далее. Разумеется, большой разницы не было бы. Но какое это имеет значение? Поверьте, что я не хотела этого. Я боролась с этим чувством, использовала старый принцип Джеймса, помните: «если вы хотите быть чем-нибудь, будьте им». Я пыталась во всем поступать так, будто вас ненавижу.

— Но почему? — потребовал я. — Почему?

Она повернула голову в сторону, но я взял ее за подбородок и заставил смотреть мне в глаза.

— Говорите честно!

— Вы знаете, что я терпеть не могла то, что вы лысый. Так вот, нельзя сказать, что я так считала на самом деле. Наоборот ваша лысина мне

даже нравилась. И в этом была вся заковырка. Я проанализировала все, что со мной происходит и решила, что полюбила вас, потому что у меня комплекс Электры. Я…

— Вы имеете в виду, — перебил я ее, повышая голос, — что из-за того, что я был таким же лысым, как ваш отец, и несколько старше вас, у вас появилось ко мне чувство?

— Нет! Совсем не так. Это помогло мне притворяться, что я вас люто ненавижу, чтобы потом уже не обращать на это внимание.

Если сказать, что я был поражен, то это значило бы ничего не сказать. Алиса Льюис была одним из тех продуктов современности, которые настолько привыкли копаться в собственной психике, что могли рассматривать нескрываемую любовь детей к родителям как проявление какого-то комплекса и знак того, что им нужно, немедленно бежать к ближайшему психоаналитику!

— Я в жутко затруднительном положении, — заявила она. — Я не знаю — или вы просто замещаете в моей психике образ отца, или я на самом деле люблю вас. Я полагаю, что все-таки я…

Она положила руку на мой лысый череп, чтобы погладить его. Я попытался отвести голову в сторону, но она хлопнула меня по голове и

воскликнула:

— Дэн, у вас на голове пушок!

— Что? — спросил я и провел по голове ладонью. Она была права. Очень слабая поросль покрывала мою голову. — Значит, — сказал я в одно и то же время восхищенный и пораженный, — именно это имела в виду нимфа, когда, показывая на мою голову, сказала, что если бы не это, она бы подумала, что я еще не пробовал Пойла! Пойло, которое тот малый вылил мне на голову. Вот что сделало это! — я подпрыгнул и закричал: — Ура! Ура!

И едва затихло эхо от моего крика, как раздался ответный клич, от которого кровь застыла в жилах. Это был громкий ослиный смех издалека, знаменитое «И-а!».

— Поливайнос! — воскликнул я, схватил Алису, и мы рванули по дороге.

Мы не останавливались до тех пор, пока, спустившись с холма, не очутились на шоссе номер двадцать четыре. Там, отдуваясь от километровой пробежки и испытывая дьявольскую жажду, еще большую, чем прежде, мы зашагали дальше к городу Онабек, который теперь находился менее чем в километре от нас.

Время от времени я оглядывался назад, но ка-

ких-либо признаков Осла не было. Однако не было уверенности в том, что он не идет по нашему следу. Он мог бы просто затеряться в огромных толпах людей, которые нам встречались по пути. Они несли корзины, бутылки, факелы, и, как я выяснил из разговора с одним мужчиной, все это были запоздалые зрители, которые спешили в город, чтобы посмотреть на отплытие баржи с костями.

— Прошел слух, что Махруд — да будет бык ему имя — воскресит мертвых у подножия холма, где расположены Источник и Бутылка, из которой хлещет Пойло. Так оно или нет, но поглядеть все равно всем нам очень интересно. Пикничок будет что надо — мяса, Пойла и друзей у нас вдоволь.

Я не стал с ним спорить.

Продвигаясь по Адамс-Стрит, я многое узнал об обстановке в долине. Спутник мой был очень разговорчив. Впрочем, как и все любители Пойла. Он поведал мне, что теократия начинается на самом низком уровне: с таких как он, Джонов Доу. Затем идут молельщики. Они получают прошения от населения, сортируют их и передают те из них, которые заслуживают внимания, пророками вроде Предсказателя Шинда, а те в свою очередь, пересылают их полубогам, таким, как

Поливайнос, Аллегория и дюжина других, о которых я никогда и не слышал. Они же общаются непосредственно с Махрудом или Пегги.

Махруд относится к божественной деятельности, как к большому бизнесу. Он передает различные полномочия своим вице-председателям, таким, как Осел, который ведает Плодородием, или Шинд, который, наверное, самый счастливый из всех когда-либо живших предсказателей. Бывший когда-то профессором физики в Трайбелле и городским метеорологом, Шинд сейчас является единственным синоптиком, чьи прогнозы верны на все сто процентов. Этому есть свои причины. Он делает погоду сам.

Все это было очень интересно, но рассудок мой не воспринимал эту информацию в той степени, в какой она того заслуживала. С одной стороны, я непрерывно озирался, чтобы удостовериться, что нас не преследует Поливайнос, а с другой меня беспокоило отношение Алисы ко мне. Теперь, когда у меня появились волосы — неужели она перестанет любить меня? И что же меня все-таки привлекает в ней — ее отношение ко мне или настоящее чувство.

Не будь мое положение настолько щекотливым, я от души посмеялся бы над собой. Когда бы

мог подумать, что когда-нибудь я не буду прыгать от радости, вызванной тем, что на моей голове опять полно волос, и что в меня влюбилась красивая девушка?

В следующее мгновение я все-таки подпрыгнул. Но не от радости. Кто-то у меня за спиной издал ослиный крик. В этом «И-а» ошибиться было никак нельзя. Я обернулся и увидел отливающую золотом в свете луны и факелов фигуру Поливайноса, галопом мчащегося к нам. Нас еще разделяло немало людей, но они с воплем разбегались в разные стороны, открывая ему дорогу. Цокот копыт по асфальту перекрывал их крики. Когда он нас догнал, то взревел:

— А что теперь, дружочек? Что теперь?

Как только он поравнялся, я упал ничком. Он бежал так быстро, что не смог остановиться. Как он ни пытался сохранить равновесие, это ему не удалось. Да тут его еще подтолкнула Алиса. Он опрокинулся, повалив вместе с собой бутылки, корзины с фруктами и клетки с цыплятами. Визжали женщины, катались корзины, билось стекло, пищали цыплята, с грохотом открывались двери — Поливайнос затерялся где-то в общей свалке.

Мы с Алисой продрались сквозь толпу, завер-

нули за угол и помчались по Вашингтон-Стрит, которая шла параллельно Адам-Стрит. Это было лучше, чем ничего. Пройдя квартал, мы снова услышали гигантскую глотку Осла, кричащего:

— Дружочек, что теперь? Что же теперь, дружочек?

Я мог бы поклясться, что он скачет к нам. Однако вскоре голос его стал затихать, а затем не стало слышно и цокота копыт.

Изрядно вспотев, мы вышли к началу Вашингтон-Стрит. Здесь мы увидели, что три моста через Иллинойс разрушены. Один местный житель сказал нам, что их в одну ненастную ночь разрушил молнией Махруд.

— Он не хотел, чтобы его беспокоили, переправляясь на другую сторону, — сказал он, сделав знак Быка. — Все, что когда-то было Восточным Онабеком, теперь посвящено владельцу Бутылки.

Его отношение подтвердило то, что я уже видел раньше. Эти люди, хотя и лишенные чего-либо сдерживающего в других отношениях, сохранили в себе достаточно страха, чтобы не мешать высшим божествам в их уединении. Что бы не передавали им жрецы, этого было достаточно, чтобы оставаться счастливыми.

Мы вышли к началу главной улицы, которая

упиралась прямо в Иллинойс, и стали подыскивать место для отдыха. Вот-вот наступит рассвет, а нам нужно было еще немного поспать, если мы хотели полностью восстановить силы для дальнейшей работы.

Хотя сначала мы полюбовались Источником. Это была тонкая дуга Пойла, которая поднималась из бутылки, установленной где-то за вершинами утесов на другой стороне реки. Низкая луна расцвечивала ее всеми цветами радуги. Оканчивалась она посреди реки. Как получался этот фокус, я не знаю, но это было одним из самых красивейших зрелищ, которые мне довелось видеть.

Размышляя над тем, как удается стабилизировать положение струи строго по дуге, я сообразил, что благодаря этому стабильному положению очень легко отыскать Бутылку. Нужно было следовать за струей к ее источнику. Он находился в полутора милях отсюда. Затем уничтожить Бутылку, устранив тем самым источник могущества Быка. После этого просто сесть и ждать, когда морские пехотинцы с планеров начнут покорение Онабека.

Все было так просто.

Мы побродили еще немного и, наконец, нашли

отличное место в парке, где можно было бы прилично отдохнуть. Алиса, уютно примостившись у меня па коленях, сказала:

— Дэн, мне ужасно хочется пить. А тебе?

Я признался, что меня тоже мучает жажда, но нам надо потерпеть. Затем, через минуту, добавил:

— Алиса, после того, как ты возьмешь свою пробу, ты намерена тотчас же отправиться назад, в штаб?

— Нет, — сказала она, целуя мне грудь. — Я останусь с тобой. Мне так хочется посмотреть, какие волосы отрастут у тебя. И больше не говори мне об этом.

— Не буду. Но пока мы выполним задание, мы еще хорошо настрадаемся от жажды.

В глубине души я был удовлетворен. Раз она захотела остаться со мной, значит, мои отрастающие волосы вовсе не были препятствием на пути настоящей любви. Может быть, это было настоящее чувство, а не порождение травмы или какого-нибудь комплекса. Может быть…

* * *

И вот я в таверне в маленьком городишке Кронкруаксин в Ирландии. Только что я выполнил

предсмертное желание моей матушки, и навестил ее мать, которая была еще жива, когда я ступил на борт самолета, летящего в Ирландию, и умерла в тот день, когда моя нога ступила на зеленый ковер родины моих предков.

После похорон я остановился у Билла О'Брайена, чтобы перекусить, и Билл с рогами, как у молодого техасского бычка достал бутылку с полки, где хранил свои диковины и промычал:

— Дэнни Темпер, взгляни-ка на быка на этом куске стекла! Знаешь, что он обозначает? Это бутылка, которую сделал сам Гобни, кузнец богов. «Пусть вечно течет волшебное пойло тому, кто знает Слово, тому, кто носит бога в душе».

— А что случилось с хозяином? — спросил я, и он ответил:

— Не забегай вперед. Всем прежним богам — ирландским, греческим, германским, русским, китайским, индийским — на Земле стало тесно, поэтому они договорились и покинули нашу планету. Только Пан оставался здесь еще несколько столетий, но и он бежал на крыльях света, когда объявились Новые Боги. Он вовсе не умер, как болтают.

А затем, в восемнадцатом веке, Новые Боги, которые теперь уже стали старыми, подумали,

что и им лучше было бы покинуть Землю, так как их расплодилось столько, что они стали теснить друг друга и драться за кусок хлеба. Но бутылка Гобни все это время лежала здесь, собирая пыль и легенды. И вот, приятель, — всего десять долларов. Что бы вы сделали с ней?

И тогда я сказал:

— Я бы запаковал ее и в шутку преподнес своему старому профессору. Его очень повеселит, когда я расскажу, что это подлинная, настоящая, никогда не иссякающая бутылка Гобни.

И Билли О'Брайен подмигнул мне:

— А он, видать, трезвенник! Что же на это скажет его старая жена — ведьма?

Я усмехнулся:

— Вот будет смех, если старый проф и впрямь подумает, что это настоящая бутылка Гобни!

А Билл, который теперь стал человеком рациональным, свирепо глянул на меня и сказал свисающей с плеча белке:

— О, Собирательница Орехов, этот простак совершенно ничего не знает! Ей богу, у него не хватает ума, чтобы понять, что с самого начала, с того момента, когда ее сделали, эта Бутылка предназначалась именно Босуэллу Дархэму. Он подходит и по фамилии, и потому, что родился

под знаком Тельца, и потому что он Бык по натуре, хотя всегда тщательно скрывал это.

И бармен, который теперь стал лысой Алисой — лысой, как ее собственная попка — протянул мне Бутылку.

— Вот, пейте за счет заведения…

И тогда я стал медленно скользить вниз, все ближе, ближе к краю…

— Пей, пей, пей! — кричала Алиса. — Иначе пропадешь!

Но я не сделал этого и со стоном проснулся. В глаза мне ударило солнце, а Алиса трясла меня и спрашивала: — Дэн, Дэн, в чем дело?

Я рассказал ей о том, что мне приснилось, и как в моем сне перемещались фантазия и подлинные события. Я рассказал ей о том, как купил бутылку у О'Брайена и переслал ее профессору. Это была мистификация, шутка.

Но какое ей было дело до моего сна — у нее, как и у меня, каждая клеточка тела и мозга была охвачена только одним — жаждой.

Она облизала сухие, потрескавшиеся губы, с тоской посмотрела на реку, где радостно плескались горожане, затем задумчиво сказал:

— Не думаю, что мне повредит, если я посижу в реке, а?

— Будь осторожна, — предостерег я ее.

Мне страшно хотелось присоединиться к ней, но я не мог даже близко подойти к воде. С меня было достаточно того, что я сумел подавить в себе панику, когда утренний бриз принес со стороны реки запах Пойла.

Пока она стояла в воде по бедра и, черпая воду ладонями, обливала себе грудь, я осмотрел окрестности при дневном свете. Слева от меня были какой-то склад и пристань. У пристани стояла длинная баржа для перевозки угля, перекрашенная в ярко-зеленый цвет. Множество мужчин и женщин, не обращая внимания на приготовления к празднеству, были заняты тем, что таскали мешки и продолговатые, похожие на мумии свертки из склада на баржу. Это были останки тех, кто совсем недавно покоился на кладбищах Счастливой Долины. Если полученная мною информация была верна, то после официальной церемонии они будут перевезены на противоположный берег.

Отлично. Я собирался отправиться туда вместе с ними. Как только Алиса выйдет из воды, мы обсудим мой план, и если она посчитает, что сможет присоединиться ко мне, то…

Большая ухмыляющаяся рожа высунулась из

воды как раз позади Алисы. Она принадлежала одному из тех шутников, которые ошиваются на каждом пляже и, схватив за ноги, затаскивают в воду зазевавшихся девушек. Я хотел было закричать, но было уже слишком поздно. К тому же, не думаю, что меня можно было бы услышать сквозь шум толпы.

После того, как Алиса отфыркалась и отплевалась, на ее лице появилось выражение крайнего восторга. Через минуту она уже пила воду большими глотками. Я весь обмер, потому что теперь она была в стане противника. Нужно было уходить. Сзади слышались ее крики:

— Иди сюда, Дэн, отличное пиво!

Я пробирался сквозь толпу, едва сдерживая горечь утраты, пока не вышел к дальнему концу склада, где Алиса не могла меня увидеть, и быстро вошел внутрь здания. Тут я заметил на куче мешков корзину для завтрака и, схватив ее, развязал один из мешков, сунул внутрь корзину и поднял мешок на плечо. Затем незаметно присоединился к очереди рабочих, которые тащили мешки на баржу, и проворно взбежал вместе со своей ношей по трапу.

Но вместо того, чтобы поставить свой груз туда же, куда ставили остальные, я быстро зашел за

гору мешков. Расположившись так, чтобы меня не было видно с реки, я вынул корзину, а кости вытряхнул через борт в реку. Выглянув из своего укрытия, я внимательно осмотрел берег. Алисы видно не было.

Удовлетворенный тем, что она не сможет меня отыскать, и, радуясь, что не раскрыл ей свои планы прошлой ночью, я заполз в мешок, прихватив с собой корзину.

Оказавшись там, я отдался во власть трех чувств, разрывающих меня на части — скорби, голода и жажды. Слезы текли из моих глаз всякий раз, когда я вспоминал об Алисе, и в то же самое время я с жадностью проглотил без всякой остановки одно за другим: апельсин, куриную ножку, грудинку, полбуханки свежего хлеба и две огромные сливы.

Фрукты в какой-то мере утолили жажду, но полностью облегчить те ужасные мучения, которые я испытывал, могло только одно вещество — вода! К тому же в тесном мешке было очень жарко. Солнце грело его беспощадно, и хотя я старался не прикасаться хотя бы лицом к нагретой мешковине, страдания от этого не уменьшались. Однако я не собирался сдаваться, раз уж зашел так далеко.

Скорчившись внутри толстого мешка, как зародыш в материнской утробе, я потел так сильно, что временами мне казалось, будто я плаваю в плодных водах. Внешние шумы слышались мне приглушенно. Всего лишь один раз донесся громкий крик.

Когда погрузка закончилась, я высунул голову из мешка и осмотрелся. Судя по солнцу, было около двенадцати, хотя здесь ни в чем нельзя быть уверенным: и форма, и положение в небе солнца и луны было сильно искажено. Наши ученые заявили, что особо теплый климат долины и удлинение солнца были вызваны особым «волнофокусирующим силовым полем», висевшим над долиной чуть ниже стратосферы. Такое объяснение было ничем не лучше, чем признание воздействия заклинания волшебника, но оно удовлетворяло широкие слои общественности и военных.

Церемония началась около полудня. Я съел последние две сливы из корзины, но не рискнул пить из бутылки, лежащей на дне. Судя по запаху в ней было вино, но нельзя было исключить того, что в него могли добавить Пойло.

Время от времени сквозь музыку оркестра пробивались обрывки псалмов. Затем, внезапно,

оркестр смолк, и раздалось могучее: «Махруд — это Бык, Бык из быков, и Шинд — пророк его!»

Оркестр снова начал играть. Сейчас это была увертюра к «Аиде». Когда она почти закончилась, баржа вздрогнула и пошла. Я не ощутил никакого рывка, характерного при буксировке. Тут я вспомнил, что не видел поблизости ни одного буксира, и понял, что присутствую при свершении еще одного чуда. Баржа двигалась сама по себе.

Увертюра закончилась струнным аккордом. Кто-то воскликнул:

— Троекратное гип-гип-ура в честь Альберта Аллегории! — и толпа трижды проревела здравницу.

Шум утих. Было слышно, как бьются волны о корпус баржи. В течение нескольких минут это были единственные звуки, которые проникали ко мне в мешок. Затем почти рядом послышались тяжелые шаги. Я втянул голову в плечи и замер. Шаги приблизились, затем все стихло.

Раздался скрипучий голос Аллегории:

— Похоже, кто-то забыл завязать этот мешок.

Ему ответил другой голос:

— Брось Эл. Не все ли равно?

Я бы благословил этот голос, если бы не одно обстоятельство — он был очень похож на голос

Алисы.

Затем в отверстии мешка появилась большая зеленая четырехпалая рука и взялась за тесемки, намереваясь подтянуть их и связать. Одновременно с этим в поле моего зрения попала этикетка, которая была намазана на тесьму, и я успел прочесть: «Мисс Дэниэль Темпер».

Я вышвырнул в реку кости моей матушки!

Почему-то это на меня подействовало гораздо сильнее, чем то, что я теперь нахожусь в завязанном тесном удушливом мешке, и у меня нет ножа, чтобы выбраться наружу.

Голос Аллегории продолжал бубнить:

— Так что, Пегги ваша сестра была счастлива, когда вы уходили от нее?

— Алиса обретёт полное счастье, как только найдет этого Дэниэля Темпера, — произнес голос, который принадлежал, как я теперь понял, Пегги Рурк. — После того, как мы расцеловались, как и подобает сестрам, которые три года не виделись, я ей объяснила все, что со мной произошло. Она начала рассказывать мне о своих приключениях, но я сказала, что уже знаю о большинстве из них. Она никак не могла поверить в то, что мы внимательно следили за ней и ее возлюбленным, как только они пересекли границу.

— Очень плохо, что мы потеряли его след после того, как Поливайнос нагнал их на Адамс-Стрит, — сказал Аллегория. — Будь мы на одну минуту раньше, мы бы поймали его. Ну что ж, пока что мы знаем, что он попытается уничтожить Бутылку — или выкрасть ее. Там его и поймаем.

— Если он действительно подберется к Бутылке, — сказала Пегги, — он будет первым человеком, которому это удастся. Тот агент ФБР, помните, добрался только до подножия холма.

— Если кто-нибудь и сможет это сделать, — проскрипел Аллегория, — то это будет именно Дэн Темпер. Так сказал Махруд, который его очень хорошо знает.

— Интересно, удивится ли Темпер, когда узнает, что каждый его шаг после того, как он ступил на Землю Махруда, был не только реальностью, но и символом реальности? И что мы вели его буквально за нос сквозь аллегорический лабиринт?

Аллегория расхохотался со всей мощью глотки быка в теле крокодила.

— Меня удивляет, не хочет ли Махруд от него слишком много: чтобы он читал в своих приключениях высший смысл? Например, в состоянии ли он увидеть, что вступил в эту долину, как новорожденный вступает в мир — лысый и без-

зубый? Или то, что он встретил и одолел Осла, который есть в каждом из нас? Или то, что для того, чтобы совершить это, ему пришлось потерять внешний источник своей силы и явное бремя — бидон с водой? И уже затем действовать, полагаясь только на собственные силы, не имея источника внешней силы, на который можно было бы рассчитывать? Или то, что в образе копателей он встретился с воплощенным наказанием человеческого самомнения в религии?

— Он будет очень расстроен, — сказала Пегги, — когда узнает, что настоящий Поливайнос далеко на юге и что это вы сыграли его роль.

— Что ж. — пробормотал Аллегория, — я надеюсь, что Темпер сумеет понять, что Махруд сохранил Поливайноса в его ослином виде, чтобы преподать каждому предметный урок, заключающийся в том, что если уж Поливайнос мог стать богом, то и каждый может этого достигнуть. А если же не может, то он просто недостаточно ловок для этого.

Неожиданно из лежащей в корзине бутылки выскочила пробка, и какая-то жидкость потекла мне на бок.

Я замер, испугавшись, что эти двое услышат хлопок. Но они вроде бы ничего не заметили. Да

это было бы вовсе не удивительно. Голос Аллегории громыхал как приличная гроза.

— Он встретил Любовь, Молодость и Красоту — которых нигде не найти в изобилии, кроме этой долины — в лице Алисы Льюис. И ее, подобно всем этим трем качествам, завоевать было очень нелегко. Она отвергла его, манила его, язвила ему, почти лишала рассудка. Ему пришлось одолеть некоторые из своих недостатков — такие, как стыд за то, что он лысый и беззубый, — прежде чем он сумел завоевать ее, а в результате обнаружил, что придуманные им недостатки в ее глазах являются достоинством.

— Не знаю. Хотел было я принять образ сфинкса и задать ему вопросы, чтобы у него был хоть какой-то ключ к его дальнейшей судьбе. Он бы понял, разумеется, что ответ сфинксу состоит в том, что человек сам является ответом на все старые вопросы. По себе, может быть, он понял бы, куда я клоню, когда спросил у него — куда Человек, Современный Человек, идет?

— И когда он найдет ответ на это, он тут же станет богом?

— Если! — загремел Аллегория. — Если! Махруд говорит, что Дэн Темпер всего лишь чуть-чуть выше среднего обывателя в этой долине. Он — ре-

форматор, идеалист, который будет несчастлив до тех пор, пока не бросится с копьем на какую-нибудь ветряную мельницу. Но ему придется не только победить ветряные мельницы внутри самого себя — свои беспочвенные страхи и комплексы — ему еще придется опуститься в самые глубины самого себя и извлечь за волосы утонувшего бога в бездне собственного эгоизма. Если он не сделает этого, с ним будет покончено.

— О, нет, только не это! Я не знала, что Махруд имеет в виду!

— Да! — голос Аллегории стал громче. — Именно это он имел в виду! Он говорит, что Темпер должен найти себя или умереть! Темпер сам захочет, чтобы это было именно так! Он будет одним из беззаботных, полагающихся только на то, что бог будет думать за него, а Пойло — делать. Его не удовлетворит судьба праздного бездельника под этим необузданным солнцем. Он будет первым в этом Новом Мире или предпочтет умереть.

Разговор был интересным, если не сказать больше, но я потерял его дальнейшую мысль, ибо из бутылки продолжало литься — уже не вино, а Пойло. Я заткнул горлышко бутылки пальцем.

— Поэтому, — продолжал Аллегория, — он побежал на кладбище, где встретился с Мокрым

Козлом. Козлом, который вечно оплакивает покойников, однако будет негодовать, когда их воскресят. Который отказывается поднять свою окоченевшую и занемевшую задницу с надгробной плиты своей так называемой любимой. Это человек был живым символом его самого — Дэниэла Темпера — который своими печалями вызвал свое собственное облысение в раннем возрасте, хотя обвинял в этом загадочную болезнь и лихорадку. И который, если копнуть поглубже, не хотел, чтобы воскресла его мать, потому что она была всю жизнь для него источником неприятностей…

Давление внутри бутылки неожиданно возросло и вытолкнуло мой палец. Пойло стало хлестать так, что мешок быстро наполнялся, гораздо быстрее, чем часть Пойла успевала просачиваться через мешковину. Я стоял перед выбором — быть обнаруженным или захлебнуться.

И как будто всех этих неприятностей было для меня мало — чья-то тяжелая нога опустилась мне на спину. Тут же раздался голос. Я узнал его, даже после всех прошедших лет. Это был голос доктора Босуэлла Дархэма, бога, ныне известного под именем Махруд. Но вот такой сочности и таких басовых нот, как сейчас, в те добожественные

дни в нем не было.

— Ладно, Дэн Темпер, маскарад окончен!

Окаменев от ужаса, я молчал и не шевелился.

— Я сбросил вид Аллегории и принял свой собственный, — продолжал Дархэм. — На самом деле это я все это время говорил. Я был Аллегорией, которую ты отказался узнать. Я сам — твой старый учитель. Но ты всегда не желал понимать все те аллегории, которые я тебе показывал.

— Ну, а как тебе понравилась последняя, Дэнни? Послушай! Ты пробрался на борт ладьи Харона — этой угольной баржи — и забрался в мешок, в котором были кости твоей родной матушки. И, неосознанно символизируя свое нежелание в воскрешение своей матери, ты выбрасываешь ее кости за борт. Разве ты не заметил ее имя на этикетке? И почему? Подсознательно, но с умыслом?

Так вот, Дэнни, — мальчик мой, ты снова там, откуда начал — во чреве своей матери, где, как мне кажется, ты всегда хотел бы оставаться. Откуда я все это знаю? Крепись, ибо тебя ждет настоящее потрясение. Доктор Дуэрф, психолог, который готовил тебя для заброски на эту территорию — это тоже я!

Мне было трудно всему этому поверить. Про-

фессор всегда был добрым, кротким и забавным любителем всяких каламбуров и шуток. Однако сейчас мне было не до его юмора. Я чувствовал, что вот-вот утону в Пойле. Пожалуй, в этой шутке он зашел слишком далеко.

Я как мог, сказал ему об этом, на что он заявил:

— Жизнь — вот единственное настоящее! Жизнь — вот единственное важное! Это ты сам всегда говорил, Дэн. Подумай, тот ли смысл ты вкладываешь сейчас в эти слова? — Ладно, слушай: ты ребенок, который должен родиться. Или ты намерен оставаться в мешке и умереть, или вырвешься из этих первичных вод в жизнь!

Теперь посмотрим на это несколько иначе. Я — акушерка, но руки мои связаны, и я не могу способствовать твоему появлению на свет. Мне приходится делать это как бы с большого расстояния, так сказать, символически. До определенной степени я могу дать совет, что делать, но тебе, еще не родившемуся ребенку, придется только догадываться о значении некоторых слов.

Мне захотелось крикнуть, чтобы он перестал паясничать и выпустил меня. Но, все же я этого не сделал. У меня есть своя гордость. Я только спросил его:

— Что вы хотите, чтобы я сделал?

— Ответь на вопросы, которые я в облике Аллегории и Осла задал тебе. Тогда ты сможешь освободить себя. И будь уверен при этом, что я за тебя развязывать этот мешок не буду.

О чем он спрашивал? Я неистово обшаривал все закоулки своей памяти, но подступающее Пойло мешало мне связанно думать. Мне хотелось закричать и разорвать мешок голыми руками. Однако сделав это, я распишусь в собственной ничтожности.

Я сжал кулаки, сосредоточился и стал прокручивать в мозгу события вчерашней безумной ночи, пытаясь вспомнить, что же говорили Аллегория и Поливайнос.

Что это было? Что?!

Аллегория сказал: «Куда вам идти сейчас?» А Поливайнос, гоняясь за мной по Адамс-Стрит, кричал мне: «Дружочек, а что же теперь?».

Ответом на вопрос сфинкса было — человек!

Аллегория и Осел сформулировали свои вопросы подлинно научным способом, так, чтобы в самих вопросах содержался ответ.

И ответом было: человек — это более, чем человек.

В следующую секунду я переборол условный рефлекс и глотнул добрую пинту Пойла, как для

того, чтобы утолить жажду, так и для того, чтобы выбросить остатки всего, что еще сдерживало меня и не давало раскрыться. Я велел Пойлу в бутылке, чтобы оно перестало хлестать, затем, взорвав мешок так, что куски его разлетелись далеко за борт баржи, поднялся во весь рост.

Передо мной, улыбаясь, стоял Махруд. Я узнал в нем своего старого профессора, хотя теперь он был ростом почти в два метра, имел на голове копну длинных черных волос и несколько подправил черты лица, чтобы выглядеть привлекательно. Рядом с ним замерла Пегги. Она была похожа на свою сестру Алису, только рыжая. Это была очень красивая девушка, но я всегда предпочитал брюнеток — Алису, в частности.

— Теперь ты все понял? — спросил Махруд.

— Да, — кивнул я. — Даже то, что очень многое из этого символизма имело чисто внешний эффект, чтобы поразить воображение. Ну, и то, что я мог не бояться захлебнуться — вы все равно бы воскресили меня.

— Да, но тогда ты уже никогда бы не стал богом. И не унаследовал бы мой мир.

— Что вы хотите этим сказать?

— Мы с Пегги умышленно вели тебя и Алису к этой развязке, чтобы располагать кем-нибудь,

кто сможет продолжить здесь нашу работу. Нам слегка уже надоело то, чем мы здесь занимаемся, но нельзя же просто так все бросить. Поэтому я и избрал тебя своим преемником. Ты — совестливый идеалист, который только что открыл в себе скрытые возможности. У тебя все будет получаться, пожалуй даже лучше, чем у нас, и ты создашь прекрасный мир. Ведь ты — человек серьезный, а меня всегда тянуло к шуткам и каламбурам.

Мы, Пегги и я, хотим отправиться в, своего рода, Большое путешествие, чтобы навестить прежних земных богов, которые рассеяны теперь по всей Галактике. Они, как и мы, молоды по сравнению с возрастом Вселенной. Можно сказать, только закончили школу — на нашей Земле — и теперь посещают центры подлинной культуры, чтобы отшлифовать мастерство.

— А что же будет со мной?

— Ты теперь бог, Дэнни. И, как бог, должен сам принимать решения. А нас с Пегги ждет дальняя дорога…

И они исчезли. Я еще долго стоял, глядя на реку, на холмы, на небо и на город, где собрались толпы зрителей. Теперь все это было моим. МОИМ!

Включая и одну человеческую фигурку — и какую фигурку! — которая стояла на пристани и

махала мне рукой.

На следующий день я сидел на вершине холма, просматривая всю долину. Как только появились планеры с морской пехотой, я схватил их с помощью — как это там у вас называется? — психокинеза и окунул в реку. А когда морские пехотинцы, размахивая руками, поплыли к берегу, я посрывал с них кислородные маски — и забыл бы о них, если бы вовремя не вспомнил, что многие из них почти не умеют плавать. Этих я повыбрасывал из воды на берег — настолько добр я был в этот, в общем-то, весьма неприятный день.

Настроение было препоганое. Даже несмотря на целебное Пойло, ноги мои все еще гудели, а небо — по инерции — было сухим, как песок.

Но не это было главной причиной дурного настроения.

Челюсти мои адски ныли, ибо у меня резались зубы.